

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

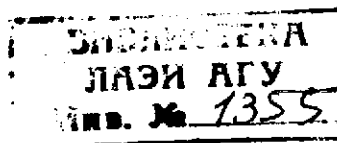
Тезисы докладов
к конференции

Барнаул • 1996

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОГРАММА «НАРОДЫ РОССИИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Издательство
Алтайского государственного университета
Барнаул • 1996

ББК 63.4

Актуальные проблемы сибирской археологии (тезисы научной конференции). Барнаул: Издательство Алт. ун-та, 1996. - 110 с.

В сборнике опубликованы материалы докладов и сообщений научной конференции «Актуальные проблемы сибирской археологии», посвященной 50-летию известному исследователя древних культур Сибири, доктора исторических наук, профессора Юрия Федоровича Кирюшина, проходившей в Барнауле, в Алтайском государственном университете и НИИ Гуманитарных исследований 12–13 января 1996 г.

Ответственный редактор: к.и.н. А.Б. Шамшин

Редакционная коллегия:

д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, к.и.н. А.Л. Кунгуров

- © Алтайский государственный университет, 1996
- © А.Б. Шамшин, составление, 1996
- © А.В. Максимов, оформление, 1996

АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Современная отечественная археология и сибирская в том числе переживают особое состояние, которое можно назвать состоянием поисков новых путей исследования памятников древности. Десятилетиями опробованы пути и методы археологических исследований: датировки отдельных памятников и комплексов с выходом на хронологию больших культур и культурных общностей; культурно-хронологическая периодизация археологических общностей в пределах больших эпохальных отрезков времени; выявление отдельных культур и больших культурных общностей (областей, провинций); типология и классификация полученного материала; попытки, удачные и менее удачные, исторической интерпретации больших археологических общностей; статистико-комбинаторные разработки больших и малых археологических комплексов, культур и культурных общностей. Это привело к появлению на археологической карте Сибири десятков культур, которые выделены разными исследователями, часто на разных основаниях. Само по себе это не так уж плохо: в конце концов обилие археологических культур на начальной стадии исследования вполне объяснимо и оправдано; рано или поздно, но многообразие культур, если это не отвечает объективной культурной пестроте региона, будет устранено, и будут открыты реальные группы памятников, образующих ту или иную культуру или общность культур.

Отечественная археология и сибирская тоже предпринимала многочисленные попытки этнической интерпретации археологических общностей (А.П. Окладников, В.Н. Чернецов, М.Ф. Косарев и др.). В итоге можно считать установленным, что реальное сопоставление культурных и этнических общностей допустимо только со времени раннего железного века. Более глубокие проникновения в прошлое при этногенетических исследованиях с помощью археологических источников возможны только на основе субстратного анализа, где археологический материал может выступать только как один из многих компонентов, которые возможно принимали участие в этнической истории древних обществ, в какой-то мере внесших свою долю в современный этнос.

Конечно, для отдельных регионов Сибири (и больших, и малых) остаются актуальными такие вопросы как выработка культурно-хронологической шкалы, связь археологических комплексов этих регионов с другими подобными регионами. Но решение таких вопросов в наше время чаще представля-

ется делом техническим, не требующим выработки каких-либо новых методологических принципов, ибо опыт создания таких культурно-хронологических систем уже достаточно богат и доступен каждому. Можно уверенно сказать, что наши коллеги, работающие по археологии Алтая, обязаны завершить многоплановую, многоэлементную культурно-хронологическую шкалу Алтая, тем более, что многие звенья и этапы этой шкалы уже существуют давно.

Представляется важнейшей проблема создания и накопления компьютерной базы данных по археологии разных регионов Сибири и приведение ее в состояние, при котором она будет доступна любому исследователю. Начатая подобная работа в ряде сибирских научных центров должна быть жестко скорректирована между центрами Сибири, страны и подобными международными центрами. Работа по такой программе решит многие вопросы и проблемы и конечно породит новые, до сих пор не известные нам, что само по себе закономерно. Так, например, будет решена во многом проблема оперативной информации без публикации памятников обычным путем. Но вместе с тем встает ряд вопросов научной этики, в частности, вопросов авторского права на материалы археологических памятников.

Нам представляется, что нынешнее состояние археологии ставит на повестку дня вопрос о всемерном сокращении раскопок памятников с определением в археологии приоритетов таких направлений, которые можно разрабатывать без раскопок новых памятников. И это не должно сказаться на плодотворности археологического поиска. Скорее наоборот.

Сибирским археологам можно заняться исследованием истории отдельных элементов и компонентов материальной культуры региона, что безусловно выявит какие-то закономерности их развития, своеобразие их форм и т.п. Можно только приветствовать инициативу ряда западносибирских коллег, воплотившуюся в появлении фундаментального труда «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири». Можно предполагать появление ряда фундаментальных исследований по истории различных видов производств (охоты, рыболовства, производящих типов хозяйства: земледелия, скотоводства, ранних форм металлургии), по эволюции отдельных категорий предметов и изделий.

В настоящее время все основательнее набирает силу направление экспериментальной археологии, особенно удачны в этом отношении работы И.Г. Глушкова в Тобольске. Этому направлению суждено со временем превратиться в одно из важнейших в сибирской археологии. Работа в этой области с очевидностью приведет к созданию собственной методологической базы, научного аппарата, определению сферы своих

исследований, своей методике и т.п., то есть оформление этого направления будет означать выход его на качественно новый уровень, который позволит понять многие проблемы и археологии, и истории общества. В сибирской археологии по меньшей мере в течение сотни лет идет разговор об использовании комплекса источников при изучении любого исторического явления древности, но особенно процессов этнической истории. В этой связи многократно обсуждались и вопросы использования этнографических данных при исследовании археологических явлений и наоборот. Результаты таких обсуждений до сих пор остаются малопродуктивными. Сейчас решение или подступы к решению этой проблемы приобретают организационные формы и начала: в Омске начала работу поисковая группа, ведущая проблему «Интеграция археологии и этнографии» (Н.А. Томилов, С.С. Тихонов и др.). Сейчас еще рано говорить о каких-либо положительных результатах, но приступы к ее решению обнадеживают. В настоящее время в Сибири работают группы ученых, по праву заслуживших признание за их широкие полевые исследования. Такие полевые исследования будут и должны быть продолжены. Тем не менее они скорее всего будут существенно ограничены. Разумеется, это ни в коей мере не означает сокращения финансирования археологических работ.

В.И. Молодин

(Новосибирск, ИАиЭ СО РАН)

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ С МЕРЗЛОТОЙ*

Методика полевых исследований любого археологического объекта предопределяет, по существу, конечный итог исследовательской процедуры, репрезентативность получаемых выводов. При исследовании могильников с мерзлотой помимо проблем, связанных с ее оттаиванием, добавляется еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое связано с организацией в полевых условиях немедленной консервации и реставрации полученных предметов из дерева, кожи, тканей, войлока, меха. К тому же, в замерзших могилах нередки случаи сохранения мягких тканей человека и животных, которые также требуют особого к ним отношения.

На протяжении шести последних лет силами двух

* Работа выполнена по гранту РГНФ «Древняя культура Горного Алтая. Плоскосторье Укок». Код 95-06-17510. ИАЭТ СО РАН

археологических отрядов Института археологии и этнографии СО РАН проводились исследования на плоскогорье Укок, где было раскопано несколько курганов пазырыкской культуры, содержащих мерзалоту (Polos'smak 1991; 1994; Полосьямак 1994).

В настоящее время пока еще не удалось в полном объеме представить механизм образования и сохранения линзы мерзалоты в погребальной камере, хотя по данной проблеме уже имеют место и серьезные наработки. Впрочем, это особая тема, к которой я надеюсь, удастся обратиться в недалеком будущем.

В данной работе я хочу познакомить специалистов, хотя бы в тезисной форме, с методикой, которая применялась Н.В. Полосьямак и мною при раскопках замерзших курганов.

Первым этапом работы является снятие инструментального плана памятника, фотографирование объекта и съемка его на видеокамеру. Затем, с избранного для раскопок кургана удаляется почвенный слой, производится зарисовка, фото и видеофиксация. Все эти процедуры, в принципе обычны для раскопок погребальных памятников (Авдусин 1980; Чмыхов, Шилов, Корниенко 1986), хотя и содержат определенные новации. Так, съемки процесса работ на видеокамеру лишь начинают внедряться в российской археологии, прежде всего при работе с петроглифами (Новоженков, Смирнов, Шер 1993). При наших исследованиях на Укоке видеофиксация возведена в правило и присутствует на всех этапах раскопок памятника.

Значительно усовершенствована и фотофиксация объектов, которая производилась с использованием японской методики со специальных штанг, благодаря которым камеры поднимались на несколько метров над раскопом (Лабецкий, Мельников 1995).

Вторым этапом была послойная разборка надмогильного сооружения, которая проводилась вручную, с оставлением контрольной стенки для фиксации разреза. Такой подход позволил выявить конструктивные особенности надмогильных сооружений (Молодин 1992). Причем некоторые из этих особенностей никем из исследователей культуры ранее не зафиксированы. Применение такой методики при работе даже с крупными курганами диаметром в 30 метров — Кутургунтас, Ак-Алаха — 2,4 (Полосьямак 1993; 1994), принципиально отличает наш подход к изучению надмогильных сооружений от раскопок М.П. Грязнова и С.И. Руденко крупных пазырыкских курганов, где в лучшем случае исследовалась лишь одна восьмая часть конструкции (Грязнов 1950; Руденко 1953).

Расчистка погребальной камеры от земли производилась

с использованием обычной для такой процедуры методики. Наш опыт показывает, что в случае обнаружения в могиле сопутствующих конских захоронений целесообразно, еще до вскрытия перекрытия камеры, отработать эту часть погребения, расчистив, зафиксировав и разобрав инвентарь, костяки животных и сохранившуюся органику.

Благодаря этому в закрытой камере происходит постепенное, естественное оттаивание льда, и, что самое главное, деревянные, кожаные и войлочные предметы с коня (или коней) находятся в размороженном состоянии предельно короткое время, тут же попадая в лабораторию реставратора.

Следует иметь в виду, что в отличие от работы с обычным погребальным памятником, когда зарисовка и фотофиксация объекта производится после окончательной расчистки (исключая, разумеется, съемку и зарисовку отдельных деталей), — фиксация предметов при работе с замерзшей могилкой идет по мере оттаивания вещи, после чего деревянный предмет рекомендуется немедленно снять и поместить в спиртовую ванну, что касается войлока, ткани и меха, то по мере того как вещь сохнет ее состояние улучшается, поэтому снятие предмета с его первоначального положения рекомендуется не только после фотовидеографической фиксации, но и после достаточной просушки.

После вскрытия погребальной камеры исследователь сталкивается с крупной линзой льда, полностью или частично заполняющей камеру. В верхней части линзы, как правило, обнаруживаются деревянные предметы, которые всплыли на поверхность еще в водной среде.

Для таяния льда применяются два способа.

1. В могиле создается парниковый эффект благодаря сооружению над камерой двойного, относительно герметичного перекрытия из полиэтиленовой пленки. В результате, интенсивный процесс таяния протекает все то время суток, когда работы на объекте не производятся. Процесс идет столь интенсивно, что требуется примерно дважды в сутки отчерпывать со дна могилы воду.

2. Однако в сильно затененных местах камеры лед тает очень плохо. В таком случае некоторые деревянные предметы размораживаются частично, в результате чего часть изделия интенсивно сохнет, а другая часть остается в первоначальном состоянии, что грозит деформацией, растрескиванием или вообще утратой уникального предмета. Поэтому, в таких случаях мы, как и наши предшественники М.П. Грязнов и С.И. Руденко (Руденко 1948; 1952), оттаивали лед направленной струей горячей воды с последующим ее отчерпыванием. При таком способе вода льется на лед, но даже если она попадает на предмет — никакого пагубного воздействия не

происходит.

В двух случаях в погребениях были обнаружены мумифицированные трупы людей, иногда остатки мягких тканей. Потемнение кожи и биологических объектов происходит почти сразу же при воздействии воздушной среды, однако при последующей обработке методами, применяемыми в Московском центре ВИЛАР, происходит ее полное осветление. Открытые участки кожи рекомендуется держать во влажном состоянии, для чего применяются водные тампоны. Если речь идет о небольшом участке тканей, можно применять формалиновую «баню».

Хранить биологический объект до его отправки в стационарную реставрационную лабораторию требуется при минусовой температуре, что достигалось на Укоке созданием естественной морозильной камеры, а в Новосибирске в специальном холодильнике. Желательно предельно сократить пребывание мумии при плюсовой температуре до погружения ее в специальные растворы.

Что же касается всех без исключения предметов, полученных при раскопках, то они должны пройти обязательную профилактическую реставрационную обработку и упаковку для транспортировки, что должен осуществлять профессиональный реставратор.

В заключение должен отметить, что учет всех необходимых требований реставрации, применяемых нами на Укоке, привел к тому, что ни одна вещь из раскопок не была утрачена и после проведения стационарной реставрационной обработки они находятся в отличном состоянии. Конечно, имеют место и особые требования к хранению и экспонированию этих предметов, однако это уже тема для специалиста реставратора.

А.И. Мартынов

(Кемерово, университет)

О ПРИНЦИПАХ ДАТИРОВКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА СИБИРИ

Хронологическое определение памятников и образов наскального искусства является наиболее сложной и наименее разработанной областью исследования. Причиной тому являются известные объективные трудности: отсутствие прямой связи и идентичности между образами наскального искусства и предметным археологическим материалом той или иной археологической культуры; сомнительность хронологического

определения с помощью расположенных рядом археологических памятников. Доказать их одновременность можно только в редких случаях. Не дали пока желаемых результатов и применяемые, в основном за рубежом, естественно-научные методы, использование которых к тому же ограничено в силу специфики материала.

Очевидно поэтому археологи, сталкивающиеся с этой проблемой, придают такое большое значение палимпсестам, художественно-стилистическим особенностям и их хронологическим обоснованиям, а в последнее время рассмотрению так называемых «традиций» (В.И. Молодин. Еще раз о датировке Турочакских писаниц. Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 4–24; И.В. Ковтун. Петроглифы Висящего Камня и хронология Томских писаниц. Кемерово, 1993; и в кандидатской диссертации последнего). Сама по себе процедура увлекательная, но в конечном итоге она приводит, на наш взгляд, в область сравнительных иллюзий, философствованию без учета конкретной среды, истинных традиций, границ распространения образов и искажениям. Я уже не говорю, что традиции рассматриваются не в общепотребляемом понятии как хронологически последовательно передаваемый из поколения в поколение материал, а «новаторски», как распространяемый в пространстве стиль, прием наскального искусства, своего рода «гуляющая» без понятия границ и времени археология.

Хронология наскального искусства в прошлом, естественно, породила различные, в большинстве своем не развитые или просто ничем не подкрепленные, тем не менее часто авторитетные высказывания, в том числе по Томской писанице А.А. Формозова, В.Н. Чернецова, М.А. Дэвлет, С.В. Студзицкой, датировавших лосей Томской писаницы эпохой бронзы. При этом ссылки на них идут как на само-собой разумеющееся, отбрасывая все сомнения и предположения самих авторов.

Несомненна стилистическая и, очевидно, хронологическая близость первой и второй Турочакских писаниц, несомненно также перекрывание рисунка быка лосем на второй Турочакской и в Шалаболино. Но из этого совсем не проистекает, что «...данное открытие, — как пишет В.И. Молодин, — позволяет аргументированно датировать значительную часть изображений, выполненных в склетной манере, окуневским временем». Еще не меньшее удивление вызывает и другой вывод, что существенное число петроглифов Енисея и Томи следует отнести к окуневскому времени (В.И. Молодин, с. 13). Блестяще написанная статья сама по себе интересна и несомненно доказывает хронологическую близость Турочакских писаниц. Удивление вызывает другое:

частный случай распространяется чуть ли не на все наскальное искусство Северной Азии.

Призыв одного из ведущих ученых подхвачен, развит как программа действий, и мы уже сталкиваемся с другими нелепостями. Уже можно прочитать выводы о том, что А.П. Окладников и кто с ним работал, все наскальное искусство относили к неолиту, что изображения на Томи тоже якобы все датировали неолитом (И.В. Ковтун, с. 16-37). Хотя достаточно открыть книгу «Сокровища Томских писаниц», чтобы убедиться в том, что это не так. В силу возможностей датирующих материалов того времени выделяются на святилище и других памятниках Притомья изображения неолита, эпохи бронзы и позднескулайского времени. Поэтому «существенное число петроглифов Томи» нет и не было оснований относить к окуневскому времени, как никогда не было оснований все их относить к неолиту.

Удивляет, что для доказательства окуневской принадлежности петроглифов Енисея и Томи с алтайскими, видимо, все ясно, приводится большое количество действительно окуневских и не окуневских изображений, выполненных в разной технике, в том числе и не имевших никогда никакого отношения к Притомью, как каменные окуневские изваяния, личины, где наряду с «бычьими рогами», что сомнительно, присутствует ярко выраженная и, отмеченная уже не раз в литературе, растительная символика. Все это, видимо, не удивляет с точки зрения блуждающей археологии. И даже не смущает, что разные животные, в одних случаях лоси, в других олени, разная техника исполнения, наконец, какая окуневская культура в среднем или нижнем Притомье? Наконец, почему надо отвергать неолитическое происхождение притомского наскального искусства, его своеобразие и традиционность, отрицать несомненную связь с образами лосей в лесной неолитической пластике. Несмотря на пересмотр хронологии некоторых памятников, неолитическая художественно-мифологическая принадлежность образа лося к большому пласти лесного неолита не вызывает сомнений: серия китойских фигурок, недавние находки в неолитической стоянке Капанир, в неолитическом погребении у ручья Гремячий в Красноярском крае, где костяная фигурка лося имеет такое же членение (насечки), как и на рисунках писаниц (ангарский стиль). Все эти вещи более убедительно свидетельствующие о неолитической принадлежности и неолитическом возникновении наскального искусства в лесной зоне Северной Азии, к которой и принадлежит Томская писаница.

В связи с традициями наскального искусства уместно отметить, что оно, возникнув в голоцене, изначально зало-

жило представление о ведущем художественно-мифологическом образе. Ведущие образы возникли как характерные для больших природных зон. Изначально их было три: Южносибирская-Саяно-Алтайская, где ведущим мифологическим образом был баран, козел; лесная зона с основным художественно-мифологическим образом лося. Третья зона — Восточная и Северо-Восточная Азия, которая не воспринимается как носитель единого изначального символа. Это прежде всего необходимо учитывать при рассмотрении наскального искусства. В этом заложена его традиционность. Поэтому нет ничего необычного в том, что бык Турочакской писаницы перекрывается лосем, характерным для другой историко-культурной зоны искусства. Это можно расценивать как северное влияние. Наверное, учитывая образ быка, характерный для окуневского искусства, этот пример относится к окуневскому времени, а возможно и более позднему. Но он не дает никаких оснований связывать с этим весьма частным случаем возникновение и раннюю историю ни Томской писаницы, ни всего пласта лесного наскального искусства. Они традиционно далеки друг от друга. Здесь нет ни привычного образа быка, ни графических мифологических символов, как в южной зоне.

Проблематична и попытка связать полностью Томские петроглифы с самусьским искусством, для которого характерен образ медведя.

В связи с хронологией наскального искусства необходимо специально остановиться еще на нескольких аспектах.

1. Наскальное искусство нельзя считать отражением выделенных нами археологических культур, оно самостоятельно, имеет свои тенденции развития и не является дополнением к археологическим культурам, как это стараются представить.

2. Наскальное искусство возникло и подпитывалось прежде всего мифотворчеством, с его большими формирующими территориями, производственными особенностями и природно-географическими условиями жизни.

3. В силу этих особенностей оно несет в себе изначальные характерные для той или иной территории символы в их стилистическом и хронологическом развитии. Эти образы-символы проходят через эпохи, как правило, от неолита до рубежа нашей эры: лось в лесной зоне, баран и козел в Алтае-Саянской зоне. Об их хронологии можно говорить только применительно к конкретным случаям, не распространяя ее на весь массив образов. В целом они не поддаются хронологии. Эту особенность не поняли критики. «Ангарский» стиль на Томи и Ангаре, возникнув в неолите, исчезнув потом на Ангаре, получил развитие в эпоху бронзы и в

кулайское время на Томи и имел распространения на юг.

4. Художественный стиль консервативен, он не менялся так быстро, как представляется критикам, а в лесной зоне не происходило и смены образов. Поэтому здесь нет привычных для энеолита и бронзы быков, символических фигур. Нельзя допускать при исследовании территориальной инверсии, особенно в рассмотрении стиля. Окуневские мотивы нет никаких оснований рассматривать не в зоне самой культуры, да еще по выхваченным образцам с сомнительными сравнениями. Одно дело, когда это делается методом компьютерной графики, другое, когда визуально и путанно, с подменой даже видов животных: олень, лось.

5. Особо стоит остановиться на палимпсестах. Наблюдается преувеличенное, почти магическое отношение к ним. При этом не учитывается, что они могли быть как разновременными, так и одновременными, совсем с небольшой разницей во времени. Я уже не говорю, что процедура работы с ними не выдерживает никакой критики и не носит исследовательского характера. Во-первых, в 70–80% случаев надо признать, что не ясно что чем перекрывается, это знают все исследователи. Поэтому они в большинстве случаев сами определяют визуально, что чем перекрывается. Во-вторых, не проводится никаких необходимых в таких случаях инструментальных исследований: микрофотографирование, бинокулярные наблюдения, слепки и другое. Я исключаю те случаи, когда по причине непрофессионализма или в угоду желаемому в публикации вдруг обнаруживается то, чего нет на самом деле на скале. Так получилось с якобы окуневской личиной, перекрывающейся лосем на Висящем Камне (Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц, рис. 70). Ее просто нет там.

Увлечения частными примерами или беспредельная оторванность от конкретных исторических факторов, как это получилось с Томскими петроглифами у приверженцев радикальной перестройки хронологии, создает иллюзии и только уводит нас от поисков истинных путей построения хронологии. Это уже поняли в зарубежной археологии и пошли по пути разработки типолого-хронологических таблиц. Такие таблицы разработаны и неоднократно опубликованы для наскального искусства Северной и Центральной Индии, для Альпийской, Пиренейской зон. Конечно, они несут в себе элемент условности. Но они тем не менее показывают развитие образов, стиля в хронологической последовательности, принимаются большинством исследователей и раскрывают наскальное искусство в развитии как один из элементов человеческой культуры. Мы же, к сожалению, этим не занимаемся. Нас увлекают сомнительные сравнения и глобальные выводы.

Л.А. Чиндина

(Томск, университет)

НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ В КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В последние десятилетия интеграция исследований историко-культурных процессов и среды обитания человеческого общества приобрела большой размах и осуществляется в разнообразных направлениях, сводясь в общих чертах к изучению палеогеографии археологических памятников и культур и их геохронологии.

В Сибири как и в других регионах этот синтез преобладает в изучении ранних этапов антропогена — эпохи камня, где он более целенаправлен и систематичен, чем для эпох металла. Приоритет объясняется тем, что эпоха камня оперирует огромными временными отрезками, по которым проще проследить глобальные преобразования в природной среде. Для изменения почв, растительности, животного мира требуются десятки тысяч лет воздействия климатических условий. Краткосрочные колебания климата не находят отражения в их составе. Традиционные геологические методы дают усредненную, не по сезонам геологическую характеристику. На небольших временных отрезках трудно реконструировать динамику природной среды: биологическую продуктивность, длительность теплых и холодных сезонов, распределение и интенсивность осадков, температур, пространственное перераспределение в живой природе и т.д., то есть то, что жизненно важно для конкретных человеческих сообществ. Этим «ведает» режим тепловлагообеспеченности. Поэтому в комплексных археолого-палеогеографических исследованиях эпох металла наиболее перспективно изучать циркуляцию воздушных масс, отдавая предпочтение режиму увлажненности, как наиболее чуткому локально-хронологическому индикатору колебания климата (Авенариус И.Г., 1978; Борисов А.А., 1968; Гирс А.А., 1963; Лам Х.Х., 1966, 1968; Малолетко А.М., 1974, 1994 и др.).

В данном направлении в археологии Западной Сибири уже сделано немало. Отправной точкой стали пионерные работы по энеолиту и бронзе М.Ф. Косарева, которому пришлось самостоятельно ломать лед недоверия к подобной комплексности не только со стороны археологов, но и естественников. Следующим важным этапом в изучении роли природной среды в культурно-исторических процессах было IV Западносибирское совещание (Томск, 1978), где специалисты различных наук широко обсуждали как методологические, так и методические вопросы. Здесь стала еще более

очевидной необходимость и перспективность комплексности в исследованиях взаимодействия среды и человека. И как бы в подтверждение этого тезиса в 1979 г. появляется монография Ю.Ф. Кирюшина и А.М. Малолетко «Бронзовый век Васюганья», ставшая своеобразным учебным пособием удачного альянса археолога и естествоведов. Теперь, как правило, любая обобщающая археологическая работа уже не обходится без палеогеографических характеристик и использования их для реконструкции историко-культурных ситуаций.

Согласно исследованиям палеоклиматологов, на эпоху железа приходится несколько эпохальных флуктуаций климата (Борисенко Е.П., Пасецкий В.М., 1983; Ле Руа Ладжори Э., 1971; Малолетко А.М., 1995; Котляков В.М. и др., 1989; Нейштадт М.И., 1975; Хотинский Н.А., Савина С.С., 1985; Шнитников А.В., 1957 и др.). Осложненные дополнительно внутривековыми колебаниями и циклами, природные изменения чувствительно, иногда решающим образом, сказывались на культурных процессах, подчас меняя ход социально-экономических событий очень круто. Достаточно вспомнить эпоху «великих миграций», охвативших все раннее железо и раннее средневековье, когда сами переселения пульсировали в значительной степени под природным воздействием.

Исследования показали, что эпохальное похолодание в пределах 900–300 лет до н.э., сопровождавшееся увеличением осадков и их слабой испаряемостью (их пик приходится на 600 год до н.э.), привело к мощному пространственному болотообразованию, смещению границ природных зон с продвижением леса на 200–300 км к югу, сокращению степных территорий, деградации лугово-черноземных почв. В свою очередь уменьшились луговые площади, снизилась биологическая продуктивность степей, лесостепей и южной тайги Западной Сибири, заметно перераспределились биоценозы (Гаджиев И.М., 1976; Волкова В.С., Левина Т.И., 1982; Зубаков В.А., 1972 и др.).

Трансформация природной среды повлияла на культурные процессы раннего железа. Стало более понятным почему, например, кулайцы мигрировали, почему они появились на ныне лесостепных участках Прииртышья и Приобья. Логичной становится динамика скотоводческого хозяйства у саргатов и большереченцев в почти строгом соответствии с изменениями локального природного районирования и климатическими аномалиями (Корякова Л.Н., 1988; Полосьмак Н.В., 1987; Чиндина Л.А., 1984, 1993).

Также очевидным и естественным представляется усиление роли рыболовства и охоты на водоплавающую птицу у саровцев. По изотопно-кислородным кривым время 300 л. до

н.э. — 750 л. до н.э. для Евразии характеризуется очень неустойчивым климатическим режимом, но для юга Западной Сибири он протекал без резких перепадов. Общество, с одной стороны, выбирает более стабильные формы жизнеобеспечения, меньше зависящие от нерегулярности климатического режима (доминанта рыболовства, разнообразие форм скотоводства), с другой, — согласуется с тем, что давала природа в большем изобилии.

Показательно, на наш взгляд, иллюстрируется согласованность динамики природной среды и исторических процессов и дает дополнительные доказательства в спорных вопросах последующего периода раннего средневековья. Например что же заставило тюрков — кочевников степей и когд (особенно сакраментальный вопрос) двинуться в глушь тайги. Более того: приспособиться там и осесть. Только ли социально-экономические пережитки и политические амбиции?

Время 750–1200 гг. относят к «малому климатическому оптимуму», когда Азорский максимум нес в Западную Сибирь затоки теплого воздуха. Зимняя сухая погода усиливает испарение снежного покрова, а при последующем похолодании на нем образовывается ледяной наст — страшный бич кочевого скотоводства. В таежной зоне, под покровом леса это явление проявляется в мягкой форме — неизмеримо меньше по площади, глубине и прочности ледяная корочка. Не это ли подтолкнуло первые хорошо вооруженные экспедиции кочевников в критические годы к северным соседям, давшие заметную перспективу в IX в начать стабильную колонизацию, что так красноречиво подтверждают археологические источники.

В заключение рассматриваемого аспекта хотелось бы обратить внимание на методический момент, связанный пространственным анализом «поселенческой археологии». Как известно стратегия выбора местоположения поселений целовеческих сообществ диктовалась социальными и природными факторами. Информативность поселенческих артефактов не сравнима ни с какими другими источниками уже в силу этой бинарной обусловленности. Реконструкция особенностей двух направлений и дальнейшее восстановление исторических реалий полностью зависит от качества первоисточника. Сейчас появилась реальная возможность усовершенствовать методику его сбора и повысить его информативность. В связи с работой по программе «Охрана археологического наследия (Министерство культуры) проводится картографирование археологических памятников на крупномасштабные карты с учетом землепользователя. Думается необходимо расширить и углубить поставленные задачи за счет: предельно точных детальных географических привязок и характеристик мест

положения поселений; столь же детальной археологической характеристики памятников; обязательной датировки поселений.

Д.Г. Савинов

(С.-Петербург, С.-Петербургский университет)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СТРЕМЯН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

Стремена, как часть снаряжения верхового коня, являются важнейшим атрибутом материального обеспечения культуры скотоводческих обществ. В эпоху раннего средневековья на территории Центральной Азии и Южной Сибири параллельно существовали два основных типа стремян — с петельчатой и пластинчатой дужками. Причины такого устойчивого различия остаются неясными, но, судя по всему, они носят не хронологический, а культурно-генетический (или функциональный) характер, отражая разные традиции в изготовлении стремян.

Время появления металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири остается дискуссионным. По этому поводу в литературе существует две, на первый взгляд — взаимоисключающих, гипотезы. 1. Наиболее ранние из них представлены в материалах таштыкской культуры Минусинской котловины и относятся к I-III вв. (Киселев, 1951; Кызласов, 1960). Основание: миниатюрные стремяна из случайных находок на Енисее и две подножки от таких же стремян из склепа N 6 Уйбатского чаатаса (не опубликованы). 2. Металлические стремяна появляются в Центральной Азии и Южной Сибири в период образования Первого тюркского каганата, т.е. не ранее середины VI в., и являются неотъемлемой частью древнетюркского культурного комплекса (Вайнштейн, 1966). Основание: отсутствие стремян в памятниках предшествующего времени и широкое распространение их в VI-VII вв. При этом отмечается, что миниатюрные (или вотивные) изделия, типа найденных в Минусинской котловине, были характерны не только для таштыкской культуры, но и сохранялись у народов Южной Сибири очень долго, вплоть до XX в.

Большую роль в изучении генезиса стремян имели заключение С.И. Вайнштейна о том, что стремянам типологически предшествовали петли (или подножки), сделанные из

органических материалов, изображения которых встречаются еще со скифского времени (Вайнштейн, 1966; Вайнштейн Крюков, 1984); и введение в научный оборот серии стремя с металлическими обкладками и высокой пластиной и датированных памятников восточных районов Азии (Китай, Корея, Япония) — IV-V вв. (Амброз, 1973; Кызласов И. 1973; Вайнштейн, Крюков, 1984). При этом И.Л. Кызласовым датировка таштыкских стремя была определена несколько более ранним временем — III- началом IV вв. (Кызласов И. 1973). Однако, как отметил позднее С.П. Нестеров, «убедительных доказательств в пользу того, что стремяна появляются в Южной Сибири в таштыкскую эпоху, нет, а значит мнение С.И. Вайнштейна о появлении их здесь в VI в. пока не опровергнуто» (Нестеров, 1988).

В 1988 г. железная модель стремени с петельчатой дужкой была найдена при раскопках Арбанского чаатаса в Аскизском районе Республики Хакасия (подготовлена полная публикация материалов памятника: Д.Г. Савинов, П.П. Азбелев «Арбанский чаатас» — в печати). Это первая бесспорная находка стремени в погребении таштыкской культуры (Рис. 1, 1). Модель стремени находилась в скоплении пережженных костей, с фрагментами сосуда и маски, и поврежден упавшим бревном перекрытия, что исключает возможности случайного попадания предмета в склеп. Отсюда же происходят большая серия керамики (более 30 реконструированных сосудов), модели железных удил, бронзовые пластинчатые амулеты со схематическими головками животных и другие характерные предметы таштыкского культурного комплекса. Арбанская находка как будто подтверждает точку зрения С.В. Киселева и Л.Р. Кызласова, что уже было отмечено в литературе: после нее «споры о времени первого употребления стремян следует считать завершенными в пользу таштыкской эпохи» (Кызласов, 1990). На наш взгляд, проблема представляется более сложной и может рассматриваться в двух взаимосвязанных аспектах: 1. датировка Арбанского склепа; 2. самостоятельные линии развития стремян с петельчатой и пластинчатой дужками — разделение, которое еще недостаточно учитывалось исследователями.

Первый аспект. По периодизации М.П. Грязнова, поддержанной и аргументированной Э.Б. Вадецкой, сооружение склепов относится к позднему этапу таштыкской культуры (Грязнов, 1971; Вадецкая, 1986 и др.). Обычно верхняя граница таштыка проводится на уровне V в., что в значительной степени обусловлено соображениями общеисторического характера, в первую очередь, образованием в середине VI в. Первого тюркского каганата. Однако, это не означает что традиционное развитие таштыкской культуры на Енисее

должно было быть прервано в связи с политическими событиями в Центральной Азии. Она вполне могла существовать и позже, о чем свидетельствуют материалы таких памятников, как Михайловский могильник, Усть-Тесь и Кривинское, Абаканский чаатас и Степновка-II, составляющие последний этап в развитии таштыкской культуры — VI в. (Савинов, 1993). По целому ряду наблюдений (трансформированные, по отношению к традиционным, особенности конструкции сооружения, орнаментации керамики и оформления votивных изделий) к этому же этапу относится и Арбанский склеп. Будучи таштыкским по своему происхождению, арбанский комплекс и, соответственно, происходящее из него стремя, могут быть синхронны распространению древнетюркской культуры в начальный период истории Первого тюркского каганата.

Второй аспект. Если стремяна с петельчатой дужкой (типа арбанского), скорее всего, восходят к наиболее простой предшествующей форме петли (или подножки), то стремяна с пластинчатой дужкой, несомненно, генетически связаны с более ранними стремянами с металлическими обкладками из восточных районов Азии (Рис. I, 11–13). В настоящее время серия подобных стремян и их дальнейших реплик, происходящих из Южной Сибири и некоторых других областей, уже довольно значительна. Наиболее близки восточноазиатским прототипам стремяна из кургана Улуг-Хорум в Туве — Рис. I, 9 (Грач В., 1982), найденные случайно в Минусинской котловине (Тальгрэн, 1917) и — неожиданно! — в Среднем Поволжье — Рис. I, 10 (Измайлов, 1990); а также из Крохалевки-23 в Новосибирском Приобье — Рис. I, 8 (Троицкая, Новиков, 1992). Все они датируются в пределах Усередины VI вв. Несколько стремян подобного типа, но без орнаментации, происходит из Горного Алтая — Кок-Паш (оградки) — Рис. I, 7 (Васютин, 1985) и Кара-Коба I — Рис. I, 6 (Могильников, 1994). От них, вероятно, происходит группа стремян кудыргинского этапа — IV тип, по классификации А.А. Гавриловой, VI-VII вв. — Рис. I, 5 (Гаврилова, 1965), ближайшая аналогия которым известна из погребения в Самарканде (Спришевский, 1951). Быстрое распространение однотипных металлических стремян с пластинчатой дужкой на столь обширной территории (Тува, Минусинская котловина, Алтай, Новосибирское Приобье, Средняя Азия, Поволжье) свидетельствует о «разовом» их появлении в середине I тыс. из восточных районов Азии. При этом вполне вероятно, что они оказались определенное воздействие на развитие местной традиции, а именно — модификации волосяной или кожаной петли в форму металлического петельчатого стремени. В таком случае, реальный прототип модели

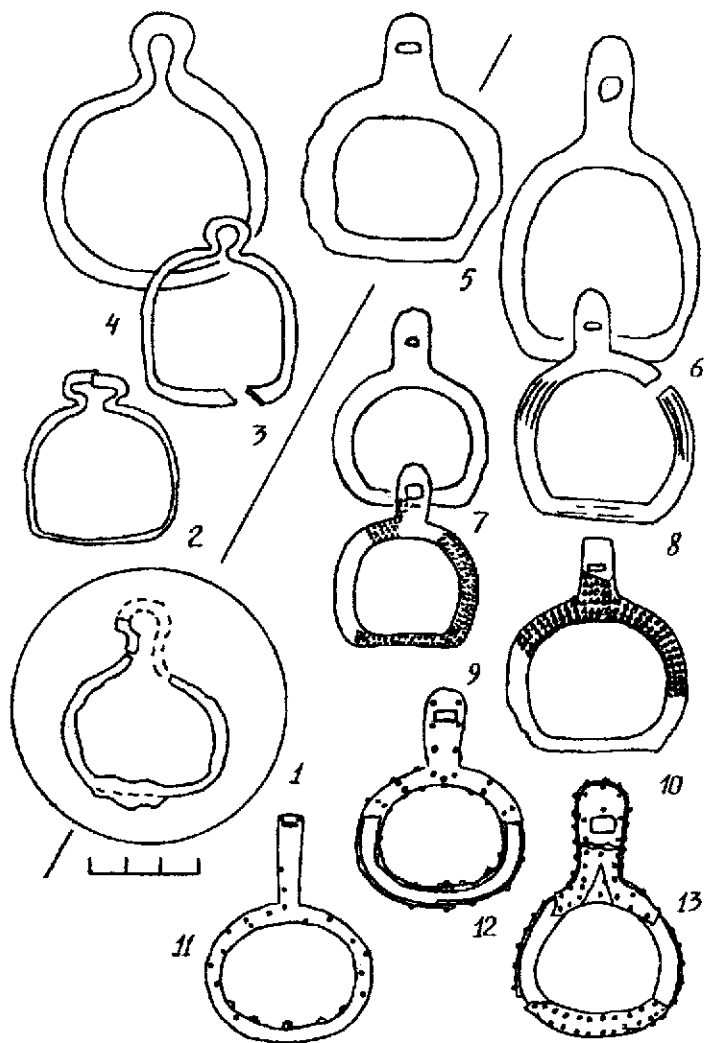

Рис. 1. Схема развития стремян с петельчатой (1-4) и пластинчатой (5-13) дужками. 1 — Арбанский чаатас; 2 — Минусинская котловина, случайная находка (по Л.Р. Кызласову); 3 — Усть-Тесь (по С.В. Киселеву); 4, 5 — Кудыргэ (по А.А. Гавриловой); 6 — Кара-Коба I (по В.А. Могильникову); 7 — Кок-Паш (по А.С. Васютину); 8 — Крохалевка-23 (по Т.Н. Троицкой и А.В. Новикову); 9 — Улуг-Хорум (по В.А. Грачу); 10 — Золотаревка, Среднее Поволжье (по И.Л. Измайлову); 11-13 — стремяна из Восточной Азии (по С.И. Вайштейну и М.В. Крюкову). Все рисунки (кроме арбанского стремени) — без масштаба.

таштыкского стремени из Арбанского чаатаса мог появиться в результате тех же культурных процессов, о которых писал С.И. Вайнштейн.

Таким образом, можно наметить две линии развития стремян — с петельчатой (Рис. 1, 1-4) и пластинчатой (Рис. 1, 5-13) дужками. Среди них выделяются хронологические группы: исходная форма — петельчатая подножка из органических материалов (скифское время и, вероятно, позже), деревянные стремяна с металлическими обкладками из восточных районов Азии — Рис. 1, 11-13 (IV-V в.); металлические стремяна с высокой пластинчатой дужкой, происходящие от восточноазиатских образцов (Рис. 1, 6-10) и, возможно, появившиеся под их влиянием металлические стремяна с петельчатой дужкой — Рис. 1, 1-3 (условно V-VI вв.); стремяна кудыргинского этапа — Рис. 1, 4, 5 (VI-VII вв.). В дальнейшем оба типа стремян, представляющие большое количество типологических вариантов, сосуществовали на протяжении всего древнетюркского времени.

С исторической точки зрения предложенная интерпретация фактического материала соответствует концепции С.Г. Кляшторного о двух этапах ранней истории племен древних тюрков — ашина (Кляшторный, 1965): ганьсуйско-гаочанском (III в.-460 г.) и алтайском (460-552 гг.), когда восточноазиатские формы стремян, наряду с другими инновациями середины VI в., могли быть принесены из Китая через Восточный Туркестан в северные районы Центральной Азии; и выделению раннетюркского владения Цигу на Среднем Енисее (Савинов, 1988), покоренным третьим правителем Первого тюркского каганата Мухан-каганом (553-557 гг.) и с археологической точки зрения соотносимым с последним этапом развития таштыкской культуры.

В.В Бобров

(Кемерово, университет)

К ДИСКУССИИ О ТЕРМИНЕ И ПОНЯТИИ «ЭНЕОЛИТ»

В отечественной археологии многие годы идет полемика об «энеолите» (понятие, таксономическая категория археологической систематики), которая носит перманентный характер (историографию см. Массон, 1982; Кирюшин, 1991). Суть ее точно такая же, что и дискуссия о «мезолите». Причем оба понятия общепалеолитической периодизации связаны с историческими переходными стадиями. Их содержание определяет

неравномерность и многообразие путей культурно-исторического развития. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что общепалеолитическая периодизация не отвечает потребностям современной науки и необходимости создания региональных периодизаций, как наиболее полно и корректно отражающих динамику и специфику культурно-исторического развития. Это в значительной степени стимулировало историческую мысль в области разработки археологических понятий, соответствующих региональной конкретике.

Сложившиеся два направления в отечественной археологии по проблеме энеолита: семантический (медные и каменные орудия) и исторический (производящая экономика) не противоречат друг другу, а составляют диалектическое единство. Так как зона происхождения земледелия и скотоводства совпадет, за редким исключением, с возникновением древней металлургии. На ранних этапах становления эти достижения человечества не могли вызвать существенных социально-экономических изменений. Они должны были достигнуть того качественного уровня, когда их потенциальные возможности стали эффективны в производственной сфере. Это произошло прежде всего в первичных очагах и их ближайшем окружении. Для данных территорий использование понятия «энеолит», как исторического периода, но не лишено и семантического смысла, вполне оправдано. Это аргументированно обосновано В.М. Массоном и Р.М. Мунчаевым. По мере распространения вишьрь новых форм хозяйства, немаловажным фактором сохранения и развития комплекса металлургии меди являлся природно-географический, на который неоднократно обращали внимание исследователи. В отличие от каменного сырья, распространенного повсеместно, за исключением ряда районов (особенно в Западной Сибири), легкодоступных рудных источников еще меньше. Несомненно, что обладание ими со временем приобретало существенное экономическое и историческое значение. В этих районах могли возникнуть (автохтонно в результате инновационных процессов или миграционно) вторичные очаги энеолитических культур с достаточно выраженной историко-культурной спецификой. В Сибири одним из таких очагов мог являться ареал афанасьевской культуры (относить к нему полностью Южную Сибирь с ландшафтно-климатическим многообразием можно только на обобщенном уровне или условно).

Влияние вторичных очагов на ближайшую и более удаленную периферию, особенно с экологически обусловленным присваивающим хозяйственным комплексом, вряд ли могло вызвать сколько-нибудь заметных изменений в материальной культуре и социально-экономической сфере. Отсутствии рудных источников не создавало условий для форми-

рования знаний о материале, технологически сложного опыта (относительные производительные силы). Трудно согласиться с А.Ф. Шориным, который к энеолиту относит ряд культур и типов памятников тундры, лесотундры и тайги Урала (Шорин, 1995). Потребность в металлических орудиях и их местном производстве в ареале традиционного присваивающего хозяйства возникла на качественно новом уровне развития металлургии, давшей конкурентноспособный камню материал. А таковым являлась бронза. Соответственно, я разделяю точку зрения многих специалистов, которые для огромной территории Сибири, не содержащей рудных сырьевых ресурсов, используют понятие «ранняя бронза» (М.Ф. Косарев, В.И. Молодин, Л.Я. Крижевская и др.). Вполне возможно, что эта стадия являла собой не переходное, а утвердившееся содержание. В этих условиях длительного эволюционного процесса могло не быть. В отличие от районов соседних вторичным очагам, которым соответствует понятие «энеолит».

Разные термины «энеолит», «ранняя бронза», «переходное время от неолита к эпохе бронзы», вошедшие в научный оборот, не взаимоисключающие, а отражают более корректно содержание историко-культурных процессов конкретных регионов. Несомненно, что практика выделения этих археологических периодов — дело чрезвычайно сложное, требующее дальнейшего совершенствования методов исследования и теоретического осмысления.

Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров

(Барнаул, Алтайский университет)

АНДРОНОВСКИЕ НАХОДКИ НА ВЕРХНЕМ ЧУМЫШЕ

В настоящее время наиболее обследованным участком р. Чумыш является его долина, пересекающая Целинный район Алтайского края. Здесь, на отрезке реки длиной около 15 км зафиксировано 13 андроновских памятников: пять однослойных поселений различной мощности, пять многослойных памятников, на которых встречены андроновские культурные горизонты, и четыре грунтовых могильника. Подобного скопления объектов развитой бронзы на Алтае больше неизвестно. Часть материалов этого микрорайона опубликовано (Лузин, 1991; Кунгуров, Лузин, 1992; Ширин, 1995 г.). Задачей нашей работы является подведение итогов исследования андроновских памятников Верхнего Причумышья и публикация материалов нового поселения — Ман-

жихи 2. Распределение объектов, большей частью известных по рекогносцировочным раскопкам и сборам с разрушений, возможно по следующим параметрам: кратковременные поселения с бедным слоем, долговременные мощные поселения, грунтовые могильники и одиночные погребения (Рис. 1-1).

Кратковременные поселения. Всего их зафиксировано семь. К однослойным отнесены поселения Чесноково 1 и Лог Солоновка 2 (левобережье Чумыша). На них найдены бедные андроновские культурные слои без инородных примесей. Находки представлены обломками корчаг, горшков и банок, украшенных, преимущественно, крупным вертикальным зигзагом по тулову. В логу Солоновке 2 найден обломок горшка с мелкозубчатым федоровским меандром.

На Усть-Васихе 2, Степь-Чумыше (маслозавод), Куюке 1,2, Коврижке 2 (левобережье) наряду с бедными андроновскими культурными слоями, вложенными в нижнюю часть гумусовой пачки, встречены более ранние (елунино, неолит) и более поздние (ирмень, быстрижка) горизонты. На этих памятниках также встречены подобные виды посуды, которые можно дополнить слабопрофилированными небольшими горшками, приближающимися по параметрам к банкам. Присутствуют все мотивы орнамента андроновской культуры: елочка и зигзаг, меандр, семечковидные оттиски, федоровский мелкозубчатый меандр, коннелюр. Для нанесения оттисков использовались гладкие, крупной мелкозубчатые орнаментеры. Кратковременные поселения, расположенные только на левобережье Чумыша, все занимали относительно высокие местамысы, приустьевые площадки, склоны логов, останцы коренного берега. По-видимому, эти объекты следует рассматривать как пастушеские стоянки, с которых контролировался выпас стад. Основные жилые комплексы располагались в низинах.

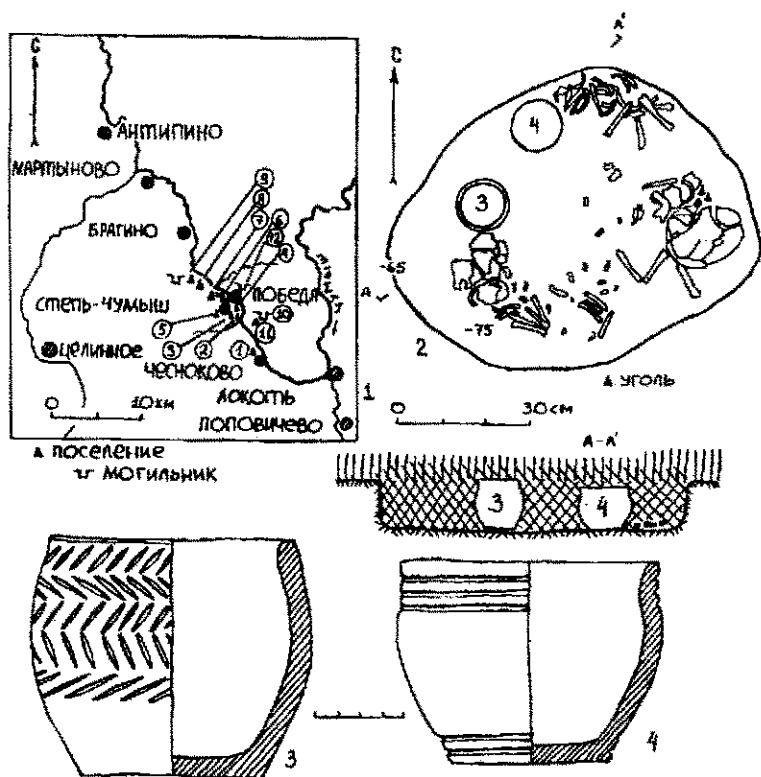
Долговременные поселения. Зафиксировано три таких памятника: Сосновый Лог 1, Гориное Озеро и Манжиха 2. Все они расположены на уровне современной чумышской поймы. Гориное Озеро вообще было затоплено (сырое болото) и обнаружено только после спуска воды каналом, в отвале которого найдены многочисленные обломки корчаг, банок и горшков. К особенностям орнаментации комплекса можно отнести такие элементы, как сосцевидный налеп, сформированный (не налепленный) валик, орнамент из рядов (10-12) подтреугольных оттисков («уголок лопаточки»). Преобладающим мотивом являются крупные гладкие и гребенчатые елочки и вертикальные зигзаги. Мало встречено и мелкозубчатого федоровского меандра. Исследование культурного слоя сейчас невозможно, т.к. сразу под дерном начинаются водонесные горизонты. Сосновый Лог 1 расположен в 200 м выше устья одноименного лога, по которому протекает ручей

Поселением занят участок дна лога площадью около 1500 кв.м. На памятнике заложен шурф площадью 6 кв.м, показавший плотную насыщенность культурного слоя, мощностью до 1,5 м, находками (найденно около 3000 артефактов). Преобладают кости домашних животных, часто имеющие следы обработки. Керамика демонстрирует преобладание горшков и банок, украшенных очень разнообразно. Встречены все мотивы андроновской орнаментации. Оригинальными находками являются обломки бронзолитейного тигля с «баночной» орнаментацией (зигзаг и семечковидные оттиски) и заготовка рукоятки орудия из обрезка рога косули.

Манжиха 2, поселение, открытое в 1993 г., еще нигде не опубликовано. Памятник расположен, в отличие от всех предыдущих, на правом берегу Чумыша, на месте бывшей дер. Манжиха, на отрезке поймы, примыкающей к коренному берегу. Площадь поселения очень велика, не менее 10 000 кв.м. Разрушения связаны с забором местными жителями почвы для огородов. Найдены обломки не менее сотни различных сосудов и масса костей животных, преимущественно домашних. Керамический материал представлен, в основном, слабопрофилированными горшками и банками, хотя встречены обломки стенок крупных сосудов-корчаг. Только на трех фрагментах присутствует мелкозубый штамп (Рис. 2-2,6,13), но не в виде федоровского меандра, а в форме косо поставленных треугольников и наклонных оттисков по краю венчика. Во всех случаях эта орнаментальная зона отделена двумя коннелюрами, маркирующими шейку горшков. Часть сосудов украшена оттисками гладкого штампа, образующими косо поставленные треугольники, семечковидные отпечатки, зигзаг, елочку, вертикальные оттиски (Рис. 2-1,4,5,9,11,15,16). В ряде случаев сочетается гладкий и гребенчатый штамп (Рис. 2-7,8). Большую долю орнаментации составляют хорошо отформованные желобки-коннелюры шириной от 3 до 5 мм, иногда они являются единственным мотивом. Насчитывается от 2 до 5 желобков (Рис. 2-3,4,13). Встречена оригинальная орнаментация на слабопрофилированном горшке — два ряда более-менее правильных треугольников, образованных 4-5 оттисками гладкого штампа (Рис. 2-10). Одним фрагментом представлен венчик ирменского сосуда (Рис. 2-17). Следует отметить тот факт, что ирменская керамика в незначительном количестве встречается и на некоторых других андроновских поселениях Алтая (Большой Лог 1, Фирсово 15), что, видимо, отражает или схожесть хозяйства и географической ситуации во II тыс. до н.э. или даже какую-то преемственность этих культур.

Грунтовые могильники. Известно три могильника — Манжиха и карьер кирпичного завода (правобережье Чумы-

▲ поселение
 и могильник

1 ЧЕСНОКОВО 1	7 КОВРИЖКА 2
2 УСТЬ-ВАСИХА 2	8 КУЮК 1
3 ЛОГ СОЛОНОВКА 2	9 КУЮК 2
4 СТЕПЬ-ЧУМЫШ (МАСЛОЗАВОД)	10 МАНЖИХА
5 СОСНОВЫЙ ЛОГ 1	11 МАНЖИХА 2
6 ГОРИНОЕ ОЗЕРО	12 КАРЬЕР КИРТИЧНОГО 3-ДА

Рис 1. Андроновские памятники верхнего чумыша (1) и материалы коврижки 2 (2-4).

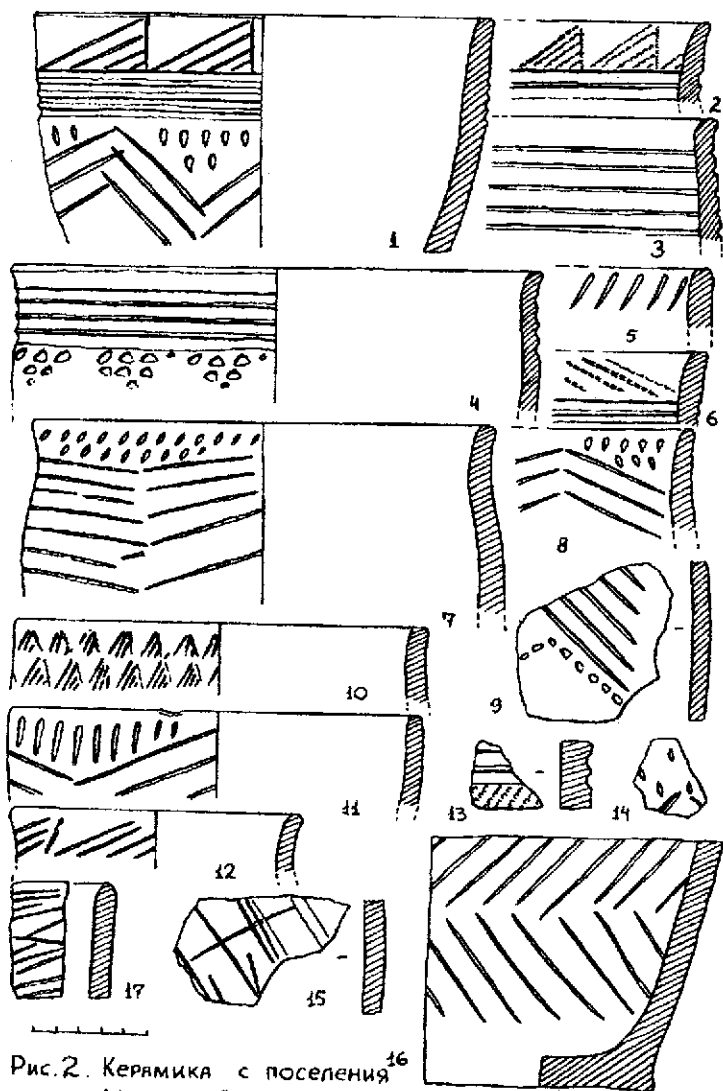

Рис. 2. Керамика с поселения¹⁶
Манжича 2.

па), Куюк 1 (левый берег). Точное количество раскопанных в разные годы А.П Уманским погребений на этих памятниках неизвестно. Все они расположены на относительно высоких участках склона бортов долины Чумыша. Наиболее интересным представляется могильник Манжиха, находящийся, практически, над поселением Манжиха 2. Этот памятник занимает отрезок берега, представляющий собой чередование небольших ложков и отделяемых ими мысов (б). На каждом мыске траншеей вскрыто по несколько погребений. Дальнейшее исследование комплекса позволит установить взаимоотношение этих «микромогильников» между собой и с андроновским поселением. Соседствует с поселением и грунтовый могильник Куюк 1.

Одиночная могила раскопана в 1991 г. на останце Коврижка. Кроме парного захоронения двух детей, уложенных «валетом» (Рис. 1-2) и сопровождаемых сосудами (Рис. 1-3,4) в шурфе площадью 6 кв. м зафиксирован андроновский культурный слой, а также находки раннего железа и неолита. Памятник получил наименование Коврижка 2. Не исключено, что выше останца, на полого спускающемся мысе левобережья Чумыша окажется продолжение андроновского могильника.

Для дальнейшей работы с андроновскими памятниками Причумышья можно поставить следующие задачи:

1. Относительное и абсолютное датирование комплексов.
2. Соотношение поселений и могильников в этнокультурном и хронологическом плане.
3. Полная публикация материалов погребений и поселений Верхнего Причумышья.
4. Дальнейший поиск памятников андроновской культуры для заполнения «белого пятна» между объектами, открытыми у с. Победа, о которых повествует наша работа, и могильниками у с. Кытманово и Дмитро-Титово. Видимо, на этом отрезке долины Чумыша объектов андроновского времени будет найдено достаточно много.

Ю.С Худяков

(Новосибирск, ИА и Э СО РАН)

КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ЕНИСЕЕ

Космогонические представления древних насельников Среднего Енисея нашли отражение в своеобразном, монументальном, культовом искусстве. Енисейские изваяния, стелы,

каменные плиты с рисунками, наскальные изображения, которые в настоящее время принято относить к окуневской культуре раннего бронзового века, привлекают внимание ученых с начала XVIII века. Основную трудность для их изучения составляют условия нахождения памятников. Все, известные к настоящему времени находки, были обнаружены во вторичном использовании в качестве строительного материала при сооружении погребальных и поминальных объектов бронзового и раннего железного веков, эпохи средневековья. В прошлом исследователи не учитывали этого обстоятельства, поэтому их интерпретация изваяний к настоящему времени устарела. В 1929 г. факт вторичного использования изваяний был установлен М.П. Грязновым и Е.Р. Шнейдером, что сыграло решающую роль в определении их датировки. Обнаружение серии плит в могилах окуневской культуры позволило Э.Б. Вадецкой отнести их к данной культуре. Попытки датировать их периодом неолита оказались неудачными.

При анализе изваяний исследователи единодушно относят их к объектам древнего культа. Исходя из семантики изваяний, можно попытаться определить характер данного культа. Хотя в изображении различных деталей на изваяниях и стелах существует значительная разноречивость, эти отличия не носят устойчивого характера. Центральный персонаж всех изображений — зооантропоморфная личина с тремя глазами, широко открытым ртом, раскрашенная вертикальными и горизонтальными полосами. У наиболее детализованных изображений личина имеет бычьи рога и уши, высокий конусовидный колпак, расходящиеся веером от головы солнечные лучи, нагрудник и другие детали. Пространство вокруг личины заполнено астральными знаками в виде четырехлучевых или шестилучевых звезд. Судя по контексту изображений, центральный персонаж, представленный личиной с человеческими, бычьими и солнечными чертами находится в космическом пространстве, окруженный звездами. Таким персонажем может быть только солнечное светило, которому, по представлениям древних окуневцев, приданы зооантропоморфные черты. На окуневских изваяниях и рисунках «человеку-быку-солнцу» противостоит «фантастический зверь», синкретический хищник, олицетворявший для древних скотоводов угрозу голода и смерти. Судя по всему, в основе окуневской космогонии лежали дуалистические представления, согласно которым мироздание было ареной борьбы противоположных начал, добра и зла, света и мрака, тепла и холода, «человека-быка-солнца» — защитника людей и стад и «мрака-хищника». Подобный культ мог быть приурочен к приходу весны, победе света над мраком, тепла над

холодом. Праздник весны и плодородия связывался с победою «человека-быка-солнца» над «мраком-хищником», что отражено на окуневских изваяниях и петроглифах. Вероятно, в время праздника на окуневских капищах совершались коллективные мистерии вокруг монументов с изображением борьбы и победы света над мраком. Вероятно, в состав обряда входило заклинание жертвенных животных, крупного рогатого скота, что изображено на окуневских рисунках.

Таким образом, окуневские стелы и изваяния над воспринимать как культовые столбы, изображающие победу «человека-быка-солнца» над «мраком-хищником», вокруг которых совершались сезонные ритуальные общеродовые празднества. Окуневское мироздание представлялось в виде арен и результата противоборства противоположных начал.

Н.А. Томилов

*(Омск, филиал Объединенного
института истории, филологии
и философии СО РАН, Сибирский филиал
Российского института культурологии
университет)*

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СИСТЕМЕ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

В конце 1970-х — начале 1980-х годов к разработке проблемы интеграции археологических и этнографических материалов, методов и теоретических установок с целью углубления изучения истории народов Сибири приступили омские ученые. 16 марта 1993 г. в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН была создана научная поисковая группа по проведению фундаментальных исследований многокомпонентных этнографо-археологических комплексов (ЭАК). Участвовать в ее работе и частично финансировать ее деятельность согласились так же Омский университет, сибирский филиал Российского института культурологии. Летом 1993 г., 1994 г. и 1995 г. были проведены совместные археолого-этнографические экспедиционные работы в бассейне Нижней Тары с целью изучения истории и культуры тарских татар и русских XVII — XX вв. По собранным материалам подготовлен к печати первый том предлагаемого издания серии «Этнографо-археологические комплексы проблемы культуры и социума».

Параллельно с начавшейся практической работой п

интеграции усилий археологов и этнографов Омска по изучению социокультурных явлений у коренного населения юга Западно-Сибирской равнины стала формироваться система теоретико-методологического осмысления проблемы изучения культуры и общества по археологическим и этнографическим материалам. С марта 1993 г. в Омске работает научный семинар, который проходит с регулярностью не менее двух сборов в месяц. В октябре 1993 г., ноябре 1994 г. и ноябре 1995 г. в Омске состоялись заседания Всероссийского методологического семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», в которых участвовали ученые Абакана, Кемеровы, Краснодара, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Тобольска, Томска и Тюмени.

Целью данного доклада является раскрытие подхода омских ученых к изучению социокультурных систем и через них этнической и социокультурной истории населения эпох средневековья и нового времени. Но сначала несколько слов об этноархеологии.

Этноархеология сегодня считается направлением, связанным прежде всего с методикой современной археологии. Скорее всего здесь речь следует вести о ней все же не только как о методике реконструкции древних обществ и культур. Этноархеология представляется нам как особое научное направление, сложившееся на стыке археологии и этнографии и призванное решать широкий круг проблем, связанных с изучением истории общества и культуры на разных стадиях развития человечества. Объектом этноархеологии выступают, по нашему мнению, социокультурные системы с их сложной структурой и связями. Предмет этноархеологии в общем виде составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность, их внутренние связи и отношения с другими системами. Отсюда круг проблем теоретического и эмпирического уровня у этого научного направления достаточно широк. Их решение, как нам представляется, может существенно продвинуть познание человечеством своей истории.

Одной из проблем, поднятых в последние годы, является изучение возможностей этнической интерпретации археологических материалов и реконструкции на этой основе этнической истории отдельных этнических общностей или населения целых регионов. Нам представляется, что для периода нового времени, а при наличии благоприятных условий и для средневековья успешно может быть применена теория и методика изучения истории общества и культуры через конструирование этнографо-археологических комплексов. Мы называем эти комплексы так, чтобы подчеркнуть археологическую основу и внедрение методов и данных археологии. В

нашем понимании это фактически реконструированный обогащенный с помощью этнографических материалов археологический социокультурный комплекс.

При конструировании поэтапных АЭК на разную хронологическую глубину увеличивается информативность материалов, которая может оказаться достаточной для выявления этнокультурных связей и в целом для изучения этногенетических, этноисторических и социокультурных процессов. ЭА следует, на наш взгляд, рассматривать как живой организм: как систему, тесно связанную с экологической, экономической, социальной и исторической средой, проходящую этап зарождения, наибольшего функционирования и растворения (трансформации) или даже гибели, имевшую свою «родию» и разную на поэтапных хронологических срезах территории распространения. В нем могут быть выделены подкомплексы или ранние комплексы.

Перспективным применение пути конструирования АЭ в западно-сибирском регионе, например, представляется на глубину 1,5 — 2 тысячи лет, начиная во многих случаях с XIX в., а иногда и с XX в. Работы омских ученых и других исследователей из других научных центров и учреждений кто присоединится к этому научному поиску, рассчитаны на многие годы. В случае получения положительных научных результатов предполагается работы перенести на другие группы русских, сибирских татар и их ближайших предков а так же на чулымских тюрков и на отдельные группы обских угров и самодийских народов Западной Сибири.

Уже первые результаты вселяют надежду на то, что результате такого рода многолетних работ фундаментально характера будет получена качественно новая историческая информация и, может быть, начнет формироваться новое научное направление на стыке археологии и этнографии (пока оно только декларируется) в российской науке. На пока небольшой опыт совмещения археологических и этнографических материалов по культуре и полученных результатов по анализу демографических, территориально-поселенческих, социальных характеристик тюркоязычной групп населения бассейна Нижней Тары позволяет наметить одно, а несколько направлений работы.

Прежде всего это выход на проблему этнической истории тарских и шире сибирских татар, с изучения которой возникло стремление интегрировать с этнографическими материалы по археологии, а, возможно, по антропологии истории, лингвистике и фольклористике. Далее это проблема экологической ниши и возможностей хозяйственно-технологической и культуротворческой деятельности населения на разных стадиях социально-экономического развития, пробл

ма воссоздания социокультурных систем, выявления в них подсистем и изучения внутрисистемных связей и взаимообусловленностей (включает хозяйство, материальную, духовную и соционормативную культуру, социальные организмы, их структуру, социальные связи, демографический состав, типы расселения, информационные сети и связи и т.д.), проблема внешних связей социокультурных систем и подсистем. При этом помимо статической фиксации социокультурной и эколого-хозяйственной ситуаций важно (и, видимо, даже важнее) изучать динамику этих систем, т.е. природно-средовые и социокультурные процессы. Возникает множество и других методологических, теоретических и методических проблем, связанных непосредственно с самой интеграцией археологических и этнографических исследований.

В.Т. Петрин

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

О РАННЕМ ПРОЯВЛЕНИИ МИКРОПЛАСТИНЧАТОЙ ТЕХНИКИ НА АЛТАЕ

На сегодняшний день благодаря комплексным и многомерным исследованиям, памятник Кара-Бом — один из самых важных в информационном отношении в пределах Северной Азии. Этот памятник дает фактический материал для успешного решения нескольких наиболее актуальных проблем эпохи палеолита. Не останавливаясь на всех проблемах, отметим хотя бы небольшую часть — характер перехода от эпохи мустье к начальной стадии позднего палеолита, направление и темпы эволюции каменной индустрии, ареал азиатского леваллуа и т.д. В то же время, кроме глобальных проблем, существуют и менее масштабные, в частности, к ним, на наш взгляд, относится проблема чисто технического плана — это время появления микропластинчатой технологии, которая во второй половине позднего палеолита в Северной Азии приобретает доминантное положение и зачастую при решении интерпретационных задач фактического материала рассуждения сводятся к рассуждениям о локализации специфических торцовых (клиновидных) нуклеусов на определенной территории, совершенно опуская из вида генетический подход, который по сути дела, и может объяснить казалось бы необъяснимые ситуации в археологии позднего палеолита, будь это «археологические» культуры Забайкалья или Дальнего Востока. В данном случае хотелось бы при-

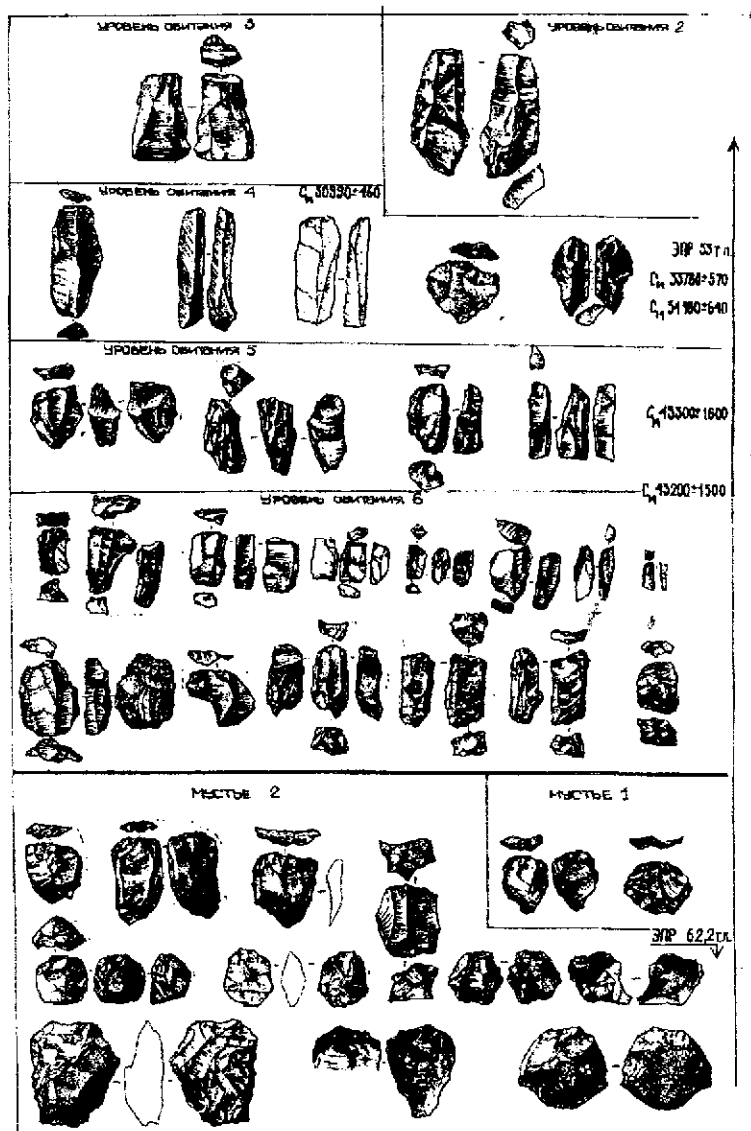

РИС. 7

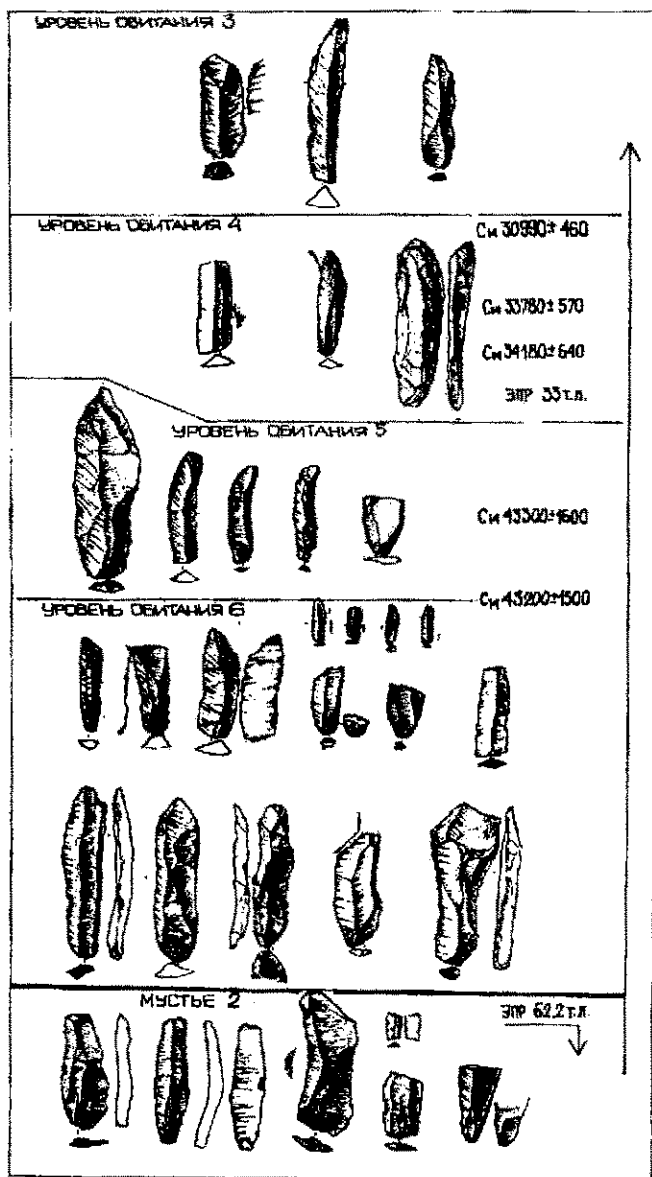

РИС. 2

влечь внимание к одному твердо установленному факту. В четко установленной стратиграфической последовательности, подтвержденной радиометрическими датами C_{14} и методом ЭПР. На 6-ом уровне обитания, возраст по C_{14} 43200 ± 1500 (GX-17597), находятся микроплексы, у которых снятие микропластинок производилось с торцевой части. На этом же уровне обитания найдены микропластинки (рис. 1, 2). Осознание этого факта делает бессмысленными многие дискуссии о времени и месте возникновения микропластинчатой технологии. Следует признать, что это наиболее раннее проявление данной технической традиции.

Одно время, и не без основания, корни микропластинчатой технологии можно было видеть в материалах стоянки Макарово IV с Верхней Лены («макаровский пласт»), но дата 38000 (AA-8878) отдает приоритет по временной шкале данным Кара-Бома.

И еще несколько слов о корнях микролитических нуклеусов. Они, безусловно, тесно связаны в своем происхождении со своеобразным вариантом леваллуазской техники в Северной Азии, о чем в свое время говорил и писал А.П. Окладников, определяя направление и темп эволюции первичного расщепления в каменных индустриях Северной Азии и Монголии. Данное положение хорошо иллюстрируется рисунком, где прослежено изменение нуклеусов от леваллуазских (мустье 1 и 2) к пластинчатым, в том числе микропластинчатым.

Ж.К. Таймагамбетов

*(Алматы, Институт археологии
НАН РК)*

ОБ АВТОХТОННОСТИ МУСТЬЕРСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАЗАХСТАНА

В археологии каменного века всегда существуют трудности при выявлении родства культур той или иной эпохи. В данном случае речь идет о переходе от раннего палеолита к эпохе мустье на территории Казахстана.

Мы стоим на позиции, что основные индустриальные линии развития в эпоху мустье базируются на автохтонной основе, которая очень ярко проявляется на таких памятниках как Семизбугу, Шахбагата, Кызылтау и др., где представлены все три этапа каменного века (ранний, средний и поздний палеолит).

В свое время В.А. Ранов предложил для Средней Азии

следующие фации или варианты мустье: леваллуазский, леваллуа-мустьерский, мустьерский, мустьеро-соанский и зубчатое мустье (Ранов, 1992).

Мустьерский же пласт Казахстана воспринимался единым массивом до исследования О.А. Артюховой (Артюхова, 1992). На основании эталонных комплексов ей выделено четыре фации эпохи мустье: леваллуа-мустье (Актогай, равнемустьерские комплексы Семизбугу); мустье ашельской традиции фации леваллуа (среднемустьерский комплекс Семизбугу) и нелеваллуа (позднемустьерский комплекс Семизбугу и Хантау); мустье типичное (Кошкуртан); мустье зубчатое (Бурма).

Классификация, предложенная О.А. Артюховой, несколько близка к классификации, предложенной В.А. Рановым. Это вероятно потому, что характер мустьерских памятников в Средней Азии и Казахстане таков, что на этих территориях существовала единая культурная зона.

Уделим внимание двум из нескольких опорных (автохтонных) памятникам — Семизбугу и стоянке им. Ч. Валиханова.

Мустье в Семизбугу представлено несколькими комплексами, которые, располагаясь в хронологическом порядке, дают возможность проследить эволюцию индустрии от леваллуа-мустье к мустье ашельской традиции фации нелеваллуа. Отметим, что на каждом из этапов увеличивается индекс массивности отщепов и техника леваллуа постепенно исчезает. Это явление характерно не только для памятников Северного Прибалхашья, но и для всего Южного Казахстана (Актогай, Хантау и др.). Однако, на территории последнего выделяется мустье типичное, на примере памятника Кошкуртан. Его можно хронологически сопоставить с мустье ашельской традиции фации леваллуа. Наиболее близкими ему в технико-типологическом плане являются такие памятники как Тешик-Таш, Обирахмат, Усть-Канская, Тюмечин I и др.

Особое значение для мустье Казахстана имеют материалы многослойной стоянки им. Ч. Валиханова, которые представляют выразительные источники для понимания эволюции палсолитических культур Казахстана. Хронологическая последовательность культурных отложений хорошо прослеживается по стратиграфическим колонкам стоянки, содержащим шесть культурных слоев (пять мустьерских и один позднепалеолитический).

Для самых нижних культурных слоев характерна техника скола грубых отщепов с дисковидных нуклеусов, примитивность заготовок и вторичной обработки орудий. Доминирующими в мустьерских слоях являются нуклеусы дисковидного характера.

В самом верхнем слое (позднепалеолитическом) ведущее место принадлежит нуклеусам призматического характера, среди орудий — скребкам с полуокруглым рабочим краем. Существование в этом слое мустьерских орудий с позднепалеолитическими формами свидетельствует о постепенном эволюционном характере и развитии индустрии на стоянке им. Ч. Валиханова. Сопоставление материалов стоянки индустрией палеолитических памятников сопредельных территорий показывает, что вышеуказанное явление характерно и для Тешик-Таша, Огзи-Кичика, Кульбулака (V-IV слои) Ходжикента и др. Их объединяет типично-мустьерская техника расщепления. Во всех этих стоянках дисковидные нуклеусы занимают главенствующее положение в индустрии равно как и отщепы треугольной формы снятые с них. И орудий присутствуют скребла, остроконечники и скребки.

Отметим, что мустьерские памятники Казахстана не имеют абсолютных датировок, поэтому мы ограничимся лишь данными, полученными для памятников сопредельных территорий, в частности, датами для позднемустьерских слоев Алтая, границы которых не превышают 30–45 тыс. лет — пещера Страшная (40–45 тыс. лет), пещера им. Окладников (от 33.300 до 42.500 лет назад), пещера Денисова (34.70 и 39.390 лет назад), Усть-Каракол (31.410 ± 1160 лет) (Деревяшко, Маркин, 1990), Средней Азии — Худж (38.900 $\pm$ 14700 л.) (Додонов, Ранов, 1994) и Кавказа — Ахштырская пещера (35.000 $\pm$ 2000 лет назад).

Опираясь на эти данные, можно говорить о том, что эпоху мустье леваллуазский путь является доминирующим и что леваллуа-мустьерские индустрии Казахстана «вырастают» из более древних ашельских культур.

А.Л. Кунгуров

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА АЛТАЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ

Практически, регулярные исследования каменного века АГУ начались с приходом сюда в 1977 г. Ю.Ф. Кирюшина. При его активном участии была создана хоздоговорная лаборатория археологии Алтая, в которой и сосредоточились исследования эпохи камня. В 70-е годы определились основные районы исследования: Салаир, Горная Шория бассейн р. Катунь; северный фас Алтайских гор; юго-запад

ные районы (Рудный Алтай) и Барнаульско-Бийское Приобье. В настоящее время можно подвести определенные итоги проделанной работе.

1. Проведены обширные стационарные исследования многослойных поселений, являющихся основой расчленения поздних отделов эпохи камня на хронологические периоды: Тыткескень 2 (8 культурных слоев от мезолита до неолита и эпохи бронзы), Тыткескень 3 (6 культурных слоев от палеолита до тюркского времени), Тыткескень 6 (3 культурных слоя от раннего неолита до раннего железа), Нижнетыткескеньская пещера 1 (4 культурных слоя от мезолита до тюркского времени), пещера Иульчак (не менее 6 культурных слоев от палеолита до железа), Усть-Куюм (не менее 5 культурных слоев от палеолита до железа), Комарово 1 (не менее 4 культурных слоев от неолита до железа), комплекс многослойных памятников на озере Иткуль, Ушлеп 3 (верхний палеолит), Ушлеп 6 (7 культурных слоев мустьерского и верхнепалеолитического времени), Усть-Васиха 2 (4 культурных слоя от неолита до раннего железа) и т.д. Коллекции с этих памятников насчитывают сотни тысяч артефактов.

Собраны представительные коллекции с развешанных стоянок степных районов Алтая — Павловки I-XII, Алексеевки I-V, Кабанье, Усть-Курья, стоянки верховьев Барнаулки, Касмалы и т.д.

2. На основании собранного материала, анализа индустриальных наборов, фауны, особенностей трасологии, литологических условий залегания культурных слоев разработаны рабочие схемы этнокультурного развития древних племен Алтая. Выделены и обоснованы своеобразные культуры различных периодов: нижнекатунская, куюмская, ушлепская для эпохи палеолита; усть-семиинская для мезолита; еландинская, среднекатунская для неолита, большемысская культура, отражающая переход от каменного века к бронзовому.

3. Меньше «повезло» погребальным комплексам. Возможно в этом основную роль сыграло их расположение в местах не подвергающихся интенсивному антропогенному воздействию (почти все исследованные памятники являются аварийными). Раскопаны отдельные поздненеолитические-раннеэнеолитические (большемысские) могилы в Усть-Алейке (вертикальное захоронение ребенка), Васино, Фирсово, на Малом Гоньбинском Кордоне. Все могилы содержат большое количество каменных и костяных изделий и украшений. Наиболее значимым является погребение «шамана» в НТП-I. Вместе с расчлененным (?) телом мужчины найдено 28 каменных наконечников стрел, множество кремневых и костяных изделий, нож и тесло-бифасы, составные рыболовные крючки,

жезл, костяной нож и т.д.

4. Упомянутые материалы послужили основой для защиты докторской и двух кандидатских диссертаций, подготовивших обобщающих разделов в два издания «История Алтая» «Очерки по истории Алтая», «Энциклопедия Алтая», много томную «Археологию Сибири». Опубликованы два учебных пособия, монография «Археология Нижнетыкскенской пещеры I», около сотни статей, посвященных различным аспектам каменного века.

5. В АГУ и НИИ Гуманитарных исследований при АГУ проводится большая учебная работа по древнейшим эпохам Алтая, выражающаяся в подготовке спецкурсов, выполнении студентами курсовых и дипломных работ, подготовке выступлений на региональных студенческих конференциях. Практически все студенты, защищающие дипломы по эпохе камня имеют опубликованные работы. В ряде средних учебных заведений Барнаула (школы 40, 89, учебно-образовательный комплекс «Сигма» и т.д.) сотрудниками НИИ ГИ читаются лекции по краеведению, в том числе и по эпохе камня.

6. Изучение каменного века и памятников этого периода проводятся так же в рамках научных программ («Алтай-вуз» «Алтай-наука», «Народы России: возрождение и развитие» «Университеты России») и грантов («Краеведение Алтая» «Эволюция микролитической индустрии Алтая»). Это позволяет активно публиковать материалы и теоретические разработки в ежегодно выходящих сборниках.

7. Подготовлены экспозиции в «Музее археологии Алтая» (АГУ) и в Алтайском краевом краеведческом музее, отражающие все современные научные разработки.

Л.М. Чевалков

*(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский
Институт гуманитарных исследований,*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СИБИРИ

Проблема генезиса позднего палеолита была и остается одной из наиболее актуальных и приоритетных. Она успешно разрабатывается применительно к территориям Западной Центральной, Восточной Европы и Ближнего Востока. В последнее время проблема становится все более актуальной и для палеолитоведения Сибири. Связано это с расширением фактологической базы.

Тем не менее, вопросы, связанные с происхождением и

развитием позднего палеолита, были актуальны чуть ли не со времени его открытия, только долгое время они разрабатывались в рамках проблем периодизации и проблемы первоначального заселения Северной Азии. На одной фактической основе возникли три различных по своей сути концепции.

Первая основывалась на эволюционистских воззрениях, суть которой сводилась к тому, что позднепалеолитическая культура Сибири не отличается от европейской, что их сходство является ярким примером неотвратимости основных закономерностей развития культур в палеолите. Но в то же время отмечаются некоторые специфические особенности палеолита Сибири. Родоначальниками данной концепции следует считать И.Д. Черского и И.Т. Савенкова, позже идею развивали Б.Э. Петри, В.А. Городцов, П.П. Ефименко.

Вторая теория представляла собой симбиоз эволюционизма и миграционистских воззрений. Согласно ей европейский и североазиатский поздний палеолит имеют общие корни и вырастают из раннего и среднего палеолита, но в Сибири он надолго сохраняет архаичные черты, прогрессивные элементы привносятся несколько позже с миграционными волнами с Запада. Данную идею выдвинул Л. Савицкий, далее развивал А.П. Окладников.

Наибольшей популярностью пользовалась концепция локального своеобразия позднепалеолитических культур Северной Азии, отличных от всего известного на территории Евразии и Африки. Заселение Сибири происходило из Средней Азии, Центральной и Восточной Азии. Элементы схожести с европейским палеолитом объяснялись явлением конвергенции. Данное направление активно разрабатывалось Г.П. Сосновским и Н.К. Ауэрбахом, затем их выводы были поддержаны М.М. Герасимовым и С.Н. Замятниным, которые обосновали идею о культурно-исторических областях в позднем палеолите. В этом направлении работали С.Н. Бибиков, М.Г. Левин, З.А. Абрамова, С.Н. Астахов и др.

В конце 60-х и в течение 70-х годов происходит накопление новой базы данных, которая послужила основой для современных представлений о палеолите Сибири. Было доказано существование среднего палеолита, который обладал выраженным леваллуа-мустьерским обликом, и появилась возможность сформулировать проблему первоначальной поры позднего палеолита. Памятники этого периода выделялись пластинчатыми индустриями с примесью леваллуазской технологии получения заготовок (Варварина Гора, Санний Мыс, Толбага, Макарово-IV, Малая Сыя). В основе новой концепции лежали идеи А.П. Окладникова. Опираясь на новые данные, он пересмотрел свою точку зрения и выдвинул ряд

положений, согласно которым памятники начала позднего палеолита близки к позднемустьерским памятникам Монголии, Алтая и Средней Азии, с которыми составляют единый культурный пласт. В основе пластинчатых индустрий позднего палеолита лежат леваллуа-мустьерские традиции обработки камня. Вся область распространения этих индустрий выделялась в южно-сибирскую культурную область. Им же выдвинуто предположение о переработке леваллуазской техники в технику торцового ядрища. Таким образом, поздний палеолит Сибири имеет генетические корни в местном мустье.

В первой половине 70-х годов Г.П. Григорьевым была предложена концепция существования эпохи «постмустье» вместо позднего палеолита, согласно которой на территории Сибири позднего палеолита как такового нет, а на протяжении всего позднего палеолита продолжают существовать мустьерские приемы обработки камня и соответствующая типология. Из глубин мустье впоследствии вырастают предпосылки мезолита. Концепция подверглась критике со стороны З.А. Абрамовой, которая, наоборот, подчеркивала существование ярко выраженного позднего палеолита в Сибири.

В 80-х — начале 90-х годов фактологическая база по проблеме ранней поры позднего палеолита вновь значительно расширилась, происходит и развитие представлений по проблеме. В настоящее время существуют две точки зрения на проблему генезиса позднего палеолита в североазиатском регионе.

Первая, которую разделяют большинство исследователей, занимающихся проблемами палеолита Сибири, сводится к следующим положениям: формирование позднего палеолита Сибири происходило на основе местного мустье во второй половине каргинского времени в двух вариантах: пластинчатом (толбагинская культура, «макаровский пласт», Мали Сая, памятники Алтая) и отщеповом (куналейская культура Усть-Кова). Хронологически переход определяется в 45-тыс. лет назад. При общих закономерностях перехода имеются индивидуальные особенности.

Вторая точка зрения отстаивается Н.Ф. Лисициным, согласно которой, он отмечает две линии развития позднего палеолита Сибири, выделяя «классический» поздний палеолит, основанный на изготовлении орудий на отщепах обилием скребел, который генетически связан с мустьем Центральной и Северной Азии. Формирование этой линии развития началось позже 30 тыс. лет назад. Место формирования пластинчатой позднепалеолитической традиции Сибири он находит на Русской равнине, объясняя это миграционными процессами, а возраст ее определяет не древнее 28 тыс. л

назад, что существенно расходится с имеющимися на сегодняшний момент фактами.

Такова краткая история развития представлений о генезисе позднего палеолита в Сибири. Следует добавить, что современные представления о генезисе позднего палеолита для Ближневосточно-Европейского региона в целом схожи с представлениями о генезисе позднего палеолита в Сибири. И там и тут переход в технологическом плане сводится к двум основным типам: пластинчатому и отщеповому, причем пластинчатый вариант формируется раньше, чем отщеповый, на основе местных мустьерских культур с леваллуазскими традициями расщепления камня, что в свою очередь, видимо, и определяет общие тенденции в развитии позднего палеолита. Временной промежуток перехода устанавливается в широком диапазоне от 50 до 30 тыс. лет назад и связан с теплым периодом плейстоцена.

Т.И. Нохрина, Ж.К. Таймагамбетов

(Новосибирск, ИЛИЭ СО РАН; Алматы, ИА НАН РК)

УКРАШЕНИЯ ИЗ КАМНЯ, КОСТИ И РАКОВИН ИЗ ПЕЩЕРЫ КАРАУНГУР (ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН)

Археологический памятник в пещере Караунгур открыт и на протяжении 1959, 1970, 1971, 1973 гг. изучался Х. Алпысбаевым. К сожалению исследователь не успел полностью опубликовать результаты археологических работ, но им был намечен круг проблем, решение которых оказало бы существенную роль при изучении древнейшего прошлого Казахстана и сопредельных территорий.

Пещера Караунгур расположена на южных склонах хребта Каратау, в 43 км к северо-востоку от г. Чимкент, на правом берегу реки Караунгур, в 1,5 км к северу от одноименного села. Пещера образована в серых известняках. Высота над уровнем уреза воды 7 м. Ширина пещеры у воды 20–25 м, длина на юго-восток 21 м, на северо-восток до 8,75 м, высота от 2 до 16 м. На расстоянии 20-ти метров от входа потолок снижается до 1,5 м, затем начинается расширение и свод повышается до 2,7 м.

Автором раскопок Х. Алпысбаевым материал из пещеры Караунгур предварительно отнесен к своеобразному южно-казахстанскому варианту неолитической культуры. В.А. Виноградов материальные остатки из пещеры относит к кельтеминарскому кругу памятников.

Археологическая коллекция, полученная в результате исследования пещеры Караунгур, насчитывает более 2 тыс. единиц изделий из камня, керамики, кости. Здесь же найдены зубы человека и кости животных.

Украшения из камня представлены орнаментированно подвеской овальной формы из сланца. По форме подвеска имитирует аналогичные изделия из клыков животных. Об края орнаментированы двухсторонними насечками, сходящимися на боковом ребре под углом, напоминая «елочку».

Украшения из кости* представлены восемью подвесками двумя пронизками и двумя неопределенными обломками. Из шести подвесок одна изготовлена из клыка кунисобразной (барсука?), три — из псевдоклыков марала, две — из клыка лисицы. Подвеска, изготовленная из середины диафиза трубчатой кости, сломана. По форме она напоминает трапецию с закругленным верхним и нижним концом. Боковые края украшены в основном парными насечками, расположенным с двух сторон и сходящимися на ребре под острым углом. По центру одной из поверхностей (выпуклой) нанесены небольшие просверленные (?) углубления. В углублениях насечках и на сломе видны следы вещества красного цвета. Сломанная подвеска из стенки кости млекопитающего (была, скорее всего, круглая с хорошо отполированной поверхностью и скругленными краями. По краю выпуклой поверхности процарапыванием нанесен орнамент в виде зигзага, углублениях которого видны остатки вещества красного цвета. Пронизки цилиндрической формы изготовлены из кости млекопитающих, орнаментированы по бокам насечками. В углублениях видны следы вещества красного цвета. Одно изделие конической формы из кости млекопитающего сломано. Зауженная часть его подчеркнута двумя рядами сходящихся полукруглых насечек, в углублениях которых видны остатки вещества красного цвета. Другое изделие неопределимо из-за того, что сломано.

Украшения из раковин представлены двумя пронизками конической формы из раковины *Carbicula ferghanensis* подвеской из створки ископаемой морской раковины *Dentallium* sp., поверхность которой слегка окрашена веществом красного цвета.

Украшения, найденные в пещере Караунгур, имеют широкий хронологический и территориальный диапазон. В Ближнем Востоке уже с мезолита распространилась мода носить бусы-пронизки на одежде. Различные бусы, подвески из камня, кости и раковин встречаются в раннеземледельческих культурах Переднего Востока, в Европе, в энеолитич

* Определения костей сделаны к.б.н. сотрудником Института экологической физиологии УрО РАН (Екатеринбург) П.А. Косиным.

ских культурах восточно-европейской лесостепи, на Алтае, в кельтеминарской культуре. Подобные украшения найдены на поселенческих комплексах, например, на пос. Джейтун, гроте Джебел, Кызылкырской стоянке и др., но чаще всего в погребениях, например, мог. Кайлю, Тумек-Кичиджик, Хвалынский, у с. Съезжее, Нижнетыткескенской пещере и т.д.

Бесспорных данных о погребении в пещере Караунгур нет. Однако обращают на себя внимание следующие факты: находки зубов человека, принадлежащие как минимум двум особям, остатки вещества красного цвета, сохранившиеся в углублениях орнамента украшений, сами украшения. Если рассматривать эти явления в комплексе, то можно предположить о существовании захоронения в пещере Караунгур, причем, скорее всего, не целого костяка, а только черепов (?), как на пос. Ярымтепе II (халавская культура, Месопотамия).

Б.А. Конигов

(Омск, Педагогический университет)

К ВОПРОСУ О ВООРУЖЕНИИ И ВОЕННОМ ДЕЛЕ НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И ТАЙГИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Сибирское оружиеведение в 80-х—первой половине 90-х годов XX в. достигло заметных успехов в изучении вооружения и военного дела эпохи средневековья. Немалая заслуга в этом новосибирского археолога Ю.С. Худякова, его учеников и последователей. В серии монографий, тематических сборников, а также в диссертационных исследованиях предложены разработки дефиниций оружиеведения, выполнены классификационные и типологические операции по отношению к разным видам вооружения, предприняты реконструкции вооружения и военного дела (Худяков Ю.С., 1991; Соловьев А.И., 1986). Имеются исследования и в области военного дела населения эпохи раннего железного века Западной Сибири, выполненные В.А. Могильниковым, Г.Е. Ивановым. Последним затронуто и военное дело населения Обь-Иртышья эпохи поздней бронзы (Иванов Г.Е., 1995).

Однако до сих пор военное дело и вооружение лесостепи и тайги Западной Сибири эпохи бронзы остается за пределами монографических исследований. Отдельные статьи, тезисы или главы в диссертациях положения не меняют. Это отставание особенно заметно на фоне серьезных успехов в

исследовании, с одной стороны, памятников бронзового века Западной Сибири (Косарев М.Ф., Молодин В.И., Матющенко В.И., Кирюшин Ю.Ф. и др.), а с другой, военного дела и вооружения бронзового века сопредельных территорий Средней Азии, Южной Сибири (Вадецкая Э.Б., 1981).

Военное дело и вооружение бронзового века, между тем занимает исключительное место в военном искусстве древне и средневекового населения Западной Сибири. Здесь закладывались его основы, формировались основные типы оружия появляются специализированные «орудия войны» и т.д.

Важнейшая тема и проблема — это время появления характер ранних укреплений в лесостепи и тайге. Относительно времени появления мнения специалистов расходятся. Большинство указывают на середину II тыс. до н.э., т.е. примерно в то же время, что и в Центральной Азии (Худяков Ю.С., 1995). Уральские исследователи в дискуссионном плане поставили вопрос о появлении городищ на севере Западной Сибири в конце неолита (Морозов В.М., Стефанов В.И., 1993). В лесостепном Приобье, по заключению А.В. Матвеева, самые ранние городища появляются ирменскую эпоху (Матвеев А.В., 1993).

Учитывая тенденцию удешевления возраста укреплений поселений в южных районах Северной Азии, можно допустить подобную тенденцию и для Западной Сибири.

Данные по вооружению позволяют сделать вывод о формировании полного комплекса к эпохе развитой бронзы — середине II тыс. до н.э. В его состав входит наступательное вооружение дальнего боя — лук и стрелы с каменными наконечниками, а со второй половины бронзового века — бронзовыми, двухлопастными, а также дротики с каменными наконечниками (Матющенко В.И., Синицына Г.В., 1988). Оружие ближнего боя представлено бронзовыми кинжалами с копьями с бронзовыми двухлопастными наконечниками, вилообразными топорами и кельтами (Генинг В.Ф., Стефанов Н.К., 1994; Матющенко В.И., Синицына Г.В., 1988).

Важное значение для понимания процесса формирования доспехов на территории Северной Азии имеют костяные латы из Ростовки (Матющенко В.И., Синицына Г.В., 1988). Латы обнаружены в трех могилах, причем в одной из них (№ 3) сохранилось 111 целых пластин (Матющенко В.И., Синицына Г.В., 1988. С. 88).

Каково происхождение ростовкинских доспехов и внешний вид — эти два вопроса остаются нерешенными. Авторы раскопок и публикации дали только детальное описание пластин (там же).

Заслуживает внимания и вопрос об истоках поясного набора — элемента воинского костюма. По бытующим на

ным представлениям поясной набор сформировался в гунно-сарматское время (Тетерин Ю.В., 1995. С. 131). Археологические остатки кожаных поясов и местоположение бронзовых ножей и кинжалов на скелетах людей в могильниках Ростовка, Черноозерье, Сопка и др. ставят вопрос о начале формирования пояса в эпоху бронзы или точнее, во вторую половину бронзового века.

Особого внимания заслуживает тема — начало использования верхового коня в военном деле и формирования конницы в Западно-Сибирской степи и лесостепи. Очевидно, и здесь при разработке сюжета следует обратиться к систематизации и осмыслению материалов эпохи развитой и поздней бронзы. Фактом является широкое использование верховых животных населением ирменской культуры (Матвеев А.В., 1993, Членова Н.Л., 1994).

За пределами научного интереса остается еще одна тема, на мой взгляд, чрезвычайно важная для объективной оценки роли андроновской экспансии и андроновского компонента в древней истории Западной Сибири — тема влияния андроновского военного дела на местное.

Богатая источниковая база имеется для подхода к реконструкции воинской структуры эпохи развитой и поздней бронзы. Это, прежде всего, могильники, представленные десятками и сотнями погребений.

Количественный и качественный состав воинского инвентаря подводит к выводу о существовании уже в период развитого бронзового века сложной организации, где имели место процессы становления профессиональных дружинников и выделения предводителей ополчения.

Таковы лишь некоторые аспекты истории военного дела эпохи бронзы, без исследования и реконструкции которых невозможно представить в полном объеме историю военного дела населения Западной Сибири последующих эпох.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин

(Барнаул, Алтайский госуниверситет)

НОВЫЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА

В 1993 году в Алейском районе Алтайского края было обследовано поселение Березовая Лука, обнаруженное жителем с. Безголосово Г.П. Уколовым в обрывистом берегу р. Алей. При этом получено определенное количество подъемного материала (Кирюшин, Тишкин, 1995, с. 47–51), среди которого большую часть составили кости животных (Кирюшин, Гальченко, Тишкин, 1995, с. 52–55).

Достаточно мощный культурный слой памятника найдется на глубине ниже 2,5 м от современного уровня поверхности берега реки и хорошо фиксировался в обрыве на протяжении более 60 м. При снятии разреза береговой террасы было выявлено несколько древних сооружений углубленных в материк. В одном из них (хозяйственная яма или угол жилища) на дне имелась прослойка углей мощностью до 7 см из которой были взяты образцы проб для установления более точного возраста древнего памятника радиоуглеродным методом. В результате получена дата 1665, ±35 год до н.э. (СОАН-3213), которая вполне соответствует предварительному определению времени существования поселения Березовая Лука на основе анализа комплексов находок (Кирюшин, Тишкин, 1995, с. 51) и дополняет уже известные хронологические выкладки по разным памятникам элуининской культуры предгорно-равнинной зоны Алтая (Кирюшин, 1995, с. 40–45).

За два прошедших года, с момента первого обследования поселения, получены новые свидетельства жизнедеятельности населения, проживавшего в то время на данной территории. Большая заслуга в сборе подъемного материала разрушающегося памятника принадлежит Г.П. Уколову и Е.Г. Уколовой, которые в течение 1994 года сформировали значительную по количеству коллекцию находок, среди которых имелись фрагменты керамики, обуглившиеся шишки хвойных деревьев, изделия из костей и камня, а также свидетельства бронзолитейного производства (кусочки руды, шлак, сплески металла). В многочисленном остеологическом материале, переданном авторам публикации, необходимо отметить наличие отдельных костей бобра и пять почти целых черепов этого зверя, найденных в одном месте. Кроме этого, имелись кости ранее выявленного видового состава домашних и диких животных (Кирюшин, Гальченко, Тишкин, 1995, с. 52) подтверждающие основные выводы о многоотраслевом хозяйстве с преобладанием хорошо развитого скотоводства. Изделия из костей представлены предметами скорняжного домашнего производства, а также хорошо оформленным лоцилом для обработки поверхности керамики и другими вещами. Среди каменного инвентаря отметим плоский черешковый наконечник стрелы с обломанным острием, фрагмент расколовшейся зернотерки и несколько предметов, функциональное назначение которых предстоит еще определить.

Летом и осенью 1995 года на поселении Березовая Лука проводили сборы подъемного материала и выборку обрушившихся частей хозяйственных ям члены Алейского отряда Алтайского госуниверситета, задачей которого являлось картографирование археологических памятников района. Обнару-

Рис. 1. Сборы с поселения Берзовая Лука и Алайском районе. 1, 2, 5, 6 - камень, 3 - кость, 4 - керамика.

женные при этом керамические фрагменты вместе с прежними аналогичными находками позволили реконструировать часть стенок некоторых сосудов и отметить на некоторых отверстия, сделанные при починке треснувшей или расколовшейся посуды. Собранный остеологический материал имел сильную степень утилизации, однако на некоторых костях были заметны следы обработки и использования в качестве орудий труда. Множество найденных в культурном слое позвонков крупной рыбы подтверждает занятия рыболовством жителей исследуемого поселения. Кроме этого были обнаружены следы остатков нескольких древних сооружений, появившихся в результате подмыва и обвала кромки береговой линии.

Проведенные обследования и сбор подъемного материала дают возможность предполагать дальнейшие перспективы получения большого количества научной информации о культуре населения эпохи ранней бронзы Алтая при раскопках аварийного памятника Березовая Лука, однако трудоемкость таких работ требует солидных финансовых средств. Пока же приходится фиксировать разрушения и осуществлять сборы оставшихся находок, а большинство вещей безвозвратно утрачивается.

П.М. Кожин

(Москва, ИДВ РАН)

ФУНКЦИИ И ТРАДИЦИЯ В АФАНАСЬЕВСКОЙ КЕРАМИКЕ

1. Классификации С.А. Теплоухова (1927) и С.В. Киселева (1949) определили основные формы афанасьевской посуды. Их три: высокие остродонные яйцевидные горшки; круглодонные шаровидные сосуды; чашечки-курильницы на поддоне или ножках с боковым выступом-ручкой (Вадецкая, 1986), сменившей боковое внутреннее отделение, свойственное изначально этой форме сосудов (Кожин, 1971).

2. Размеры сосудов первых двух разновидностей (типов), особенно шаровидных, — резко варьируют. В средних и малых размерах сосудов указанных форм представлена масса промежуточных вариантов. У шаровидных — появляется острое дно, яйцевидные — становятся шире на уровне наибольшего диаметра, их профили приобретают более скругленные очертания. При этом часто верхние части сосудов обеих разновидностей, на уровнях от венчика до плечиков, или до уровня наибольшего диаметра, имеют аналогичные

очертания. Это свидетельствует о длительном едином производстве этих видов керамики и отсутствии (или исчезновении) строгих функциональных различий при их использовании.

3. Функциональные характеристики посуды ограничиваются констатацией возможностей ее применения для приготовления пищи (следы нагара), хранения запасов, использования для проведения крупных коллективных трапез, имевших социально-ритуальное значение (Иванова, 1980). Единственный надежный путь уточнения функций посуды связан с уточнением ее механических и технологических характеристик. Значение любого, получающего определенное место в производственной, хозяйственной, бытовой и социальной жизни населения, обладающего той или иной системой культурно-хозяйственных и социально-бытовых традиций (собственно, человеческой, в самом широком смысле, культурой, имеющей тенденцию к постоянному усилению в ней надбиологических факторов), — изделия зависит от сферы его применения (а внутри этой сферы: от функций в ней и даже вне ее), от массовости его производства (потребность коллектива в данном виде изделий; количество индивидуумов, которым общество дает (или вынуждено давать) возможность вкладывать свои квалифицированные усилия и время в данное производство; технико-технологические, сырьевые, организационные возможности производства), от степени стабильности жизненных условий коллектива и его культуры, от однородности и степени устойчивости культуры при природных переменах, расселении, смене поколений, взаимодействии (и даже объединении) данного коллектива как с родственными, так и самостоятельными в отношении этнокультурного опыта и традиций социальными группировками, и, наконец, что для данной темы самое важное, от форм консолидации (или, напротив, разобщения) производства в пределах всего пространства, занятого данным коллективом, либо отдельных его ареальных фракций, либо на уровне крупных семей, способных поддерживать устойчивую производственную активность, где, к тому же, производство обязательно полифункционально и все отрасли его взаимосвязаны через межличностные контакты.

4. Инженерно-конструкторские идеи, воплощенные афанасьевскими керамистами (раскопочный материал уже оказывается настолько объемным, что появляется реальная возможность дифференциации проблемы возникновения керамического производства в пределах отдельных культурных групп на задачи, возникающие при выработке основного функционального керамического комплекса и решаемые исполнителями на уровне регулярного воспроизведения этого комплекса

для хозяйственно-бытовых целей), как это типично в промышленных областях производства, направлены на то, чтобы изготовить наиболее прочный, в пределах возможностей, применяемых материалов и доступных способов их обработки, контейнер. Его основная вместилищная часть замыкается двумя кольцевыми ребрами жесткости, между которыми размещаются кольцевые выпуклые поля упругости (может быть одно равномерно сферическое сплошное поле, либо — на уровне наибольшего диаметра оказывается третье ребро жесткости). Эта схема может быть абстрагирована до уровня профильных «костяков», предложенных в теоретическом описательном инструментарии А.А. Бобринского (1986), но реальной необходимости в этом нет. Узко функциональная специфика изделий наиболее объективно проявляется в конструкциях их донных частей и горловин. Конусовидное утолщенное дно яйцевидных сосудов подразумевает установку их путем втыкания в специально подготовленные очажные ямки, заполненные углями, либо помещения в специальные глубокие круглые гнезда на ровной поверхности (аналогично могли устанавливаться круглодонные сосуды, но для их устойчивости было достаточно очень невысокого круглого кольцевого валика. Приплюсывание дна у них в завершающих фазах формовки — это не путь выработки, эволюционно-постепенной, плоскодонных форм, которые, как всякая функционально-целевая особенность, проявляется сразу в отчетливо выраженном виде, а способ снижения центра тяжести и размаха качания сосудов), либо плотной установки их в специально отгороженном пространстве. Как шаровидные, так и яйцевидные формы в большей степени, чем изделия с резко изломанным профилем, приспособлены для перемещений и перевозок, т.е. для кочевого быта. Однако, наличие особо крупных шаровидных форм, регулярно встречающиеся на сосудах непрочные спай лент (здесь явно, как в большинстве евразийских неолитических лесных культур применялся кольцевой налеп (Иванова, 1970, 1968). Тенденция же керамической историографии последних лет, восходящая к исследовательскому направлению А.А. Бобринского, видеть во всех керамических доисторических евразийских изделиях проявления выделки с применением шаблонов (основ, емкостей) и глиняных «лоскутов» (настораживает применение понятий: спиральноили горизонтально-лоскутная лепка, — указывающих на возможность всего лишь терминологических расхождений с общепризнанными, в частности, в этнографических данных, представлениями о спирально-жгутовом и ленточно-кольцевом налехах, без использования шаблона. Производственная необходимость в нем возникает при интенсификации массового стандартизованного ремесла), — несколько утри-

рована и часто практически не доказана), относительная хрупкость изделий (даже с учетом ее усиления в условиях естественной консервации, значение которой при изучении археологической керамики практически не учитывается), почти полное отсутствие приспособлений для транспортировки и герметизирующих крышек, — указывают на ограниченные возможности использования глиняной посуды в фазах перекочевок, связывая их с относительно стабильным сезонным бытом.

5. Формальным изменениям в наибольшей степени подвержены две конструктивные части сосудов (генетические типологические изменения (Кожин, 1994) проявляются лишь в сближении шаровидных и яйцевидных форм): придонная и устьевая. Появление плоского дна — это не просто воздействие «других технологических традиций» (Владимиров, Степанова, 1994), а смена функций керамических изделий. Вопрос о длительности существования плоскодонности и ее начале для сибирской керамики в самом широком смысле решается далеко не однозначно и само по себе появление плоского дна не может служить периодизационной основой для выделения поздней фазы афанасьевской культуры. Если группы населения стойко разобщались и в новых условиях вступали в контакт с инокультурными коллективами, включать их в общую периодизацию соответствующей культуры можно лишь при условии, когда весь путь группы от момента отделения до момента становления специализированного новационного комплекса вполне ясен. Обычно для такого рода заключений у нас недостает либо наличного раскопчного материала, либо — интерпретационных методик. Вопрос о «высоких венчиках» алтайской афанасьевской керамики относится к тому же разряду констатации.

6. Стойкий набор основных форм афанасьевской посуды свидетельствует о традиционной устойчивости функционального комплекса культуры. Он свидетельствует о традиционном изначальном единообразии и наличии изначального единого монолитного центра формирования или длительной стабилизации культуры (длительной единонаправленной адаптации переместившейся компактной культуры вплоть до полного освоения ею новых мест обитания), откуда она затем (или при сохранении продуктивного центра) мелкими группами рассеялась по той территории, где сейчас выявляются отдельные памятники (опорными пунктами рассеянной группировки становились речные долины мелких речных притоков). На Алтае — это группы, представленные могильниками: Улаган, Усть-Куюм, Первый Межелик-Ело и др.). Прерывистое расселение, вынужденное или поддерживаемое обычаем, создавало систему мелких изолятов, сохраняющих,

подобно памирским народностям, глубоко традиционные основы во внепроизводственной сфере, но преобразующие их к быту и производству при любых переменах функциональной специфики и под воздействием населения иного культуроге-неза — условно «окуневского» — буквально при жизни следующего поколения.

Н.Ф. Степанова

*(Барнаул, Лаборатория археологии ИА
Э СО РАН и НИИ ГИ)*

К ВОПРОСУ ОБ ЭПОХЕ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Эпоха бронзы Горного Алтая до сих пор остается малоизученной. Считалось даже, что в это время Горный Алтай не был заселен вообще или же единственными жителями были носители афанасьевской культуры. Ситуация стала изменяться с середины 70-х гг., когда было исследовано несколько памятников данной эпохи. К настоящему времени известно около 20 памятников (без учета отдельных местонахождений и петроглифов). В то же время полностью не раскопано ни одного памятника, да и большинство исследованных находились в аварийном состоянии, что не позволило составить полное представление о них. Тем не менее полученного материала достаточно, чтобы поставить вопрос о необходимости ревизии памятников и материалов афанасьевской культуры, чтобы вычленил все, что к ней не относится (Кирюшин, 1994, с. 16).

Для погребальных комплексов эпохи бронзы характерны ограды из вертикально поставленных плит круглой, квадратной или прямоугольной формы — Улита (Мамадаков, Цыб 1991, с. 58), Озерное (Кубарев, Соенов, Эбель, 1992, с. 49) Кара-Коба-1, огр. 4 (Степанова, 1994, с. 49–50). Захоронения совершались в грунтовых могилах — Улита, каменных ящиках — Каракол (Кубарев, 1988, с. 12–22), Озерное (Погожева, Кадиков, 1979, с. 80–84; Кубарев, Соенов, Эбель, 1992) Беш-Озек (Кубарев, Ларин, Суразаков, 1992, с. 46), Кара-Коба-1, огр. 4. Умерших укладывали вытянуто на спине головой на З, ЗСЗ, ЮЗ. Иногда погребенные окрашены охрой или в могиле встречаются комочки охры, рисунки на плитах в некоторых случаях использовали бересту. Иногда в могилах находят плоскодонные сосуды — Озерное, Улита. Очевидно что выделяются две группы памятников: каракольской культуры — Каракол, Озерное, Беш-Озек, Кара-Коба-1, огр. 4 и памятники близкие арагольскому типу афанасьевской культуры. Последние имеют много общего по погребальному

обряду и, кроме того, захоронения арагольского типа составляют незначительный процент от общего количества афанасьевских памятников, а в могилах не найдено достоверного афанасьевского инвентаря. На основании этого высказано предположение, что могильники Теньга II, Карасу II (Могильников, 1987), Арагол, кург. 1, 4, Ян-Улаган (Хлобыстина, 1975) датируются эпохой бронзы (Степанова, 1994).

Известен еще целый ряд памятников, которым пока не уделено должного внимания и датировку которых необходимо будет уточнить. Е.М. Берс на Усть-Куломском могильнике раскопано несколько погребений, которые выглядят необычными. В могиле 25 «у угла северо-западной стенки ящика в выкладку воткнута стела из валуна длиной 46 см. На одной стороне ее выбито лицо человека в шапке, на другой — рыба таймень...» (Берс, 1974, с. 31). По инвентарю, найденному в каменном ящике, само погребение датировать однозначно сложно: оно может относиться и к раннему железному веку (VIII-VI вв. до н.э.) и к эпохе бронзы, но стела, вероятнее всего, может быть датирована эпохой бронзы. Подобная точка зрения по поводу изображения высказана и С.В. Цыбом (Цыб, 1980, с. 68).

Несобычным для афанасьевской культуры надо признать и инвентарь из двух погребений — выкладки 2 и могилы 19, в которых, кстати, не обнаружено афанасьевской керамики. В выкладке 2 в засыпке могилы найдена льячка в виде головы медведя, а в могиле украшения из 63 позвонков щуки, трех костяных бусин из трубчатых костей птиц с огранкой края и лапчатая подвеска с когтями. В могиле 19 — ожерелье из шести овальных плоских подвесок из кости, клыков вымершего красного волка и резцов сурка (Берс, 1974, с. 25-30). Среди 140 афанасьевских погребений из Горного Алтая безинвентарных только 20, в остальных подобных находок нет, кроме Ело-I, огр. 1, где в плоскодонном сосуде, найденном в насыпи ограды, обнаружены подвески из зубов марала. В то же время по погребальному обряду захоронения из Усть-Куломского могильника не выделяются среди афанасьевских. Вероятно, это не случайность, а отражение каких-то сложных процессов.

В целом, по-видимому, со временем необходимо будет пересмотреть не только датировку некоторых памятников, но и признать, что известен ряд памятников, которые нельзя однозначно отнести к какой-либо конкретной археологической культуре, т.к. они отражают процессы смешения представителей разных археологических культур.

А.Б. Шамшин

*(НИИ Гуманитарных Исследований при
АГУ, г. Барнаул)*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО АЛТАЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ

Изучение памятников позднего бронзового века и переходного времени архелогам Алтaйского госуниверситета имеет уже двадцатилетнюю историю. Первые раскопки двух курганов эпохи поздней бронзы около районного центра Басво были проведены в 1975 г. отрядом АГУ под руководством А.С. Шемякиной, входившим в экспедицию Института археологии АН СССР (начальник — В.А. Могильников).

В 1977 г. с приходом в университет Ю.Ф. Кирюшина, занимавшегося до этого преимущественно эпохой бронзы, и созданием в 1978 г. Лаборатории археологии Алтая возникли реальные предпосылки для серьезного изучения бронзового века Алтая, в том числе и периода поздней бронзы. Если раньше исследователи уделяли основное внимание могильникам, а поселения практически не раскапывались (исключение — изученное М.П. Грязновым поселение переходного времени Ближние Елбаны I), то археологи университета к концу 70-х — началу 90-х годов направили основные усилия именно на исследование поселений.

Целый «куст» таких памятников был раскопан Ю.Ф. Кирюшиным в 1978–1981 гг. на оз. Иткуль в Троицком и Зональном районах. Среди них особое значение имеют поселения Костенкова Избушка и Коровья Пристань III часть материалов которых отнесена к выделенной позднекорчажкнской культуре, а также ирменское поселение Дергач. В 1983–1984 гг. Ю.Ф. Кирюшин вел исследование поселений Быково I и III в Шелаболихинском районе относящихся к ирменской культуре. Наконец, в 1985, 1986, 1990 и 1991 гг. он изучает одно из крупнейших поселений эпохи поздней бронзы в лесостепном Алтае — ирменское поселение Цыганкова Сопка I в Быстроистокском районе и расположенное рядом хронологически близкое ему, поселение Цыганкова Сопка III. На Цыганковой Сопке I были впервые на Алтае раскопаны крупные ирменские жилища, известны раньше по материалам Новосибирского Приобья и, также впервые для позднебронзового памятника, получена серия радиоуглеродных дат. Наряду с поселениями эпохи поздней бронзы Ю.Ф. Кирюшиным был также частично раскопан

1978 г. очень интересный памятник в Павловском районе — Елунинское культовое место, относящийся к переходному времени от бронзового века к железному.

В течение 15 лет ведет исследования памятников эпохи поздней бронзы и переходного времени автор. Так, в 1983–1985 гг. нами раскапывалось ирменское поселение Заковряшино I в Крутихинском районе, в 1984, 1986, 1987, 1989, 1991 — комплекс памятников в окрестностях с. Фирсово Первомайского района — ирменские поселения Фирсово IV, XVIII, корчажкинские поселения Фирсово XVII и XVIII, грунтовые могильники эпохи поздней бронзы — Фирсово I, XI и XIV. В окрестностях с. Речкуново Тальменского района были практически полностью исследованы в 1979, 1980 и 1984 гг. ирменское поселение Речкуново III и корчажкинское Речкуново IV, а в Барнауле в 1983 и 1984 гг. раскапывалось поселение ирменской и корчажкинской культур — Казенная Заимка. Особо хотелось бы отметить изучавшееся нами в 1983–1987 гг. поселение переходного времени Мыльниково в Первомайском районе, с которого была получена огромная коллекция находок, в том числе уникальных для территории лесостепного Алтая. Итоги исследований по эпохе поздней бронзы и переходному времени в лесостепном Алтае были обобщены нами в 1988 г. в кандидатской диссертации.

В течение 10 лет работы на памятниках поздней бронзы в Степной Кулунде ведет В.С. Удодов. Им исследовались поселения валиковой и бегазы-дандыбаевской культур, среди которых следует выделить такие как Новоильинка, Кайгородка III, Бурла III в Хабарском районе. Полученные В.С. Удодовым блестящие материалы по сути открывают на Алтае новый ранее неизвестный район культур эпохи поздней бронзы — Кулундинскую степь. Нами в Кулунде также исследовались поселения данного периода — Жарково I в Баевском и Рублево VI в Михайловских районах.

Целый ряд памятников рассматриваемой эпохи были открыты и изучались в разные годы В.Б. Бородаевым, А.Л. Кунгуровым, М.Т. Абдулганеевым и др. Таким образом, за последние 15–20 лет усилиями целого коллектива археологов Алтайского университета был накоплен огромный, порой принципиально новый материал по эпохе поздней бронзы и переходному времени. Источниковая база возросла во много раз. Наиболее крупные результаты научных исследований по рассматриваемому периоду следующие:

— выделение в лесостепном Алтае Ю.Ф. Кирюшиным и А.Б. Шамшиным новой позднебронзовой культуры — корчажкинской с двумя этапами — фирсовским и иткульским и выяснение вопросов ее взаимодействия с ирменской культурой;

— формирование новых представлений о переходном времени от бронзы к железу, в частности, выделены А.Б. Шамшиным большебереченской культуры переходное время с двумя этапами — мыльниковским и ближнеелбасским и разработка М.Т. Абдулганеевым новых взглядов на бийский этап как период, завершающий переходное время.

— получение большой серии достоверных археологических материалов (определения А.В. Гальченко), на основе которых впервые решены вопросы хозяйственной деятельности населения в эпоху поздней бронзы и переходное время.

— построение В.С. Удодовым схемы развития культуры Степной Кулунды в эпоху поздней бронзы и открытие Кулунде яркой бегазы-дандыбаевской культуры. Особо хотелось бы отметить обнаруженную В.С. Удодовым станковую керамику, характерную для территории Средней Азии указанного периода и свидетельствующую о дальних миграциях населения в эпоху поздней бронзы.

Подводя итог, отметим, что в результате 20-летних работ археологов Алтайского госуниверситета, сложилась цельная достаточно полная картина финала бронзового века в лесостепном и степном Алтае. Изучены десятки памятников, систематизирован огромный материал. Выделены новые археологические культуры и этапы и уточнено содержание ранее известных, поставлены и решены многие проблемы хронологии и культурной принадлежности памятников, вопрос хозяйственной деятельности и идеологии древнего населения.

А.А. Тишкин

(Барнаул, Алтайский госуниверситет)

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОГО АЛТАЯ

До середины 80-х годов имеющиеся в Горном Алтае немногочисленные памятники, относящиеся сейчас к раннескифской эпохе ((IX) VIII-VI вв. до н.э.), рассматривались только при решении культурно-хронологических вопросов представлении для этого соответствующих схем (Грязнов, 1939, 1947 и др.; Киселев, 1949; Марсадалов, 1985; Могилников, 1986 и другие).

При проведении широкомасштабных раскопок на Катунь обнаружено большое количество курганных могильников исследования которых существенно увеличили объем материалов, позволяющих полнее представить культуру населения

раннескифского времени. Вышедшие при этом публикации в основном отражали описание погребальных сооружений, положение погребенных и найденных вещей, а также приводили ближайший круг аналогий, обозначив тем самым датировку археологических объектов и их культурную принадлежность. Лишь некоторые работы затрагивали проблемы реконструкции семейно-родственных отношений погребенных людей, основываясь на изучении планиграфии могильника и погребального обряда, а также частично характеризовали хозяйство, образ жизни и мировоззренческие представления того населения (Суразаков, 1990, с. 56–67; Ларин, Суразаков, 1994, с. 86–87 и другие).

Задачей нашего исследования было определение основных направлений хозяйственной деятельности людей в раннескифское время на территории Горного Алтая, а также выявление различных видов домашнего производства, занятий, ремесел на основе имеющегося материала, используя при этом возможные специальные анализы, характеристики, данные, методики, показатели многих наук. Остановимся пока на одном.

Как свидетельствуют материалы раскопок, основным животным, которое содержали и разводили, была лошадь, использовавшаяся не только как средство передвижения, но и для употребления в пищу. Этому способствовали благоприятные ландшафтно-климатические условия Горного Алтая и то, что коням не надо было заготавливать на зиму корма, который они способны добывать сами. При этом содержание лошадей было табунным, чему способствовал имеющийся у этих животных комплекс приспособительных и других рефлексов (Барминцев, 1958, с. 104–106).

Для выращивания табунных лошадей в благоприятных для этого условиях не требуется больших трудовых затрат, поэтому такая форма коневодства, существовавшая в раннескифское время, нашла свое продолжение в последующие эпохи и имеет место сейчас, что дает возможность наиболее подробно и точно представить картину такой деятельности.

При табунном содержании лошадей выращивали под открытым небом на одном подножном корме в течении года, не делая при этом страховых запасов грубых и других кормов. В современных условиях не подкармливают даже жеребцов-производителей (Ялбаков, Бахтушкин И., 1984, с. 29).

Летом животных пасли на отдаленных участках, расположенных высоко в горах. Степная, горно-луговая и другая растительность, имеющаяся на склонах гор, террасах, в межгорных котловинах являлась прекрасным пастбищным кормом. Зимой лошади добывали корм тебеневкой на свобод-

ных от глубокого снега, выветриваемых степных участках горных склонах. Хорошо упитанное животное, накопивш запасы жира, выдерживает до одного месяца абсолютно голода (Барминцев, 1958, с. 47). Причем ежегодные наж ровки осенью позволяли развивать у лошади способнос откладывать большие запасы жира на зиму.

Весной, когда на северных склонах гор и возвышенн стей лежал снег, табун питался на южных склонах. Зато летом, если лошадей не угоняли на откорм высоко в гор спасая их при этом и от кровососущих насекомых, животн питались в долинах рек и на северных склонах, г растительность высыхает намного позже. Таким образом общая продолжительность вегетационного периода травяни растительности была довольно длительной и это определя успешное разведение скота. Древние коневоды использов специфику таких мест, а также и другие отдельные участк Например, на солончаках снег, растворяя соль, образу проталины, формирует своеобразный микроклимат. Кроме того, горы являлись естественными укрытиями от непогоди своеобразной оградой и т.д.

Табунное коневодство требовало от людей определенну организацию всего процесса содержания, кормления и размножения животных.

По данным, полученным в ходе изучения остеологиче ских остатков лошадей из археологических памятников представляется возможным восстановить и реконструировать многие стороны разведения, использования и эксплуатации этих животных. К сожалению, плохая сохранность костног материала не дает провести эту работу в более полно объеме.

В результате оказалось, что вместе с человеком, н отдельной погребальной камере были захоронены животн только мужского пола. Как правило, забивался один кон лишь в немногих курганах зафиксированы по две лошади Частое обнаружение именно особей мужского пола в погребениях скотоводов связано с той причиной, что в процес воспроизводства стада они играли не самую важную роль, наносили даже вред при совместном содержании лошаде различных половых и возрастных групп. Факт выведени мужских особей из состава стада определяет участие люде в регулировке качества табуна.

Зафиксированный разный возраст умерщвленных животнох (8-18 месяцев, 2,5-3,5 лет и старше), демонстрируе причины забоя коней, указывает на сроки их хозяйственног использования, преимущество мясной направленности, спосс эксплуатации и т.д.

По внешнему облику найденные костные остатки лоша

дей принадлежали животным, которые являлись типичными для степей Азии, относятся к группе «среднелобых» (по В.И. Цалкину), средних по росту и ниже (по таблице В.О. Витта).

Немаловажным фактором является то, что лошади того времени имели длинную шею и короткую спину. Первое позволяло животному свободно доставать подножный корм. Этот показатель, отмеченный у некоторых коней пазырыкской эпохи (Витт, 1937, с. 24), является, вероятно, одним из случаев длительного селекционного отбора или отражает характерную черту разводимого типа лошадей. Животные с короткой шеей предрасположены к тому, чтобы у них появились предпосылки к браку через неправильное формирование копыта (Пакулев, 1990, с. 4–5). Изучение качества копытного рога дает возможность понять в каких природно-ландшафтных условиях проживало животное и режимы его питания.

Повседневные наблюдения и работа с лошадьми определяла направление селекционной деятельности, для которой было необходимо большое количество информации о благоприятных сроках рождаемости, о правильном содержании животных, о рациональном регулировании качественного и количественного состава табуна, о влиянии кастрации и многое другое. На ранних этапах такие мероприятия носили до конца непродуманный характер. Это подтверждает изучение костных остатков коней раннескифской эпохи (Гальченко, Тишкин, 1993, с. 249), когда кастрацию молодых жеребцов проводили не в соориентированные сроки. Вообще же такие мероприятия позволяли не только содержать лошадей в табуне без разбивки по полу, снизив тем самым трудовые затраты, но и увеличить рослость животных, повысить качество мяса, придать большую жизнеспособность и др.

Ряд захороненных коней в курганах раннескифской эпохи имели физиологические отклонения, недостатки или четко выраженный брак, полученный в результате неправильной эксплуатации.

Стоит обратить внимание на то, что в ряде памятников изучаемого нами времени имели место случаи имитации целого животного, а также отмечались нарушения черепа лошадей, отчленение или отсутствие такой части скелета. Подобные явления отражали идею воскрешения коня в ином мире, а также связаны с традиционными способами забоя жертвенного животного, обозначением туши в виде заупокойной пищи и для исполнения каких-то поминально-культовых обрядов.

Уровень развития коневодства в скифскую эпоху был уже более высоким и многоплановым, что подтверждает

сравнительный анализ имеющихся материалов и наблюдений

Таким образом, проведенные исследования, позволяющие говорить о том, что население Горного Алтая в раннескифское время имело яйлажно-горнодолинный скотоводческий тип хозяйства (по Мартынову, 1986, с. 11–14), в котором основу составляло табунное коневодство со сложившимися определенными традициями разведения и использования лошадей, являющихся гарантией существования людей.

Н.П Матвеева, А.В Матвеев, В.Я Хренов

*(Тюмень, Институт проблем освоения
Севера СО РАН
Тюменский госуниверситет)*

ИССЛЕДОВАНИЕ НИЖНЕ-ИНГАЛЬСКОГО 1 КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

В полевом сезоне 1995 года Н.П Матвеевой* проводилось исследование одного из курганов Нижне-Ингальского 1 курганного могильника в рамках реализации программы «Ингальская долина». Могильник расположен на высоком уступе правой коренной террасы р. Исеть у старицы Боровая-Инга в Заводоуковском районе Тюменской области, в 4 км к югу от с. Н-Ингал.

Памятник был открыт в 1982 г., тогда на пахотном поле насчитывалось 6 курганов высотой до 3–4 м. Сейчас весь могильник полностью распахан, фиксируются насыпи высотой 0,3–0,7 м с диаметром от 20 до 60 м. Некрополь находится в числе крупного скопления древностей раннего железного века, в котором поселения, городища и курганные могильники расположены на высокой пойме, надпойменных террас р. Исеть и ее старицы Ингалы через каждые 1,5–2 км, является одним из крупнейших археологических объектов.

Изучался курган 1, он находился на юго-западной окраине цепочки насыпей, ориентированных по линии С–ЮЗ, до распахки имел высоту 3 м. К моменту раскопки высота его составляла 0,7 м, а диаметр 38 м. В ходе исследования установлено, что курган как погребальное сооружение использовался дважды. Он содержал 4 могилы окруженных двумя кольцевыми рвами.

Самыми ранними были два коллективных захоронения близких по размеру и глубине прямоугольных ямах отвесными стенками в кургане диаметром 20 м. В погребении

* А.В. Матвеев участвовал в раскопках и оказывал организационно-финансовую помощь, В.Я Хренов производил палеопочвенные наблюдения.

1 находилось парное захоронение умерших от ран мужчины и женщины (с застрявшими среди костей скелета наконечниками стрел). В погребении 3 было захоронено трое умерших: двое подростков и один взрослый. Все уложены вытянуто на спине головой на север, на дне могил береста и древесный тлен. Перекрыты они были также большими полотнищами березовой коры с берестой. Инвентарь составляют саргатский сосуд, бронзовые удила и колчаный крюк, трехгранные со скрытой и выступающей втулкой наконечники стрел, с шипами и без шипов, мелкие округлые стеклянные и бронзовые бусы, обломки зеркал, железные ножи и фрагменты меча, бронзовая подвеска в виде рыбы. Этот период может быть датирован концом V-IV вв. до н.э.

Затем в ров было введено погребение 2, полностью уничтоженное бугровщиками. Центральное погребение 4 в обширной и глубокой (3,3 м) яме разрушило северные концы ранних погребений 1 и 3, вследствие чего в них не оказалось верхних частей большинства скелетов и определенной доли инвентаря. В позднем погребении 4 был захоронен взрослый мужчина-воин. Могила перекрыта двухъярусным накатом из березовых бревен, вдоль стен сооружены заплечики. Ее многократно грабили, найдены лишь мелкие вещи: железные трехлопастные черешковые наконечники стрел; обломки железных ножей, меча и кинжала, украшенных золотыми гвоздиками на рукояти; фрагменты обкладок оружия и накладок на лук; железные панцирные пластины; чешуйки свернувшегося китайского лака (?); бронзовые и железные круглые пуговицы от костюма, обломки саргатской керамики; половина бусины из сапфир-шпинели, золотое пластинчатое кольцо; разноцветные нити от золотого шитья, множество коррозированных железных обломков. Погребение предварительно датировано II-III вв.н.э.

Таким образом, могильник относится к саргатской культуре и функционировал на раннем и позднем этапах ее развития.

Большой интерес представляет анализ заполнения ровов и расположения выбросов, позволяющий частично реконструировать процесс строительства и функционирования кургана как погребального комплекса. Первоначально было выбрано место на одном из возвышений увала и очерчено овальным ровом размером 15 x 19 м. Рытью могил предшествовало застилание подкурганной площадки березовой корой, берестой, возжиганием костра, следы которых перекрыты выбросами из могил. Затем был возведен курган, высота которого не поддается реконструкции из-за распашки насыпи. Этот курган мало посещался, либо был оставлен, так как находок во рву нет, а заполнение его изрыто норами, указывающими

на благоприятные и спокойные условия проживания грызунов. Погребенная почва представляет собой среднемогильный, средневещелоченный высокогумусированный чернозем с легким механическим составом, горизонт В — легкий карбонатный суглинок, что позволяет предполагать на этом месте в прошлом открытую местность, покрытую густой травянистой растительностью.

Через несколько веков в курган было впущено новое богатое захоронение, надмогильное сооружение надстроено за счет снятия на десятки метров дерновины вокруг него и обведено новым рвом диаметром 38 м, шириной 2 м, глубиной 1–1,2 м. По периферии бровки у внутренней границы внешнего рва видны смещения гумусовых языков наружу, а ближе к центру они находятся в вертикальном положении. Это произошло тогда, когда масса кургана была наполнена водой, пластичный грунт сдвинулся в сторону рва, причем сдвинутыми оказались и погребенный гумусовый горизонт, и горизонт В, и мощный выброс, сделанный под острым углом на новую насыпь. В пользу такого заключения говорят морфологические признаки почвы: видно, что в сухом состоянии масса кургана разбита густой сетью глубоких трещин, характерных для грунтов, насыщенных натрием и коллоидными частицами, могущими при увлажнении сильно набухать и вызывать подвижки. Важно отметить, что выдвинутый в ров погребенный горизонт имеет малую мощность, это указывает на снятие дерна за пределами внутреннего рва еще для первой насыпи, он частично восстановился за несколько веков.

На дне внешнего рва видны тонкие золотые прослойки, образовавшиеся за счет ветрового наноса уже в сезон его строительства. Выше их располагаются следы неоднократных (не менее трех) пожаров древесины в виде угля, дерева и прокалов, а так же кости животных, в основном зубы и ноги лошади. Причем кольцевые костры горели на уровне 4 см от дна рва, поверх гумуса, вероятно, образовавшегося за счет начавшегося задерновывания. Заполнение рва плотное, нор нет, что указывает на неблагоприятность либо климатических условий, либо по причинам постоянного присутствия человека в этом месте, для размножения грызунов.

Таким образом, можно предполагать, что ранний курган возник как место захоронения членов семейно-родственного коллектива, погибших в результате военных столкновений на этой территории, возможно, при ее завоевании саргатами. Надстроенный в честь погребения какого-то знатного лица в первые века нашей эры он продолжал существовать некоторое время как обрядовое место в культуре предков и представлял собой довольно крупную усыпальницу. Попытка устано-

вить ее размеры, количество и длительность поминальных церемоний будет предпринята авторами в дальнейшем.

Я.В. Фролов

(Барнаул, Алтайский университет)

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ VI-I ВВ. ДО Н.Э. БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ СОТРУДНИКАМИ АЛТАЙСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

С открытием в 1978 г. лаборатории археологии в Алтайском госуниверситете, работой которой руководил Ю.Ф. Кирюшин, началось активное изучение памятников археологии лесостепного Алтая. Несмотря на то, что в сферу интересов Ю.Ф. Кирюшина и других сотрудников лаборатории, работавших в лесостепном Алтае (В.Б. Бородаева, А.Л. Кунгурова, А.Б. Шамшина, М.Т. Абдулганеева и др.), попадали в основном памятники эпохи бронзы, памятники РЖВ Верхнего Приобья изучались практически ежегодно. В основном это было связано с аварийными археологическими работами на разрушающихся памятниках.

Так, в 1978–81 гг. под руководством Ю.Ф. Кирюшина исследуется комплекс археологических памятников в районе оз. Иткуль, где на поселениях Костенкова Избушка, Озерки Восточные и Коровья Пристань I, III наряду с материалами эпохи бронзы получены материалы эпохи раннего железа. Летом 1978 г. Ю.Ф. Кирюшин провел работы на двух грунтовых могильниках: Обские Плесы II и Малый Гоньбинский Кордон I (м. 1), а в 1978–1980, 1982, 1986 — на грунтовых могильниках Староалейка I и II и Елунинском курганном могильнике I. В 1983 г. под его руководством велись раскопки на поселении и грунтовом могильнике Быково III и курганной группе Быковская I (Кирюшин, 1979, 1981, 1984–87; Кирюшин, Бородаев, 1989; Кирюшин, Кадиков, 1980; Кирюшин, Масленникова, Шамшин, 1981).

В 1977–79 гг. обследовали памятники РЖВ Барнаульского Приобья А.Л. Кунгуров и В.Б. Бородаев. Ими было открыто значительное число поселений РЖВ, наиболее крупные из которых: Крутой Лог I, Цветы Алтая I, Турина Гора I–IV, Казенная Займка, Обские Плесы I, Новоалтайское I, Фирсово VI–X, XVII, поселение Малый Гоньбинский Кордон I и т.д. Также в ходе этих разведок ими выявлено несколько грунтовых могильников этого времени: Поселковая Улица, Крутой Лог II, Фирсово V (XIV); курганный могильник Гоньба II (Бородаев, Кунгуров, 1980; Бородаев, 1987, 1991;

Кунгуров, 1987). В 1979–80 гг. А.Л. Кунгуров и Н.Ю. Кунгурова проводили раскопки могильника РЖВ Аэродромный (Кунгуров, Кунгурова, 1981).

С 1978 года активные работы по изучению памятников археологии Алтая начал А.Б. Шамшин. Им исследовались такие памятники РЖВ Верхнего Приобья как могильник Зайцево I; могильники и поселения Речкуново III, Мыльниково; поселения Казенная Заимка, Новоалтайское и др (Шамшин, 1980, 1984–1987, 1991, 1993).

Большая часть материалов, полученных в ходе раскопок была опубликована в ряде работ, посвященных изучению конкретных памятников. Накопленный к середине 80-х годов материал позволил исследователям более детально говорить об историко-культурной ситуации в РЖВ в Верхнем Приобье. Так, на конференции «Скифская эпоха Алтая», проходившей в 1986 году в Барнауле, был сделан ряд докладов, посвященных культурной интерпретации и хронологии памятников РЖВ лесостепного Алтая.

Ю.Ф. Кирюшин обозначил ряд проблем, связанных с периодизацией памятников РЖВ Верхнего Приобья, отметил особенности хозяйства населения Барнаульского Приобья в этот период. Это, по его мнению, комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства. Хозяйство населения Барнаульского Приобья практически не менялось с течением времени начиная с эпохи развитой бронзы. Кроме того, Ю.Ф. Кирюшин отмечает большую стабильность населения, проживавшего на этой территории начиная с эпохи бронзы и до РЖВ включительно (Кирюшин, 1986).

Ю.П. Алексин в своем докладе отмечает, что памятники Верхнего Приобья можно разделить на три типа: староалейский, который локализуется на правом берегу и частично левобережье Оби; каменный (новосибирский), куда он включает все памятники левобережья Оби Новосибирской области и чумышско-ишинскую группу памятников, локализованных в предгорьях Алтая. Различия в погребальном обряде этих трех групп памятников он видит во влиянии на этой территории различных групп населения, хотя местное население, сохранившееся еще с переходного времени, по его мнению, является доминирующим. Староалейская группа памятников, как он пишет, характеризуется различием грунтовых могильников и подвергалась влиянию тагарского населения. Чумышско-ишинская группа памятников — наличие погребений в сопровождении коня — влиянием пазырыкской культуры. Для каменной группы характерны курганные захоронения и кольцевое расположение могил под насыпью (Алексин, 1986).

С середины 80-х годов начались широкомасштабные

археологические работы на курганных могильниках РЖВ Барнаульского Приобья, которыми руководили сотрудники АГУ. А.Б. Шамшин проводил совместно с БГПИ раскопки курганного могильника Рогозиха I, также под его руководством велись исследования на таких курганных могильниках, как: Казенная Заимка I, Гоньба II, Кучук I (при участии С.Ю. Лузина, С.В. Неверова и С.Л. Изоткина). Также А.Б. Шамшин провел интенсивные работы по изучению памятников РЖВ Кулунды, где выявил и раскопал ряд памятников: Михайловский VI, Нижний Кучук I и т.д. (Шамшин, 1986, 1992, 1994; Шамшин, Горбунов, 1993; Шамшин, Демин, Навротский, 1992; Шамшин, Лузин, 1991; Шамшин, Лузин, Изоткин, 1991; Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992; Шамшин, Навротский, 1986, 1990; Шамшин, Навротский, Изоткин, 1989). В 1986 году В.Б. Бородаев раскопал несколько погребений могильника Усть-Иштовка I. В этом же году работы на могильнике продолжил А.Л. Кунгуров, а затем в 1987 — Ю.П. Алехин (Алехин, 1992, Абдулганеев, Алехин, Иванов и др., 1988).

Примерно с этого же времени крупные работы проводились на грунтовых могильниках РЖВ лесостепного Алтая. Так, А.Л. Кунгуров обнаружил несколько грунтовых захоронений РЖВ в районе с. Усть-Алейка: Усть-Алейка Ферма и Усть-Алейка Баня. В 1988, 1992 гг. Л. Кунгуров вел исследования на грунтовых могильниках Малый Гоньбинский Кордон I (могильники 1-3) и на поселении с тем же названием. В 1993-94 гг. он работал вместе с С.Д. Ведяниным на грунтовом могильнике Обскис Плесь II (Кунгуров, Фролов, 1995; Ведянин, 1995; Абдулганеев, Кунгуров, 1990). В 1986 году могильник I Малый Гоньбинский Кордон I исследовал М.Т. Абдулганеев. В 1988 г. раскопки могильников Фирсово XIV и Фирсово XI проводил А.Б. Шамшин (Абдулганеев, Кунгуров, 1990, Шамшин, Фролов, 1994).

Большие работы шли и на поселениях РЖВ: Фирсово IV, X, XVII и XVIII; Турина Гора I-IV; Дмитриевская Грива, Енисейское II, Комарово I, V (Шамшин А.Б., 1993, Абдулганеев, 1990, 1992, 1993; Тишкин, 1995). Накопление столь массового материала позволило более детально взглянуть на проблемы РЖВ лесостепного Алтая. М.Т. Абдулганеев ставит ряд вопросов, связанных с периодизацией РЖВ Барнаульско-Бийского Приобья. Так, обратив внимание на различное понимание исследователями термина бийский этап, он группу памятников, на которой преобладает комплекс керамики, описанной М.П. Грязновым, и, названной им бийской, выделяет в особый этап развития культуры населения переходного времени Барнаульско-Бийского Приобья. Датирует он его предварительно VI— началом V вв. до н.э. (Абдулганеев,

1992, 1994). Также, большое внимание М.Т. Абдулганеев уделяет поселенческим материалам РЖВ региона. Он на основании глубокого статистического анализа керамических комплексов поселений РЖВ лесостепного Алтая выделяет среди них несколько групп, характеризующихся специфическими особенностями в орнаментации (Абдулганеев, Владимир, 1992). М.Т. Абдулганеев, А.Л. Кунгуров и автор данной работы в статье под названием «Староалейская культура на основании большого круга материалов вычлениют особую группу ряд грунтовых могильников и поселения локализуя их, в основном, в правобережном Приобье. считают возможным выделить на основании их материалы особую староалейскую культуру со следующими характеристиками:

1. особый погребальный обряд:
  - грунтовые могильники;
  - положение погребенных вытянуто на спине, голова на ЮЗ;
  - дерсявинные внутримогильные конструкции, рама дощатое внутримогильное перекрытие;
  - отсутствие в могилах заупокойной мясной пищи;
  - отсутствие конской упряжи;
  - присутствие некоторых категорий инвентаря, не встреченных в массовых количествах среди других групп памятников из степного Алтая. Это: бронзовые ножи, петелчатые зеркала, серьги с подвеской в виде цепочки и т.д.;
2. особые типы керамики, проявляющейся прежде всего в орнаментации (преобладание жемчужника и наколок);
3. наличие долговременных жилищ на поселениях, свидетельствующие об оседлости населения;
4. особый хозяйственный тип, с характерным комплексным хозяйством, в отличии от ряда других культур РЖВ региона.

Датируют эту культуру в пределах VI-III вв. до н.э., возможно и II в. до н.э. Староалейскую культуру автор считает существующей параллельно с каменной и бронзовой культурами (Абдулганеев, Кунгуров, Фролов, 1994).

В последнее время появился ряд статей, в которых более детально рассматривается погребальный обряд грунтовых могильников РЖВ Барнаульского Приобья и намечаются дальнейшие пути изучения памятников VIII-I вв. до н.э. этого региона.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Казаков
(Барнаул, Алтайский университет)

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН 2 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДКИ 1991 Г.)

Гоньбинский Кордон — название правого берега р. Обь напротив с. Гоньба, расположенного на левобережье и входящего в настоящее время в городскую черту Барнаула. Археологическое изучение этого микрорайона началось с довольно неприятного события — при строительстве ЛЭП в 1978 г. землеройной техникой было разрушено древнее погребение. Оно располагалось на елбане, расположенном в пойме, метрах в 400 от боровой террасы. В результате дальнейших исследований на этом елбане были открыты еще несколько археологических памятников, а весь комплекс получил название Малый Гоньбинский Кордон (МГК) — 1.

В этом же году Ю.Ф. Кирюшин, выехавший на доисследование разрушенного погребения, открыл комплекс археологических памятников, включающий в себя городища и поселения (Кирюшин Ю.Ф., 1978), получивший название МГК-2. Детальное обследование этого комплекса было проведено А.А. Казаковым в 1991 г.

Комплекс археологических памятников МГК 2 находится в Тальменском районе и состоит из 16 отдельных городищ и поселений, расположенных на боровой террасе, возвышающейся над поймой на 10–20 м. В этом месте терраса образует дугу и своей подошвой упирается в пойменную террасу р. Обь, которая протекает в 2–2,5 км южнее комплекса МГК. По кромке этой террасы проходит полевая дорога, которая из-за рыхлой почвы (песок) постоянно углубляется и расширяется в процессе эксплуатации, разрушая археологические памятники. На востоке дуга террасы ограничена мысом, на западе — протокой р. Обь, на которой стоит санаторий-профилакторий БАТП-1 г. Барнаула «Обские плесы».

Поселения и городища этого комплекса расположены на самом краю террасы (за исключением поселений МГК 2/6–6 и МГК 2/8, расположенных в 75–100 м от кромки террасы), в боровом массиве. У подножия этой террасы тянется цепочка интенсивно заболачивающихся пойменных озер, которые ранее были протокой р. Обь. Название отдельных памятников складывается из названия комплекса памятников и цифрового обозначения каждого конкретного памятника, составляющего этот комплекс. Нумерация памятникам давалась по мере их расположения на кромке террасы в направлении с З на В (рис. 1).

Перейдем к описанию памятников:

1. Поселение МГК 2/1. Расположено на западном кон вышеописанной береговой дуги, в 3,4 км к ЮЗЗ от санатория «Обские плесы». Состоит из 36 визуально фиксируемых западин, распадающихся на 6 групп. Западины имеют подпрямоугольную форму, размеры от 5x4 м до 19x5 м, глубины от 0,15 до 0,4 м.

На юго-западной окраине поселения зафиксирован кольцевой объект неизвестного назначения (рис. 1-1).

2. Городище МГК 2/2. Расположено в 3,3 км к ЮЗЗ санатория «Обские плесы». Состоит из 41 визуально фиксируемых западин. 23 из них расположены на укрепленной площадке, 8 — образуют своеобразный посад с ЮЗ стороны городища и 10 — с СВ. Западины подпрямоугольных форм, размеры от 7x5 м до 12x11 м и глубины от 0,1 до 0,4 м.

Линия вал-ров, с расположением вала перед рвом, имеет подковообразную форму и упирается своими концами в край террасы. Ширина вала до 0,2 м. Ширина рва от 1,5 до 2 м, глубина до 0,4 м (рис. 1-2).

3. Городище МГК 2/3. Расположено в 2,2 км к ЮЗЗ санатория «Обские плесы». Состоит из 11 визуально фиксируемых западин, окруженных линией ров-вал. Ров располагается перед валом. Западины подпрямоугольной формы, размерами от 6x5 м до 12x11 м. Их глубины от 0,3 до 0,5 м. Ширина рва от 2 до 3 м, глубина до 0,6 м, ширина вала от 2 до 3 м, высота до 0,2 м (рис. 1-3).

4. Городище МГК 2/4. Расположено в 2,1 км к СЗЗ санатория «Обские плесы». Состоит из 11 визуально фиксируемых западин, окруженных линией вал-ров. Вал располагается перед рвом. Западины подпрямоугольной формы, размерами от 8x7 м до 12x10 м. Их глубина 0,2 м. Ширина вала от 2 до 4 м, высота до 0,15 м, ширина рва от 1,5 до 2,5 м, глубина до 0,2 м (рис. 1-4).

5. Поселение МГК 2/5. Расположено в 1,8 км к СЗЗ санатория «Обские плесы». Состоит из 9 визуально фиксируемых подпрямоугольных западин с размерами от 7x7 м до 18x12 м и глубинами от 0,15 до 0,3 м (рис. 1-5).

Комплекс городищ и поселений МГК 2/6 расположен в 1 км к СЗ от санатория «Обские плесы» и состоит из вычлняющихся из общего комплекса объектов.

6. Поселение МГК 2/6-1. Ограничивает комплекс МГК 2/6 с СЗ. Состоит из 5 визуально фиксируемых подпрямоугольных западин с размерами 10x7 м до 12x11 м и глубинами от 0,2 до 0,3 м (рис. 1-7).

7. Городище МГК 2/6-2. Расположено в СЗ части комплекса МГК 2/6. Состоит из 19 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы с размерами от 7x5 м до

13x12 м и глубинами от 0,15 до 0,3 м. Западины окружены линией вал-ров, с расположением вала с напольной стороны. В северной части городища эта линия двояка. Ширина валов от 1,5 до 3 м, высота до 0,2 м. Ширина рвов от 1,5 до 3 м и глубина до 0,2 м (рис. 1-8).

8. Городище МГК 2/6-3. Расположено в центре комплекса МГК 2/6. Состоит из 10 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы с размерами от 9x5 до 11x9 м и глубинами от 0,15 до 0,3 м. Западины окружены подковообразной линией вал-ров, с расположением вала перед рвом. Концы этой линии упираются в кромку террасы. Ширина вала от 1,5 до 3 м, высота до 0,2 м. Ширина рва от 1 до 2 м, глубина до 0,3 м (рис. 1-9).

9. Городище МГК 2/6-4. Ограничивает комплекс МГК 2/6 с ЮВ. Состоит из 12 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы с размерами от 8x7 до 10x10 м и глубинами от 0,2 до 0,3 м. Западины окружены подковообразной линией вал-ров, с расположением вала перед рвом. Концы этой линии упираются в кромку террасы. Ширина вала от 2 до 3 м, высота до 0,1 м, ширина рва от 1 до 2 м, глубина до 0,3 м (рис. 1-10).

10. Городище МГК 2/6-5. Расположено в центральной части комплекса МГК 2/6, образуя его «второй ярус». Состоит из 12 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы с размерами от 5x4 до 9x9 м и глубинами от 0,15 до 0,3 м. Западины окружены подковообразной линией вал-ров, с расположением вала перед рвом. Концы этой линии городищ МГК 2/6-2 и МГК 2/6-3. Ширина вала от 1,5 до 3,5 м, высота до 0,1 м, ширина рва от 1,5 до 3 м, глубина до 0,15 м.

Городище имеет посад из 3 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы, расположенных с ЮВ стороны укрепленной площадки. Размеры западин от 9x8 до 10x9 м, глубина 0,2 м (рис. 1-11).

11. Поселение МГК 2/6-6. Расположено в центральной части комплекса МГК 2/6, в глубине борового массива. Состоит из 12 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы с размерами от 7x5 м до 12x11 м и глубинами от 0,2 до 0,4 м (рис. 1-12).

12. Поселение МГК 2/7. Расположено в 0,6 км к СЗ от санатория «Обские плесы» и состоит из 5 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы с размерами от 8x5 м до 10x10 м и глубинами от 0,15 до 0,2 м (рис. 1-13).

13. Поселение МГК 2/8. Расположено в 3 км к З от санатория «Обские плесы» и в 70 м от кромки береговой террасы, в боровом массиве. Состоит из 21 визуальной фиксируемой западины подпрямоугольной формы с размерами

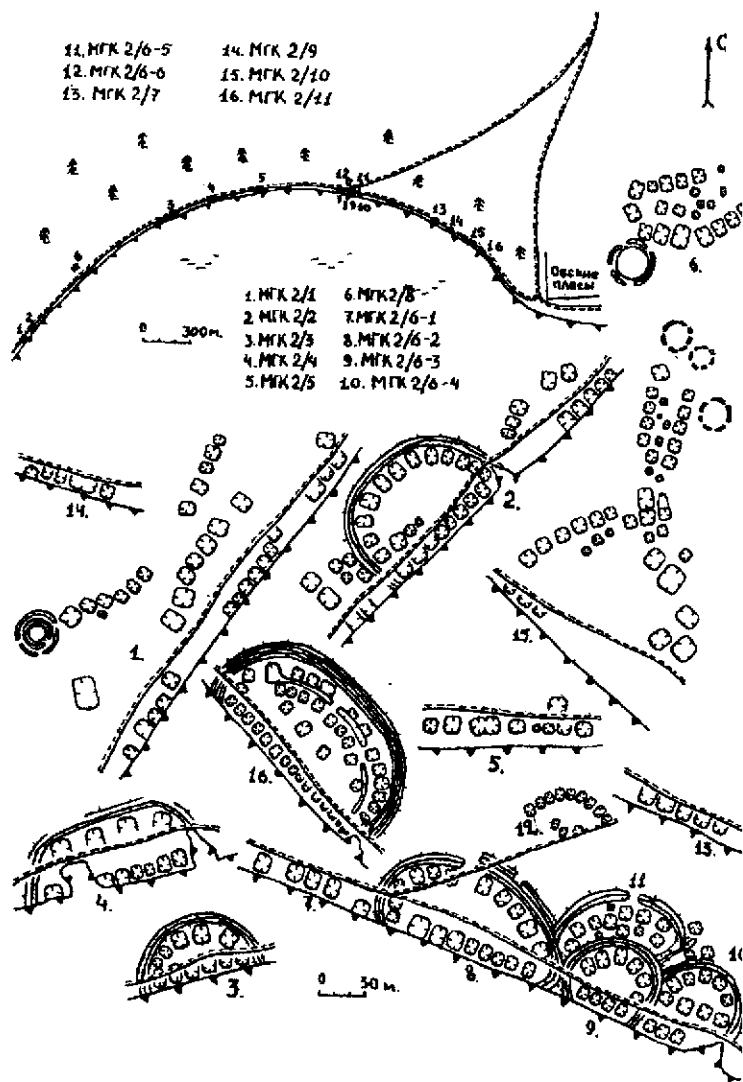

Рис. 1. Схема расположения и планы поселений и городищ комплекса МГК 2.

от 4x4 м до 14x11 м и глубинами от 0,15 до 0,6 м.

На юго-западной окраине поселения зафиксирован кольцевой объект неизвестного назначения (рис. 1-6).

14. Поселение МГК 2/9. Расположено в 0,5 км к СЗ от санатория «Обские плесы». Состоит из 5 визуально фиксируемых западин подпрямоугольной формы с размерами от 7x5 м до 17x6 м и глубинами от 0,15 до 0,3 м (рис. 1-14).

15. Поселение МГК 2/10. Расположено в 0,4 км к СЗ от санатория «Обские плесы». Состоит из 41 визуально зафиксированных западин подпрямоугольной формы, членящихся на 7 групп. Размеры западин от 5x5 до 16x15 м и глубины от 0,1 до 0,6 м.

На северной окраине поселения зафиксировано 3 кольцевых объекта неизвестного назначения (рис. 1-15).

16. Городище МГК 2/11. Расположено в восточной части комплекса МГК 2, в 0,2 км к СЗ от санатория «Обские плесы». Состоит из 44 западин подпрямоугольной формы, членящихся на 4 группы. Размеры западин от 3x3 м до 12x9 м, глубины от 0,1 до 0,4 м. Западины окружены двойной линией вал-ров, с расположением вала перед рвом. Ширина валов от 2 до 4 м, высота до 0,2 м, ширина рвов от 1,5 до 3 м, глубина до 0,3 м. Линия вал-ров-вал-ров имеет подковообразную форму и упирается своими концами в кромку террасы. Внутри укрепленной площадки имеется еще один ров, шириной от 3 до 4 м и глубиной до 0,5 м (рис. 1-16).

На комплексе памятников МГК-2 были проведены сборы керамического материала. Коллекция подъемного материала крайне незначительна и представлена лишь фрагментами керамики, однако, она позволяет уже сейчас определить культурно-хронологическую принадлежность некоторых памятников этого комплекса.

Так, памятники МГК 2/1, МГК 2/2, МГК 2/5 относятся к фоминскому этапу кулайской культуры и датируются I — серединой IV вв., памятники МГК 2/3, МГК 2/6, МГК 2/10 и МГК 2/11 относятся к одиновской культуре и датируются серединой IV—VIII вв. Отсутствие подъемного материала или его крайняя невыразительность не позволяет нам дать культурно-хронологическую интерпретацию других памятников, однако их принадлежность к хронологическому отрезку I—VIII вв. и к одной из двух выше обозначенных культурных традиций несомненна.

Таким образом, мы имеем еще один очень интересный комплекс поселений I тыс. н.э., представленный 16 памятниками. Необходимо отметить, что часть западин этого комплекса находится в аварийном состоянии и требует скорейшего исследования.

Т.Н. Троицкая

*(Новосибирск, Новосибирский
педагогический университет,*

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В инвентаре верхнеобской культуры четко выделяются три элемента: местный, северо-западный и южный (тюркский).

Местные черты. Это прежде всего керамика, имеющая как сугубо местные, верхнеобские черты, так и общие для широкой релкинской общности. В металлическом инвентаре на последовательных хронологических отрезках местные черты были различными. На одинцовском этапе это железные цепочки из двух звеньев для подвешивания ножей, бронзовые бусы-пронизы, отдельные грубо выполненные подвески, железные пластинчатые пояса с овальными колечками для подвешивания предметов. На тимирязевском этапе сохраняются разные пластинчатые пояса (крупные бронзовые и железные с выпуклинами (Старо-Бибеево-6, Красный Яр-1), пояса с крупными железными реповидными бляхами, переходящими в узкую длинную пластину, загнутыми на обратную сторону ремня (Старо-Бибеево-6). Появляются пояса с крупными прямоугольными ажурными пластинами, число которых колеблется от одной (Черный Мыс 1, Юрт-Акбалык-4 и 8, Ивановка-6) до восьми (Старо-Бибеево-6). Местными, общими для широкого круга релкинской общности, являются подвески бобовидные или в виде усеченного конуса с тремя отростками, перстни с крупным овальным щитком и др. На юрт-акбалыкском этапе (VIII-IX вв.н.э.) сохраняются подвески бобовидные и в виде усеченного конуса с отростками, подвески, подражающие серьгам с каплевидным окончанием, и с различными вариантами солярного знака. Многие из перечисленных изделий характерны не только для верхнеобской культуры, но в целом и для широкого круга релкинской общности.

Северо-западные черты. Четко выражены на одинцовском и особенно на тимирязевском этапах. Это прежде всего бляхи с изображенными вертикально или горизонтально расположенными головами медведей, профильные изображения шагающих медведей, бляхи в виде птиц с распростертыми крыльями и личиной на груди, полые орнаментированные фигурки медведей с петелькой для подвешивания (Старо-Бибеево-6) и ряд других зооморфных изображений. Среди последних надо особо выделить наконечники двух типов: с трубочкой (фигурка белочки из Красного Яра-1) и

без нее (фигурки медведоподобного животного из Ордынского-1 и др.). Подавляющее большинство из них как в Новосибирском, так и в Томском Приобье, датируется VII в.н.э.

Основной круг аналогичных предметов V-VII вв.н.э. обнаружен в северной лесной и лесостепной полосе Прикамья, Среднего Урала и Западной Сибири. Подобный звериный стиль, судя по составу изображений, соответствует идеологии населения, занятого в первую очередь присваивающим хозяйством (охотой) и не соответствует производящему хозяйству лесостепной зоны, где было развито отгонное скотоводство и существовало плужное земледелие, о чем свидетельствуют сошники и жернова.

Южные черты. В V-VI вв. они четко прослеживаются в вооружении (двухъярусные наконечники стрел, доспехи), конском наборе (ранние типы стремян) и в отдельных украшениях, восходящих к гуннским традициям (бляхи и пуговицы с сердоликовыми вставками и ложной зернью из могильников Крохалевка-23 и Тимирязевского).

С VII в. южные черты прослеживаются четче, но в основном в более богатых могилах. В качестве бляшек используются сасанидские, хорезмийские и китайские монеты. Появляются отдельные пояса евразийского типа. Они украшены круглыми бронзовыми бляшками, а в одном случае рядами псевдопряжек (Юрт-Акбалык-8). Интересно отметить, что в последнем пояском наборе присутствует и ажурная прямоугольная бляха местного типа. Судя по имеющемуся в настоящее время материалу, VII в. является не только началом появления поясных блях общего евразийского (тюркского) образца, но и расцветом местных поясов с пластинками и реповидными крупными бляшками.

В VIII в. местные пояса были вытеснены и сохранились лишь в единичных случаях (Чингис-2). Распространяются и бронзовые серьги с боковым отростком и каплевидным окончанием. К этому времени в Верхнем Приобье исчезают изделия, изготовленные в северном (пермском) зверином стиле, отражающие идеологию обществ с присваивающим хозяйством, они сохраняются лишь в более северных лесных районах.

КОЛЮЩЕЕ ОРУЖИЕ БУЛАН-КОБИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Многолетние исследования памятников, определяемых I в. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. Горного Алтая, позволили накопить довольно представительный предметный комплекс вооружения, состоящий из оружия ближнего и дистанционного боя (кинжалы, палаши, луки, стрелы и т.д.). И к настоящему времени мы можем констатировать, что в целом этот набор вооружения видится (смотрится?) довольно развитым. В нем широко представлены прежде всего сложно-составные луки, типологически разнообразные железные и костяные наконечники стрел, т.е. предметы вооружения дистанционного боя. Данная категория вещей убедительно свидетельствует, что с последних веков до н.э. характер вооружения дистанционного боя булан-кобинского населения испытал сильное влияние хуннского оружия. Последние, несомненно, способствовали развитию предметов вооружения и ближнего боя (кинжалы, палаши, наконечники копий и т.д.), хотя они из памятников булан-кобинской культуры немногочисленны. Подобная ситуация, на наш взгляд, объясняется тем, что рубяще-колющее оружие, игравшее не последнюю роль в жизни кочевников, представляло собой определенную ценность и довольно редко помещалось в захоронения. Именно поэтому особый интерес представляет, по нашему мнению, колющее оружие булан-кобинского населения.

В могильнике Булан-Кобы IV (курган 24, погребение 56) найден наконечник копья, изготовленный из цельного листовидного железа (рис. 1, 2). Длина сохранившейся части составляет 36 см, хотя его первоначальная длина, очевидно, равнялась 39–40 см. В 13 см от края втулки наблюдается перехват (уточнение в месте соединения втулки и боевой части — пера), при этом сечение перехвата-шейки остается круглым. В 8 см от первого перехвата имеется второй перехват. Длина ударной части 23 см. Перо с овальным поперечным сечением, видимо, имело заостренные продольные ребра с плавным сужением к острию. На конце втулки просматривается отверстие для закрепления древка во втулке. Перед нами двухъярусный наконечник копья. Точных аналогов данному предмету нам не известно. Правда модель копья, близкая по конструктивным особенностям (с двумя перехватами, высокая туля, с длинной конусовидной втулкой и т.д.) содержится в кокзальской серии моделей и

датируется I в. до н.э. — первыми веками нашей эры (III в.н.э.) (Вайнштейн, 1966). Наконечники копий массивных форм, достаточно длинные в общей фигуре, листовидные с овальным поперечным сечением пера, перехватами-шейкой, утяжеленной втулкой, вероятно, восходят к ранним типам. Видно, что усиление бронебойных свойств наконечников достигалось в основном увеличением их размеров и веса. Дальнейшее их развитие шло по пути усовершенствования проникающих качеств пера и в направлении уменьшения длины и веса втулки. Именно такой процесс отражают наконечники копий второй половины I тыс. н.э. (Худяков, 1986). Отмеченные признаки (а также комплекс вещей данного погребения: железные ножи, пряжка, железные и костяные наконечники стрел) позволяют датировать булан-кобинское колющее оружие (копье) I в. до н.э. — первыми веками нашей эры. Оно, видимо, предназначено в основном для поражения незащищенного противника.

Оружие ближнего боя представлено также железным кинжалом (Курганный могильник Булан-Кобы IV. Курган 6. Погребение 2) (рис. 1, 1). Он имеет обоюдоострый удлинено-треугольный клинок (линзовидный в сечении со слегка суживающимися от основания к острию сторонами) с упором для обкладки составной рукояти с овальным навершием, которые закреплялись двумя тонкими овальными бронзовыми пластинами с помощью двух штырьков. Нижний конец дощечек обматывался кожаным ремнем, который в определенной степени выполняет функцию перекрестия. И длина всей рукояти составляет 8,5 см, она слегка расширяется к основанию лезвия. Длина клинка 17,7 см, его ширина 2,7 см, длина черешка 6,5 см.

Кинжал носили в деревянных ножнах, конструкция которых самая простая: состоит из двух плоских дощечек с острым нижним концом и ровно срезанным верхом. Обе дощечки на внутренней стороне имеют неглубокие врезные пазы, выполненные по форме клинка-кинжала. Сложенные вместе дощечки ножен обычно обтягивались фрагментами кожи.

Рассматриваемый кинжал типологически близок кинжалу из погребения 227 могильника Балыктыкуль, датированного С.С. Сорокиным II-IV вв. н.э. (Сорокин, 1977). Тем не менее при определении его хронологии необходимо учитывать указанные особенности, т.к. совокупность отмеченных элементов как раз и способствует установлению времени их существования. Так, в памятниках Горного Алтая железные кинжалы с овально-вытянутым навершием и с рукоятью, слегка расширяющейся к перекрестию, распространяются с III-II вв. до н.э. (Суразаков, 1989). Несколько позднее, в погребениях

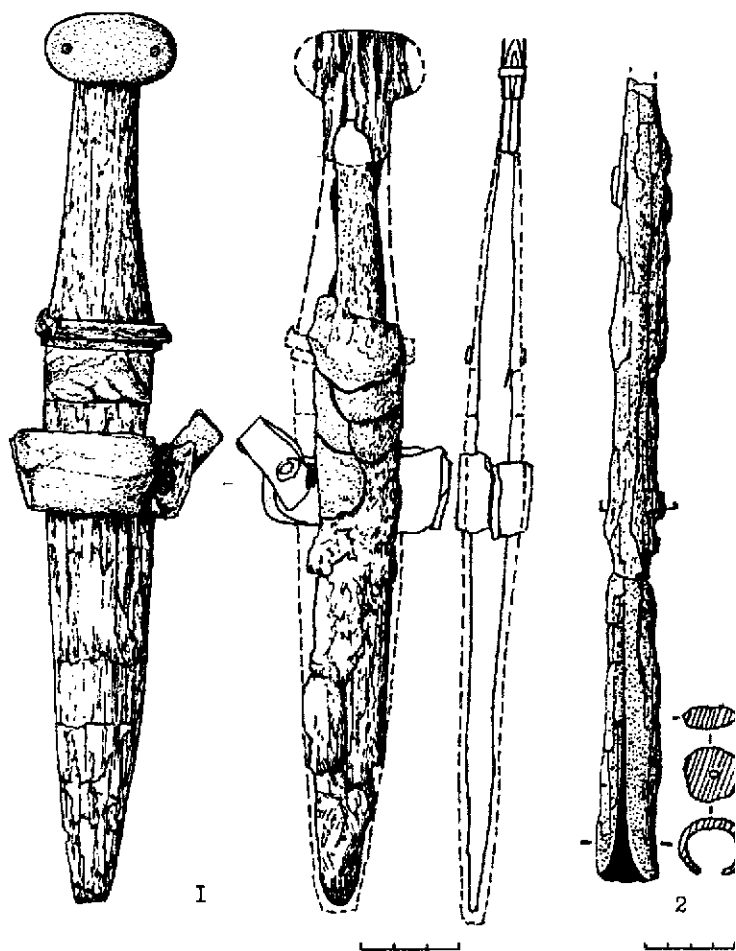

Рис. 1. Предметы вооружения булан-кобинской культуры.

1 - кинжал. Курган 6. Погребение 2.

2 - наконечник копья. Курган 24. Погребение 56.

1, 2 - железо.

II-I вв. до н.э. как Горного Алтая, так и Минусинской котловины встречаются такие кинжалы, но уже без перекрестия (Суразаков, 1989; Пшеницина, 1979). В этот период (I в. до н.э. — I в.н.э.) по мнению В.Д. Кубарева, «на Алтае появляются упрощенные до предела модели оружия, ... к которому иногда приделывались деревянные навершия и перекрестие» (Кубарев, 1987).

Булан-кобинский кинжал свидетельствует, что деревянным навершием оформляются не только модели оружия, но и само настоящее боевое оружие. Хронологические рамки данного кинжала, с учетом всего комплекса инвентаря погребения (нож, железные и костяные наконечники стрел, пряжки из бронзы), могут быть определены с I в. до н.э. по II в.н.э.

Этим же временем, очевидно, определяются и сроки существования установленного булан-кобинского типа ножен. Он, несомненно, сближается с типом I, выделенным В.Д. Кубаревым для горноалтайских ножен скифского периода (Кубарев, 1987, 1981). Исследователь датирует этот тип IV-II вв. до н.э., но вместе с тем считает, что «ножны типа I не исчезают в IV-II вв. до н.э., о чем свидетельствуют их находки в отдельных курганах вместе с явно поздними образцами ... оба типа ножен, как и кинжалы разных типов, длительное время сосуществовали (Кубарев, 1981).

Вполне понятным является интерес исследователей к вооружению племен Горного Алтая указанного времени. Существуют работы, специально посвященные их анализу (Худяков, 1986). Отдельные предметы вооружения из погребений исследуемого времени рассматривались в контексте с другими вещами (Сорокин, 1977; Глоба, 1983; Мамадаков, 1985, 1995; Худяков, 1990).

В целом должны особо подчеркнуть, что военное дело булан-кобинских племен развивалось синхронно и во взаимодействии с военным знанием, искусством кочевников соседних регионов.

Г.В. Кубарев

(Новосибирск, ИАиЭ СО РАН)

ИЗОБРАЖЕНИЕ БЫКА В ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

Наборные пояса и детали поясной гарнитуры занимали важное место в трудах, посвященных материальной культуре древних тюрков (Гаврилова, 1965; Овчинникова, 1990), а

также служили предметом специальных исследований (Ковалевская, 1979; Добжанский, 1990). Совершенно справедливо пояс рассматривался как показатель социального положения его владельца, как своеобразный «паспорт». Кроме того, во многих случаях наборные пояса, благодаря характерному оформлению, могут выступать в качестве самостоятельной датирующей категории предметов.

Особое внимание привлекает наборный пояс, обнаруженный в одном из древнетюркских захоронений (Юстыд XXIV, к. 13) в Юго-Восточном Алтае. Пояс находился *in situ*. Сохранилась его кожаная основа — прошитый двойной ремешок, подвесные ремешки и фрагмент ткани с кожаной аппликацией, который пришит к ремню у пряжки и вероятно выполнял роль «подкладки» для миниатюрной кожаной сумочки (рис. 1). В нее был вложен мешочек из орнаментированного китайского шелка, куда в свою очередь помещены свернутый в колечко конский волос и лоскут шелка. С противоположной стороны, близ наконечника ремня подвешивалась другая кожаная сумочка с довольно массивной железной основой — огнивом подпрямоугольной формы.

Первоначальная длина пояса составляла порядка 85–90 см. Он снабжен бронзовыми бляхами двух типов: прямоугольной формы (18 экз.) и лунницами (4 экз.). Последние располагались у наконечника ремня и фиксировали положение язычка пряжки. Пояс имел 11 коротких подвесных ремешков, два из которых с закрепленными в них бляшками, изображающими морду быка, и лировидными подвесками. Отличительная особенность поясных блях в их вырезном, «фестончатом» крае, при этом одна из прямоугольных бляшек с ровными краями. Пояс неоднократно ремонтировался — подшивался тонкими кожаными ремешками и нитью.

Сочетание подобных типов блях в поясе не является редким, однако декоративный прием их оформления в виде вырезных краев не имеет аналогий в археологических материалах. Единственным примером ему служит пояс, выбитый на одном из древнетюркских изваяний на Алтае — знаменитом «Кезере» (Кубарев В.Д., 1984, табл. XX, 121). Датирующими признаками пояса из древнетюркского погребения могут считаться большое количество подвесных ремешков и лировидные подвески. Они получили наибольшее распространение в период Уйгурского каганата — с сер. VIII в. и бытовали в IX–X вв. (Евтюхова, 1952, с. 109; Добжанский, 1990, с. 42; Овчинникова, 1990, с. 38). Каменные изваяния с большим количеством подвесных ремешков и лировидными подвесками, с сосудами в обеих руках и т.д. убедительно причисляются исследователями к уйгурским памятникам (Кызласов Л.Р., 1964).

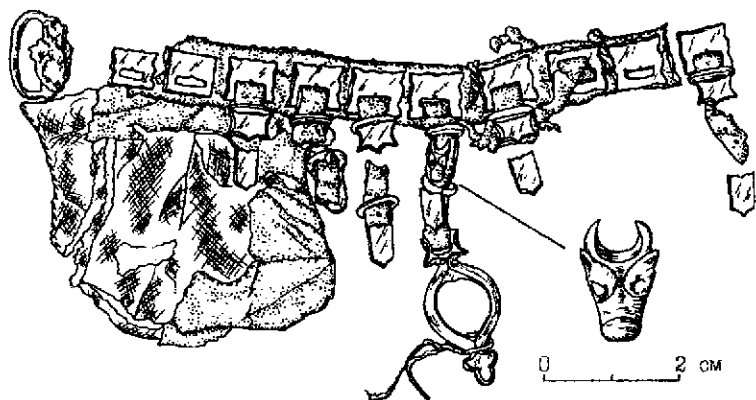

Рис. 1. Наборный пояс из древнетуркского погребения.
Костыль XXIV, курган 5 13.

Изображения животных в поясной гарнитуре древнетюркского времени чрезвычайно редки. Именно поэтому к наиболее интересным деталям этого наборного пояса относятся бляшки в виде морды быка. Как известно, бык почитался многими народами с древности, в том числе и тюрко-монгольскими. На Алтае в позднескифскую эпоху известны изображения морды быка в качестве поясных украшений (Кубарев В.Д., 1987, табл. IV, 2). У хуннов, которые считаются предками многих тюрко-монгольских этносов Южной Сибири и Центральной Азии, бык принадлежал к числу жертвенных животных (Бичурин, 1950, с. 144), черепа и кости быка находят в хуннских погребениях (Коновалов, 1976, с. 164). Морда быка или его фигура с повернутой в анфас головой служили излюбленным орнаментальным мотивом именно на поясных ажурных пластинах конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. (Дэвлет, 1980). Некоторые тюрко-монгольские народы, и в частности уйгуры, в мифологических представлениях ведут свое происхождение от быка. Он выступает как важный персонаж и в эпосе тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Так, например, в алтайском эпосе чудовище-людоед Делбеген ездит на синем быке (Суразаков С.С., 1985, с. 35), а Кара-Таады — жена великана на черном быке (Маадай-Кара, 1995, с. 90). Бык часто ассоциируется с иным миром и связан с образами мифологических чудовищ.

Следует также отметить уздечные бляшки, найденные в Туве (Улуг-Хорум, к. 4) и относящиеся к тюхтятской культуре (Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 44). На них представлены фантастические полулюди-полуживотные с рогами, которые возможно являются бычьими. Рога быка — наиболее значимая его часть и во многих случаях она заменяла и символизировала сам образ. Изображение бычьей морды может быть сопоставлено с бычьими масками ламаистской мистерии цам, которая по мнению Н.Л. Жуковской (1977, с. 78) значительно древнее самого ламаизма.

Наборный пояс по таким признакам как подвесные ремешки и лировидные подвески следует датировать второй половиной VIII-IX вв. Эту датировку подтверждает и остальной сопроводительный инвентарь. Несмотря на совершение погребения по типичному древнетюркскому обряду, оформление наборного пояса и в особенности наличие бляшек в виде бычьей головы возможно подчеркивали уйгурское (?) происхождение его владельца. В любом случае он занимал достаточно высокое положение в древнетюркском обществе.

СВЯТИЛИЩЕ БОЛЬШОЙ ЯЛОМАН III

Решая многочисленные задачи в сфере изучения древних петроглифов, исследователи периодически возвращаются к центральной проблеме, т.е. пытаются через осмысление наскальных рисунков реконструировать прошлые мировоззрения. Побудительный стимул к этому возникает нередко при изучении тех их скоплений, между разнообразными образами которых просматривается системно обусловленная взаимосвязь.

Немалый интерес в этом плане представляет святилище Большой Яломан III, указанное автору в 80-е гг. О.В. Лариным. Расположено оно на левобережье Катуня примерно в 1 км от двух одноименных памятников (I и II), состоявших из курганов в основном скифского времени и раскапывавшихся автором и В.А. Могильниковым.

Среди изображений здесь имеются козлы, маралы, люди в грибовидных головных уборах, всадники, хищники, змеи, мифические чудовища. Судя по всему, основное ядро композиции сложилось в эпоху бронзы и затем было дополнено в последующий период. Главная ее сюжетная направленность — охотничий промысел. Однако передано все это через воспроизведение общей мировоззренческой схемы.

В целом здесь можно уловить связь с верхним миром, где по представлениям устроителей святилища обитали двойняшки-прародители, дающие приплод основным промысловым животным — козлам и маралам. Спаренные их фигуры имеются как над основным панно, так и выше на скалах. Обилия посылаемого ими на землю приплода при регулярном совершении ритуальных действий хватает и изображенным на скальных поверхностях охотникам, и гигантскому змею (проглатывает животное), обитающему в дебрях охотничьей территории. Конкретную же удачу в промысле, видимо, можно было испросить у духа-хозяина местности (человеческая фигурка, стоящая на спине у оленя — его ездового животного).

Разведочный шурф показал, что для совершения ритуальных действий перед петроглифами разжигались костры, а в состав жертвенной пищи входило мясо (кости животных в слое). По мере функционирования место это скорее всего приобрело значение священного центра для родоплеменных групп достаточно обширной территории, что в свою очередь привело к общей сакрализации всей окружающей части

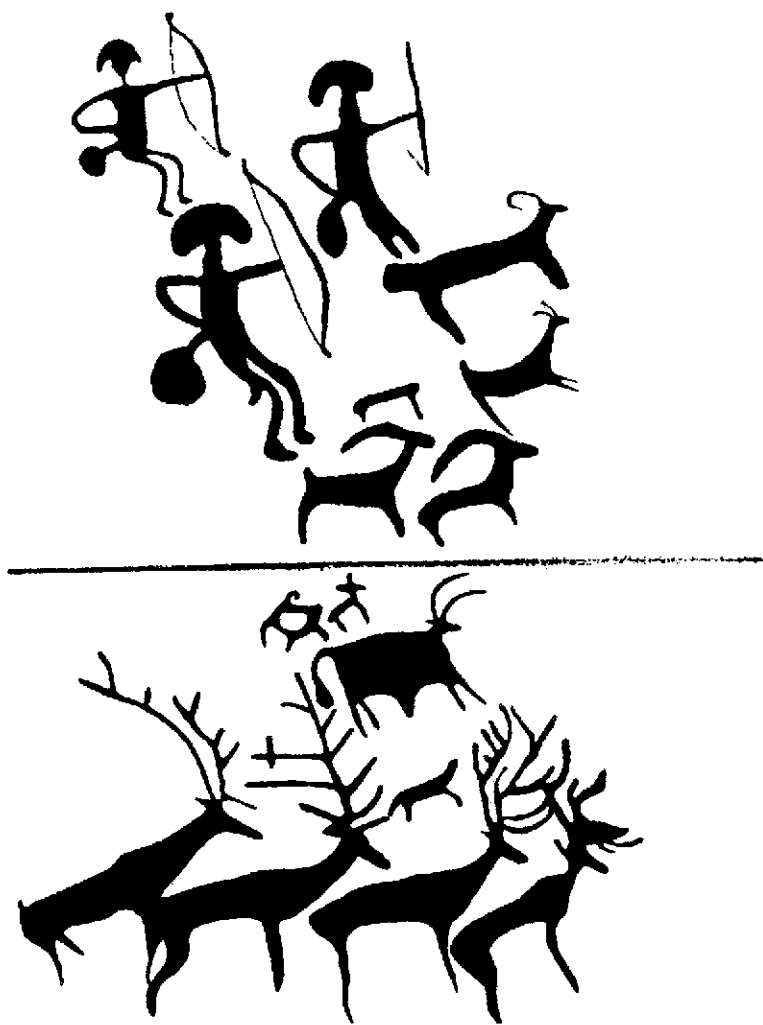

Рис. 1

долины, где появились многочисленные «малые святилища», устраивавшиеся небольшими семейно-родственными коллективами.

Все сказанное, конечно, входит в разряд предварительных рассуждений, но изучение комплекса продолжается и может привести в дальнейшем к интересным реконструкциям древней мировоззренческой системы населения средней Катунни.

В.Н Елин, О.В Ларин

*(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский
педуниверситет, Горно-Алтайский
институт гуманитарных исследований)*

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕТРОГЛИФОВ

Петроглифоведческое направление в археологии Алтая за последние годы усилиями исследователей из разных научных центров продвинулось значительно вперед в решении вопросов хронологии, семантики, а также этнокультурной принадлежности наскальных изображений, анализу которой в последнее время уделяется определенное внимание (Молодин В.И., 1993).

Учитывая физико-географическое и этнокультурное районирование этой горной страны, можно выделить два наиболее значительных региона распространения наскальных изображений — юго-восточный Алтай и Центральный. На наш взгляд данная ситуация объясняется следующими факторами, а именно, наличием благоприятных условий для ведения отгонного скотоводства и распространением вместе с ним культурных традиций номадов, а также необходимых возможностей для их реализации (доступные и ровные скальные поверхности).

Наиболее известные местонахождения петроглифов Центрального Алтая расположены в Каракольской долине, где проводились многочисленные исследования. То же самое можно сказать о Калбак-Таше. Свою известность они получили благодаря значительному количеству изображений и их хронологическому и стилистическому разнообразию. Об остальных местонахождениях информация более скудна. К их числу относятся петроглифы в окрестностях с. Иня и ниже по течению Катунни по обским берегам. Между тем эти относительно некрупные памятники позволяют еще раз сделать попытку подойти к решению вышеозначенных вопросов

петроглифоведения.

В настоящее время имеются уже достаточные основания связывать наиболее ранние петроглифы Алтая с эпохой неолита, а в эпоху энеолита и бронзы изобразительная деятельность становится необычайно богатой по своему содержанию. Для этого уже имелись необходимые предпосылки. Думается, что ведущая роль в появлении новаций в наскальных изображениях должна быть отведена формированию в IV тыс. до н.э. в Центральной Азии афанасьевской культурно-исторической общности, занимавшей огромные пространства (Горный Алтай, Минусинская котловина, Тува, Северо-Западная Монголия, бассейн оз. Лобиор в Синьцзяне), и, близкой по происхождению, древнейшей в Восточной Европе. Люди тогда сделали очень серьезный шаг к распространению кочевничества, вместе с которым происходило рождение новой психологии, психологии степняка с его богатым духовным миром.

Для эпохи палеометалла Горного Алтая афанасьевские памятники являются наиболее широко распространенными и изученными — вскрыто более 250 погребений, зафиксированы десятки стоянок и поселений, отмечено сосуществование с носителями каракольской культурной традиции (череп погребенного из с. Беш-Озек имеет афанасьевский облик, определение А.Р. Кима), точка зрения о возможности доживания афанасьевцев до I тыс. до н.э. приобретает дополнительные аргументы (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1993).

Между тем, отмечаемые на Алтае наскальные изображения эпохи бронзы ни одним из исследователей не связываются с афанасьевской культурой. Зафиксированные нами изображения колесницы и быка на писанице у г. Хрустальной (в 1 км к СВ от с. Иня), а также аналогичные изображения Калбак-Таша и петроглифических комплексов Юго-Восточного Алтая, по нашему мнению, относятся к афанасьевскому пласту наскального искусства, и являются своеобразными маркерами путей заселения Алтая из Центральной Азии скотоводческим населением в эпоху энеолита. Изображения колесниц являются довольно редким сюжетом для писаниц описываемого региона — этому находится следующее объяснение, колесницы как транспорт при смене степного центральноазиатского ландшафта оказались непригодными в условиях горной местности (но зафиксированы в погребениях генетически близкой древнейшей культуры в условиях Восточноевропейской равнины, в то же время изображения быков оказались более широко распространены, т.к. весь комплекс природно-климатических условий межгорных долин существенно не отличался от центральноазиатского и не требовал смены скотоводческой направленности в

хозяйственной деятельности.

Изображения в характерных позах, имеющиеся здесь же, вполне логично можно отнести к майэмирской культуре (VIII-VI вв. до н.э.), в пользу этого аргумента свидетельствует и могильник этого времени, расположенный в непосредственной близости. Вполне поддаются датировке и те сюжеты, которые связаны с расцветом скифо-сибирского мира.

Особый интерес среди петроглифов Центрального Алтая представляет в этом отношении памятник Каракорум, расположенный в 10 км вниз по Катунь от с. Малый Яломан на правом берегу. Изображения здесь выполнены техникой выбивки. По нашему мнению, два изображения требуют более детального рассмотрения. Это лошади-олени. Мифологизация этих животных началась еще в палеолите, но в нашем случае их характерные признаки соединены: хвост лошади, рога оленя, седло и парное копыто. Данный случай нельзя считать уникальным, т.к. такое сочетание фиксировалось в одном из пазырыкских курганов (маска оленя на коне). Близкий пример отмечался в материалах бронзы Кавказа (лошади с оленьими рогами), в мифах Литвы (конь с копытами оленя). Наверное, это необходимо связывать с перенесением на коня культово-мифологических представлений об олене. Не случайно на петроглифах Юго-Восточного Алтая нередко можно встретить изображения оленей и коней с крыльями. Не потому ли устраивали сопроводительные захоронения коней в могилах, что согласно поверьям многих индоевропейских народов души умерших уходили в мир иной на лошадях, а лошадь заменяла своего предшественника — оленя. Такое представление могло возникнуть из мифа о солнечном олене и его трансформации в миф о солнечном коне. Связь этих изображений с пазырыкцами более чем очевидна.

Нами уже не раз отмечалась возможность выделения гунно-сарматского хронологического пласта наскальных изображений, которые могли выполняться выбивкой или гравировкой (Елин В.Н., 1995). Дополнительный аргумент в пользу этого вывода представлен у горы Хрустальной в виде сцен охоты, где имеются изображения ярусных наконечников стрел. Гунно-сарматское время Центрального Алтая известно по булан-кобинской культуре (Мамадаков Ю.Т., 1991), где обнаружены наконечники этого типа. И это не единственный пример. По манере исполнения гравировки у Хрустальной близки гравировкам кок-пашцев, населения Юго-Восточного Алтая, а также наскальным изображениям у с. Кулада.

Этнические группы, проживавшие в разные эпохи и в разных местах на Алтае, не утратили традиции наскального творчества, но проблемы их более широкого выявления и осмысления несомненно остаются.

Т.И Нохрина, И.В Усачева

(Новосибирск, ИА и Э СО РАН; Тюмень)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАЛЬКОСОДЕРЖАЩИХ ПОРОД ДРЕВНЕЙШИМ НАСЕЛЕНИЕМ УРАЛА

Особое место среди горных пород и минералов, использовавшихся древним населением, занимает тальк и талькосодержащие породы — хлорито-тальковый сланец, тальково-карбонатный сланец, стеатит (жировик, мыльный камень, горшечный камень). Близок тальку пирофилит, стеатиту — агальматолит, использовавшийся в качестве материала для украшений в Китае.

Тальк представляет собой водный магнезиальный силикат состава $H_2Mg_3Si_4O_{12}$. Это мягкая порода, легко режущаяся ножом, жирная на ощупь, твердость 1–2,5 по шкале Мооса, удельный вес 2,66–2,9; огнеупорная, температура плавления более 1400°, кислотоупорная, обладает низкой электропроводностью, устойчива к солям и щелочам, теплового изолятор. Цвет талька зеленовато-серый, зеленовато-синий, серый и т.д., стеатита — белый, зеленый, бурый, коричневый и т.д. Месторождения на Урале — Шабры, Горный Щит, Кыштымский округ, Северный Урал.

Благодаря свойствам, широко используется как молотый так и кусковой тальк. Молотый тальк применяется в текстильной промышленности для выделки полотна, при производстве красок, мыла, в литейном производстве для обсыпки форм, в косметике в качестве пудры, в гончарном и фарфоровом производстве для тиглей, при производстве кожи для чистки, сушки и полировки, в ветеринарии для обсыпки ран и порезов животных, для чистки волос и шерсти, для сохранения фруктов и овощей. Плотный кусковой тальк применяется в металлургии для изготовления форм для отливки меди, бронзы, железа, мелкая галька используется для полирования деревянных изделий и некоторых металлических предметов (в этом случае во вращающийся цилиндр помещается тальковая галька и полируемый материал). Из талька изготавливаются украшения, он применяется в кушаньях в разных частях света.

Разнообразные поделки из талькосодержащих пород встречаются на многих поселениях. Начиная с раннего голоцена и вплоть до энеолита, иногда ранней бронзы, на Переднем Востоке, Украине, Урале, Казахстане, юге Восточной Европы, Прикаспии, Монголии из талька и его разновидностей изготавливались «утюжки» — изделия различной формы (ладьевидные, подпрямоугольные, фигурные), длиной от 37 до 135 мм, шириной от 21 до 87 мм с поперечным

желобком. Длина последнего колеблется от 12 до 60 мм, диаметр от 4 до 15 мм, в профиле овальный, сегментовидный или подквадратный. Ось желобка часто бывает наклонной по отношению к продольной оси «утюжка». Существует несколько версий относительно возможного применения подобных изделий — для разглаживания швов, в качестве своеобразных маховичков лучковых сверл, для выпрямления древков стрел, в качестве шлифовальников для древков стрел (абразивы) или для их полировки, как грузики-утяжелители для копьеметалок. Исходя из характеристики свойств талька и его разновидностей, можно поставить под сомнение использование породы для шлифования.

На энеолитических памятниках Аргазинского водохранилища (Южный Урал) найдены изготовленные из талькосодержащих пород стержни, округлые или овальные предметы. Здесь же встречены скопления кусков талька. Можно отметить, что большинство подобных предметов или кусков присутствуют в материале памятников, где зафиксированы следы плавки металла (медь без каких-либо искусственных добавок, группа зауральской меди), например, Аргази VII, Березки I, Осиновый Остров II и др.

В бронзовом и раннем железном веке талькосодержащие породы использовались для изготовления литейных форм (Березки II, Липовая Курья, Иткульское I городище, Малый Вишневый, Гора Думная и т.д.).

Вследствие того, что талькосодержащие породы легко поддаются обработке, они служили материалом для изготовления антропоморфных фигурок (Палатки II, аятская культура, Сигаево III, ранняя бронза?), фигурок рыб (оз. Аргази), курильниц (Березки V, иткульская культура) и др.

А.В. Новиков

(Новосибирск, ИА и Э СО РАН)

ДРЕВНЕЙШИЕ СОБАКИ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Еще в начале XX века круг источников для изучения наиболее архаичных проявлений историко-культурного феномена «человек и собака» сводился к памятникам письменности и различным видам изобразительного творчества. Однако сейчас совершенно очевидно, что при этом «древнейшие» собаки значительно омолаживались, а их локализация охватывала лишь те регионы, откуда происходили сохранившиеся для исследователей названные типы источников. Значительно

большая архаика древнейших domesticiрованных собак на территории Северной Азии была установлена в первой половине XX века исследованиями Д.Н. Анучина, А. Браунера, В.А. Городцова, И.Т. Савенкова (Городцов, 1940, с. 151). Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что основными источниками по интересующей нас проблеме являются контекст обнаружения надежно идентифицированных палеозоологами костных остатков domesticiрованных собак в различных памятниках верхнего палеолита и мезолита в совокупности с данными других направлений изучения традиционной культуры, социальной и индивидуальной психологии человека, этологии и экологии канисовых и многих других областей знания. Это позволило значительно расширить ареал первичной domestикации канисовых и включить в нее Северную Евразию. В настоящее время в этом регионе известно более десяти памятников верхнего палеолита и мезолита, на которых обнаружены кости domesticiрованных собак (разрозненные или в виде целых скелетов).

В работах по domestикации собак большинство исследователей отдает инициативу в этом процессе человеку. Чаще всего это положение считается само собой разумеющимся, а дискуссии ведутся лишь по поводу мотивации человека, однажды решившего попробовать приручить предка собаки. Однако, «аргумент общепризнанности и факт очевидного и повсеместного единства взглядов в каком-нибудь вопросе сами по себе вовсе не служат критерием истинности» (Тайлор, 1989, с. 27). Представляется, что сама постановка вопроса о каких-либо прагматических (в современном понимании) причинах domestикации собаки человеком (сторож, помощник на охоте, в пищу и т.д.) является некорректной — domestикация собаки была объективным следствием сосуществования человека и ее предков. К подобному пониманию процесса domestикации собак склонялся ряд исследователей еще с начала XX века (Е. Хан, Л. Рейнхардт, Ф. Притцвальд, Б. Клатт, З. Шилляди, О. Гандерт) (Vokopuy, 1974, P. 313). Единственное, что можно было получить человеку от предка собаки «сразу», не прикладывая к этому особых усилий, — это несколько килограммов мяса и небольшую шкуру. «Мясного направления» в мотивации человека, приручающего предка собаки, придерживается ряд исследователей. Однако, вряд ли этот вывод правомерен по крайней мере для Северной Евразии. Критическому разбору взглядов исследователей (Г.А. Бонч-Осмоловский, В.В. Гольмстен, В. Герр и др.), согласно которым использование мяса собак в пищу явилось причиной их domestикации была посвящена специальная работа В.Я. Сергина (Сергин, 1971, с. 195–200), что избавляет меня от необходимости приводить здесь аргументы

против этой гипотезы. Что же касается всех остальных прагматических функций собаки, находящейся «на службе» у человека, то их осуществление предполагает выработку у животных значительного количества специальных навыков и приобретение качественно новых свойств, которые отсутствуют у диких канисовых. Этот процесс столь длителен и сложен, что просто невозможно представить себе преднамеренную постановку задачи древним человеком, реализация которой заведомо откладывалась бы на десятки и сотни лет, при этом без гарантии успеха, без опоры на предшествующий опыт в области доместикации. Что же в таком случае заставляло «работать» механизм доместикации собак?

Можно предполагать, что первые опыты «общения» человека с канисовыми уходят в глубочайшую древность, значительно выходя за рамки верхнего палеолита. Видимо, они были связаны с начальными этапами антропогенеза, когда ряд первостепенных для жизнеобеспечения (определение этой категории, принимаемое автором, см. Козлов, 1991, с. 26) проблем, стоявших перед группами ранних гоминид, и стайными хищниками (прежде всего — канисовыми) были схожими и, соответственно, были схожими мотивация поведения и многие поведенческие стереотипы (главным образом связанные с коллективной охотой на крупных животных — одного из важнейших видов деятельности в системе жизнеобеспечения ранних гоминид и канисовых) (Файнберг, 1980, с. 56–65). Это объективно сближало древнего человека с диким предком собаки (наиболее вероятно — волком), который не был для древнего охотника представителем оппозиционного и непонятного ему «мира природы», — он охотился на тех же животных с использованием тех же приемов, организация жизни стаи была близка организации жизни ранних коллективов людей. Стаи волков постоянно сопровождали коллективы древних охотников Северной Евразии. Видимо, в данном случае мы можем говорить о мутуализме, межвидовой агрегации — весьма обычном явлении в природе (Варлаков, Затевахин, 1991, с. 176–177). Здесь вполне уместен вывод Б.Ф. Поршнева о существовании «...нской тесной связи перволюдей с окружающим животным миром, какую нынешний человек не может себе и представить» (Поршнев, 1974, с. 353). На ряде памятников верхнего палеолита Северной Евразии обнаружены кости канисовых с затруднительной трактовкой степени доместикации (Афонтова Гора-II, Кокорево-I, Чулатово-I, Пушкири-II и др.). В некоторых случаях количество костных останков канисовых (волков) позволяет предполагать некое выделение человеком этих животных из своего природного окружения. Например, на знаменитой Мезинской стоянке

костные останки «частично одомашненного» волка представлены в значительном количестве — 59 особей, 10,3% от всех животных (Шовкопляс, 1965, с. 101). В качестве примеров «особого» отношения к волку кроме костных останков И.Г. Шовкопляс привлекает также данные по изображениям волков с признаками «частичного одомашнения» из позднепалеолитических памятников Франции, однако, на мой взгляд, эта аналогия не бесспорна. Отмеченные им признаки «частичной доместикиции» на изображениях волков («широкий лоб», «короткая морда») (Шовкопляс, 1965, с. 101, 102), могут быть не следствием морфологических изменений в результате доместикиции, а стилистическими особенностями изображений этих животных. Морфологических изменений, которые возникают у канисовых в результате процесса доместикиции много, но, пожалуй, единственным и безусловным признаком из этой группы, который может быть передан на различных изображениях, является крючкообразный, загнутый вверх хвост животного. Этот признак давно установлен зооморфологами (Scott, 1967, p. 371–381).

Естественная селекция на доместикационный тип поведения (на «лояльность» к человеку) различных животных проводилась древним человеком постоянно и повсеместно и, по-видимому, именно это направление определяло специфику содержания начальных этапов доместикиции. При этом, в отличие от большинства других животных, окружающих древнего человека, канисовые объективно обладали некоторыми свойствами физиологии, морфологии и психики, которые делали их предрасположенными к доместикиции. Она могла быть основана лишь на «добровольном», самостоятельном движении животного к человеку. В этом плане интересен, видимо чрезвычайно архаичный, обычай якутов, зафиксированный в поселке Чокурдах (р. Индигирка), где осенью все собаки отпускаются на волю, а хозяева перестают их кормить. По словам одного из них: «Набегается собака, а жрать ей нечего. Тогда идет она к своему хозяину. Ляжет возле дома и — никуда. Ждет когда ее накормят. Хозяин привязывает ее и приносит еду» (Русанов, 1976, с. 144–145). Понятно, что при этом возвращались не все животные, но вернувшиеся «добровольно» обладали повышенной лояльностью к человеку, закрепленной во многих поколениях собак поселка.

Потребность в общении с миром животных, в частности с канисовыми, у человека, видимо, обусловлена его биологической сферой. Так, например, в этом качестве можно рассматривать косвенное, частичное удовлетворение родительского инстинкта (Козлов, 1991, с. 25). В то же время, потребность человека в близком ему живом существе из мира

природы могла иметь и небиологические причины. По мере дистанцирования человека от мира «дикой» природы для архаического общества возникала необходимость в получении «посредника» между миром людей и внешним миром по отношению к нему миром, в частности, — в виде специального животного (Грачсва, 1983. с. 131). Роль собаки в качестве «посредника» между миром людей и внешним миром предполагает наделение ее определенными человеческими качествами. Пожалуй древнейшим археологическим проявлением подобного «очеловечивания» является контекст обнаружения погребения собаки в среднем слое VI верхнепалеолитической стоянки Ушки-I (Камчатка), которое может быть иллюстрацией того, как «...в сознании древнего человека животное и человеческое, живое и мертвое тесно соприкасались, быть может сливались, подобно членам единого сообщества» (Кабо, 1991, с. 49). Собака была погребена на внутренней площади жилища, у очага, обсыпана охрой, с набором совершенно «не нужного» животному инвентаря — ножом и концевым скребком из обсидиана, точильным камнем из песчаника (Диков, 1979а, с. 12; Диков, 1979б, с. 15; Верещатин, 1979. с. 18). Верхнепалеолитическое захоронение человека (ребенка) со многими повторяющимися чертами погребальной обрядности (во внутреннем пространстве жилища, набором каменных орудий, следами охры) известно в Мальте (Палеолит СССР, 1984. С. 329).

Более широко собака представлена в мезолитических комплексах Северной Евразии. Одной из наиболее ярких находок этого времени является погребение собаки в яме N 5 на стоянке Усть-Белая (бассейн р. Ангары). На собаке при погребении был одет ошейник с восемью подвесками из клыков марала (по четыре справа и слева), а само животное было обложено обломками крупных костей быка и рогами быка и козули (Медведев и др., 1971. с. 62–63). К эпохе мезолита относится и древнейшее захоронение собаки Северной Евразии в местах погребения людей. К ним относятся могильник Попово (р. Кинема), где разрозненные кости собак найдены почти во всех ритуальных ямах. Кроме того в погребении N 3 обнаружено ожерелье преимущественно из зубов собаки и, наконец, над ямой N 12, расположенной у погребения N 7 (где был похоронен ребенок), находились скелеты двух особей собак (взрослой и молодой) (Ошибкина, 1982, с. 182; Ошибкина, 1983, с. 185–189, 195, 196). Кстати, сравнительно недалеко от могильника, на мезолитической стоянке Нижнее Веретье-I, помимо отдельных костей от 14 особей собак обнаружены игольник из трубчатой кости собаки с нанесенным орнаментом и подвески из зубов собаки (Ошибкина, 1983, с. 138, 152, 158). Чрезвычайно интересны

погребения восьми собак, обнаруженные на мезолитических могильниках Скейтхолм-I, II (южное побережье Шведской Балтики), исследовавшихся Л. Ларссоном в 1980-х годах. Вдоль хребта одного из животных, обнаруженных на могильнике Скейтхолм-II, лежал рог благородного оленя, в районе бедренной кости находились три кремниевых лезвия, а в области грудной клетки — декорированный молоток из оленьего рога. В одном из погребений собаки обнаружен кремниевый отщеп. Кроме того, при погребении животные посыпались охрой. Две собаки из Скейтхолм-II, судя по всему, были убиты и брошены в человеческие погребения в процессе заполнения могильной ямы. В заполнении человеческих погребений встречаются отдельные части скелетов собак, что может означать предварительное расчленение животных. «Человеческий» инвентарь, сходные с человеческими черты погребальной обрядности привели Л. Ларссона к выводу замещения отдельно погребенными собаками людей-хозяев (Larsson, 1989, p. 219–220). Однако, эти факты можно интерпретировать и как свидетельство «очеловечивания» собаки, отношения к ней как к себе подобному существу. Особенно показательно наиболее «богатое» погребение собаки. В данном случае представляется, что животное выступает как вполне самостоятельный субъект обрядовых действий, а не как заместитель отсутствующего субъекта (человека). «Собака-человек» — исключительно древний сюжет и в наиболее архаичных праформах животного эпоса у различных народов мира, где многие звери вначале предстают в качестве людей и лишь впоследствии, по различным причинам, приобретают животный облик (Костюхин, 1987, с. 25–31).

Таким образом, можно предполагать, что длительный, порой затухающий, но неизменно возобновляющийся процесс доместикации собаки шел постоянно и повсеместно. Он не был преднамеренным актом со стороны человека — процесс сосуществования человека на всех этапах его развития и канисовых (имеющих предрасположенность к доместикации) объективно приводил к селекции животных по признаку лояльности к человеку. Приближая к себе предков собаки, человеческое общество реализовывало потребность в наличии некоего посредника между ним и миром «дикой» природы, который был ему необходим для знания намерений и действий внешних сил и предотвращения их возможных злонамеренных действий по отношению к людям (Грачева, 1983, с. 131). В этом качестве выступали не только собаки, но именно они, по всей видимости, находились в нем наиболее часто, поскольку были объективно ближе многих других видов животных к человеку. Очевидно, именно эта роль была главной у древнейших собак в мировоззренческих

системах наиболее архаичных обществ людей. Не исключено, что в основе характера отношений человека и собаки лежат отношения к ее предкам (прежде всего волкам) и уже на начальных этапах появления собаки они были давно сформированы и лишь трансформировались на нее. Уже древнейшие находки домашних собак Северной Евразии отражают многообразие форм ритуальной практики, в которой выступает это животное (ритуальное погребение в месте проживания людей; участие в погребальной обрядности, в частности, детской и другие формы), сохранившиеся и получившие развитие в последующие эпохи. В заключение хотелось бы отметить, что интерпретируя единичные факты проявления какого-либо феномена культуры, мы должны учитывать наличие «определенной семантической дистанции между нормой культуры и ее реальным функционированием как одного из проявлений между должным и сущим» (Мыльников, 1989, с. 31). Тот факт, что в материалах многих памятников верхнего палеолита и мезолита Северной Евразии обнаружено лишь несколько преднамеренных погребений собак даст повод предполагать, что они не являются отражением всеобщей и безусловной нормы. Следовательно, отношение к собаке уже в то время сочетало в себе крайне условно выделяемые (Байбурин, 1989, с. 76–78) «рациональное» и «иррациональное» начала.

А.М Малолетко

(Томский университет)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ ВАСЮГАНЬЯ

Взаимное соотнесение археологических памятников и палеотопонимов настолько перспективно, насколько и затруднительно, особенно при многослойности (разновозрастности) тех и других. В этом отношении редким исключением, пожалуй, является Васюганье. Здесь в археологии и топонимии зафиксировано однократное событие, которое четко выделяется на общем фоне наследия местного населения — охотников, рыболовов, собирателей. Это событие далекого прошлого (эпоха бронзы) связано с приходом сюда, в Васюганье, со стороны Иртыша (?) нового населения, основным занятием которого являлось скотоводство (коневодство). Примерно 500 лет здесь жили мигранты. За это время они не только оказали большое влияние на хозяйственную деятельность местного населения, но и создали свою топонимическую систему.

мию, следы которой дошли до наших дней, так как, очевидно, потомки пришельцев вошли в состав угорского населения Зауралья вообще и хантов в частности.

Ю.Ф. Кирюшин разделил историю Васюганья в эпоху бронзы на следующие этапы:

1. Степановский (первая четверть — середина II тыс. до н.э. Местное население развивалось на основе энеолитического. Тип хозяйства — присваивающий (охота, рыбная ловля, собирательство). Характерна керамика с гребенчато-ямочным орнаментом, бронзолитейное производство.

2. Тухэмторский (середина — третья четверть II тыс. до н.э.). Печатная техника, геометризм орнаментации (сетка, треугольники, ромбы, взаимопроникающие и заштрихованные треугольники). Развитое бронзолитейное производство турбинско-сейминского типа. Тип хозяйства — производящий (коневодство). Новации связаны с притоком пришлого населения (со стороны Иртыша ?) андроновско-федоровского круга.

3. Тухсигатский (последняя четверть II тыс. до н.э.). Керамика андронидного типа. Расцвет бронзолитейного производства и коневодства.

4. Позднееловский (начало I тыс. до н.э.). Возврат к старому хозяйственному укладу (охота, рыболовство, собирательство). Пришлые население ассимилируется аборигенами, воспринимает присваивающее хозяйство, технологию керамического производства и орнаментацию.

Какова этническая привязка пришельцев? Где находилась их изначальная родина?

На поселении Малгет (левобережье Оби ниже г. Колпашев) в памятнике эпохи бронзы была найдена керамика с изображением идущих друг за другом винторогих или саблерогих антилоп (с длинным хвостиком). Родиной этих животных является Аравийский полуостров, Африка, Передний Восток (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 168, рис. 43). Реалистично их мог изобразить только художник, который видел животных в натуре.

В Васюганье имеются гидронимы, которые не раскрываются из уральских или алтайских языков. В первую очередь, это относится к гидронимам, содержащим компонент *-лат*: Салат с притоками Самлат и Оглат (с притоком Пырталат-кыге; имеет селькупское приращение *кыге* «речка»). Справа в Васюган впадает р. Ай-Кынглат и Елле-Кынглат. У с. Айполова Васюган принимает р. Англат. В системе р. Аган (правый приток Оби) имеются рр. Вылат и Вилат. Гидронимы на *-лат* известны и в Передней Азии: Деклат и Дидшлат — древнее название р. Тигр, Хилат — одно из названий оз. Ван, Каллат «река невесты» (сир.). Праосновой

термина «вода» для всех горско-дагестанских языков является *лълъад* (*лъад*).

Васюганский ареал гидронимов на *-лат* частично совмещается с ареалом аринских гидронимов на *-зет* (*-зат*). Ингузет, Ангузет, Сульзат, Чоузет, Симузет, Кагызет, озера Ижет (Изеттино), Конгузат. Река Калат имеется в бассейне р. Кача (Красноярск) и здесь же находится с. Арейское, названное так по аринам. В системе р. Абакан известны рр. Салат и Самлат (тезки васюганских притоков) и аринский гидроним Муйзат-хол (имеет тюркское приращение *кол* «речка»). Создается впечатление, что гидронимы на *-лат* также созданы аринами или родственными им племенами, исчезнувшими незадолго до прихода русских или же незафиксированными ими.

В языке угров известно немало слов, которые выпадают из лексикона уральских языков, но имеют сходения с нахско-дагестанских и адыго-абхазских (Малолетко, 1989), родство которых с неиндоевропейскими языками Передней Азии не вызывает ныне сомнений. В частности, географический термин *игай* (хант.) «(средних размеров) речка» не имеет аналогов в финно-угорских, но в цезск. *игъу*, хварш *еху*, гинух. *иху*, *ехе*, гунз. *эху* «река»; хант. *нех* «речка» — лак. *нех* «река»; хант. *инк* «вода» — ахв. *инхе*, гунз. *энху* «река»; хант., манс. *амп* «собака» — лезг. *ампа* «собака» хант. *юх* «дерево» — рут. *йух* «береза», гунз. *рыху* «тополь» анд. *беху* «береза» (начальный согласный является классным показателем). В языке березовских вогулов (манси) в XVIII в. бытовало слово *латень* «река» (сравни. словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы, ч. 1, 1787).

Нами археологическая аномалия (внедрение в среду таежных охотников и рыболовов иноязычных скотоводов андроновцев-федоровцев) и топонимическая (гидронимы на *-лат*), а также дублетные понятия в языке угров, сходения с кавказскими языками увязываются между собой и принимаются как синхронные события. Можно высказать в связи с этим предположение, что этими пришельцами и создателями забытых гидронимов были выходцы из Передней Азии неиндоевропейцы (алародийцы) по языку (потомки хаттов касков, хурритов, касситов, носителей Куро-аракской культуры). Следовательно, исходя из этой версии, изначальной прародиной андроновцев-федоровцев была Передняя Азия, в основном Анатолия. Мигрировавшие на Северный Кавказ выходцы из Передней Азии были частично ассимилированы аборигенами — матуризованными кроманьоноподобными типами, очевидно, кельтами по языку. Несомненно, и в материальной культуре мигрантов произошли адаптационные

процессы. Язык пришельцев сохранился, обогатившись в ходе контактов с кельтами (?). Бросок на Южный Урал привел к дальнейшей трансформации материальной культуры. Лесостепь, границы которой в эпоху бронзы были смещены к северу, стала ареной интенсивных этногенетических процессов в результате взаимодействия с местным древним финно-угорским и, в меньшей мере, самодийским населением. В ходе взаимодействия пришлого и местного населения на юге Западной Сибири сформировалась группа родственных андронидных культур (черкаскульская, сузгунская, ирменская), которые дали в свою очередь серию дочерних культур (поздняя ирмень, первый этап большебереченской культуры).

В угорских языках сохранилось много слов, в том числе и топонимов, из базовой лексики пришельцев. Это можно объяснить консервацией иноязычных слов, заимствованных из чужого языка в ходе тесных контактов и вероятного былого двуязычия (ср. слово *парихмахер*, сохранившееся в русском, но исчезнувшее из языка немцев). Очевидно, в составе угров долгое время функционировали если не языковые, то физические потомки древних пришельцев. В частности, ивдельские манси физически похожи на кетов Енисейского края.

Г.В Скопинцева

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

1. В археологической науке утвердилось положение, что зарождение археологии как науки связано с формированием «ученых дружин» (Каминская А.Г., 1985; Сплицын А.А., 1906; Жук А.В., 1992). Исследователи считают, что самой мощной «ученой дружиной» в России была «дружина» императора Петра I. В Сибири мощной была «дружина» выходца из ближайшего окружения Петра I князя М.П Гагарина (Жук А.В., 1995). Не отрицая самого факта существования ученых дружин в России, следует отметить, что начало археологических изысканий в России было пронизано государственным (правительственным) началом. В правительственных указах Петра I были заложены основы археологической программы: графическая фиксация древних памятников, требование составления каталога с кратким, но ясным описанием и рисунками археологических предметов. Следить за исполнением указов предписывалось государственным чиновникам-губернаторам и уездному начальству (Кызласов Л.Р., 1962). Руководители Первых Академических экспедиций считали, что они выполняют поручение Первого лица

в государстве — императора и обязаны перед ним отчитываться. Так, П.С. Паллас на титульном листе своей книги «Путешествие по разным местам Российского государства», писал, что эта книга является отчетом «всеподданнейшего раба ее императорского Величества светлейшей Государыни Екатерины Великой» (Паллас П.С., 1786).

2. Ярким подтверждением государственного начала истоков археологии является поведение администрации Кольвано-Воскресенских заводов, которая на протяжении 18 и 1-ой пол. 19 века, выполняя указания свыше, поощряет археологические изыскания своих рудознатцев и горных инженеров. Изыскатели, во время поисков новых рудных месторождений фиксируют не только остатки древнего горного дела, но и археологические памятники.

3. Из среды горных инженеров КВЗ формируется слой археологов-краеведов. Во 2-ой пол. 18 века ярко проявили себя на этом поприще преподаватель Барнаульского горного училища, минералог, палеонтолог, автор первого систематического описания Кольвано-Воскресенских Заводов Иван Михайлович Ренованц, минералог, горный инженер с 1786 года Герман Иван Филиппович (Иоган Франц Бенедикт) и другие инженеры. Из рудознатцев следует отметить Л. Феденева и Н. Шангина. Археологические изыскания горных инженеров продолжаются и в 1-ой пол. 19 века — А.И Кулибин, И.И Шангин, А.И Шангин.

4. Исследователи Южной Сибири 18 — 1-ой пол. 19 века стояли у истоков формирования научных идей в археологии. Они создают первые классификации Сибирских древностей (Д.Г. Мессершmidt, Ф.И Страленберг, Г.Ф Миллер, И.Г Гмелин, П.С. Паллас, Г.И Спасский), формируют основные направления гипотез об этнической принадлежности древних обитателей Южной Сибири. Д.Г Мессершmidt считал их скифами, П.С. Паллас и Э.И Эйхвальд — финно-уграми, Г.И Спасский — гуннами. М.А Кастрен обосновывает гипотезу об этногенетическом родстве финно-угорских, самодийских, монгольских, тюркских и тунгусо-манчжурских народов (Радлов В.В., 1894; Миллер Г.Ф., 1937; Паллас П.С., 1780; Эйхвальд Э.И., 1858).

5. Самый значительный вклад в изучение лесостепного Алтая в 1-ой пол. 19 века внес Г.И Спасский. На Алтае произошло становление Спасского как археолога. Он прошел путь от чиновника уездных судов Бийска и Кузнецка до археолога, изучающего древности Северного Причерноморья (Жамбалов Н., Сергеев А., 1968; Демин М.А., 1989). Из 14 лет, проведенных в Сибири, 8 лет ученый занимался изучением Алтайских древностей:

а) Он открыл и описал много новых археологических

памятников, большая часть которых была вскоре уничтожена (древние рудники, городища, наскальные рисунки, надписи). Редкая древнетюркская надпись на утесе у реки Чарыш сохранилась для науки только благодаря точной копии Спасского (Спасский Г.И.; Демин М.А., 1989).

б) Из разграбленных курганов и собственных раскопок исследователь собрал богатую археологическую коллекцию, которая сохранилась до настоящего времени.

в) Изучение древних рудников позволило Г.И Спасскому прийти к выводу об их одновременности и принадлежности различным древним народам (Спасский Г.И., 1819). Это был смелый вывод, так как его предшественники и коллеги считали их принадлежностью одного народа — «чуди».

г) Из всех археологических источников Спасский, как и Страленберг наиболее ценными считал рисунки и надписи на камнях и скалах. Им была разработана методика копирования наскальных рисунков. Следует отметить, что исследователь разделял наскальные рисунки как начальную ступень рисуночной письменности, и письма. Он считал, что рисуночное письмо (Спасский Г.И., 1818) отражало повседневную жизнь его создателей — «простого, необразованного народа, сходного в обыкновениях жизни с настоящими сего края кочевыми обитателями». Спасский попытался прочесть рисуночное письмо, как он считал, «необразованного народа» не потому что он к нему очень хорошо относился, как считал М.А Демин (Демин М.А., 1989), а потому, что создатели этого «письма», ввиду своей отсталости, не могли в изображении людей и животных вкладывать какой-то тайный смысл, следовательно, их можно легко прочесть (Спасский Г.И., 1857).

д) В своих археологических исследованиях Г.И Спасский использовал этнографические наблюдения (объяснение погребения человека с конем) (Спасский Г.И., 1818). Он предпринял попытку решить вопрос об антропологической принадлежности погребенных в курганах людей и каменных изваяний, стоящих на этих «чудских» курганах. Исследователь попытался объяснить причину одиночных и коллективных захоронений, труположения и трупосождения (Спасский Г.И., 1818).

Таким образом, до отъезда Г.И Спасского в Центральную Россию сложились его взгляды, как археолога, отражающие общую тенденцию становления археологии как самостоятельной науки.

6. К середине 19 века исследователи осознают, что на ограниченном археологическом материале нельзя создать глобальные схемы исторического развития древнего населения, что необходимы крупномасштабные археологические раскоп-

ки. В Южной Сибири такие раскопки связаны с именем В.В. Радлова. Массовый археологический материал становится основой для создания культурно-хронологических периодизаций.

7. В своем формировании археология как самостоятельная наука прошла длительный период «собирания материалов» — от первых известий о древних памятниках до становления археологического источниковедения. Важную роль в этом становлении сыграли сибирские исследователи. Поэтому нельзя согласиться с мнением А.А. Формозова о «незначительных успехах Сибирской археологии» в 19 веке (Формозов А.А., 1986). Сибирская археология стояла на одном уровне с Общероссийской в период ее становления как самостоятельной науки.

А.П. Уманский

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

ЧЕРТЕЖИ ТОМСКОГО И КУЗНЕЦКОГО УЕЗДОВ С.У. РЕМЕЗОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Во всех трех чертежных собраниях С.У. Ремезова и его сыновей [1] есть чертежи, на которых зафиксирована политическая и этнографическая ситуация в Верхнем Приобье и Горном Алтае в конце XVII века. Наибольшее значение из них в качестве исторического источника имеют чертеж Томского и Кузнецкого уездов. В одной из работ мы уже достаточно подробно останавливались на этом сюжете [2]. В настоящей заметке нам хотелось бы, сопоставляя показания актовых материалов XVII-нач. XVIII столетия с данными сибирской картографии того же времени, дополнить и уточнить некоторые аспекты.

1. Джунгарские ханы в первой половине XVIII века настойчиво утверждали, что между Россией и Джунгарией издавна существовала четко фиксированная граница. Так, во время переговоров с послем Петра I капитаном от артиллерии И. Унковским в 1722–1724 гг. владетель Джунгарии Цэван Рабдан убеждал русского дипломата в том, что эта граница проходила по притоку Оби реке Уень, где на деревьях якобы были сделаны специальные затесы [3]. В настоящее время Уенью называется собственно не река, а протока Оби на ее левобережье; нам удалось идентифицировать ее с р. Ион ремезовского чертежа Томского Уезда. Мы

установили также, что в XVII в. Уенью называли и современный правый приток Оби — р. Иня (в Новосибирской области). Название «Уень» («Ион», «Иня») происходит из телеутского «уйен», что означает «медленный», «медленная». Видимо, и протока Оби Уень-Ион и приток Оби справа Уень-Иня получили свое имя из-за медленного, спокойного течения.

На самом деле, в исторической реальности, Джунгария и Россия в приобском регионе территориально не соприкасались: их разделял буфер в лице «Телеутской земли» (так называли и собственно телеутов и область их обитания в Верхнем Приобье и Горном Алтае). А вот граница между Телеутской землей и русскими уездами зафиксирована в ряде русских актов конца XVII-нач. XVIII вв. и чертежами сибирских уездов в собраниях Ремезовых. Конечно, это не была граница в современном понимании, а нейтральная полоса, которую русские власти именовали «межой с Телеутской землей» или «телеутской межой».

Где начиналась и где кончалась эта «межа» в Верхнем Приобье? По джунгарским данным, это была не «межа», а граница, которая проходила по линии р. Ион-Уень (на левом берегу Оби) — р. Уень (Иня) — правобережье. Точка зрения русских властей по этому вопросу нашла отражение на чертежах Томского уезда: в двух текстах здесь рубежом с Телеутской землей называется р. Бердь на правобережье Оби; кроме того под р. Бердь есть текст «межа с Телеутской землею», а под р. Лаилахан (впадает в Обь справа выше Берди) еще один — «межа с телеутами». На левом берегу Оби под р. Ирмень есть подпись «З. Телеутца», значит, Ирмень была южным рубежом «телеутской межи» [4]. Что касается северного рубежа ее, то он не обозначен на чертеже, но мы считаем, что он проходил не по р. Агунуса (как мы предполагали раньше), а по р. Ион-Уень: в ряде документов начала XVIII в. утверждается, что д. Кривошекина (Кривошеково) возникла у самой Телеутской межи, именно здесь служилые томичи пересекали межу во время нелегальных поездок с торговой целью к телеутам [5].

Таким образом, чертежи Томского уезда в полном согласии с актовыми материалами подтверждают наличие пограничной зоны, но не между Россией и Джунгарией, а между Россией и Телеутскими Улусами. Но ханы Джунгарии неслучайно именно в первой четверти XVIII в. стали заявлять свои претензии на территории до рр. Ион-Уень: к этому времени они окончательно подчинили приобских телеутов, а потому область их кочевания стали включать в пределы своего ханства. Однако русские власти, судя по чертежам, не признавали владельческих прав ни ханов, ни телеутских

князей на район междуречья Ини и Берди. И понятно почему: в Тоболгане (так назывался лес между Иней и Бердью), промыслили соболей, бобров и др. зверя еще в конце XVII в. Поскольку эти зверовья считали своими и Телеутские Улусы и телеуты, выехавшие на царское имя в Томск и Кузнецк (кроме того, тут охотились и чатские татары и русские промысловики), то здесь не раз происходили стычки из-за бобровых речек и др. угодий. Так, в 1676 г. здесь был убит глава кузнецких выездных телеутов Б. Мамрачев по приказу телеутского князя Табуна, люди которого не раз предьявляли претензии томским послан по поводу нарушения их прав собственности на зверовья [6]. Чтобы покончить с этими распрями, кузнецкий воевода И. Конищев предложил включить Тоболган в русские пределы, отодвинув рубеж с телеутами на р. Бердь. Именно этот рубеж (межа между Бердью и Лаилаханом) и была зафиксирована на чертежах Томского уезда.

2. Многие историки полагают, что в Сибири народная колонизация обычно шла впереди правительственной. Но, судя по чертежам Томского и Кузнецкого уездов, применительно к Верхнему Приобью этого утверждать нельзя: напр. на чертеже Томского уезда южнее р. Ион на левом берегу Оби и южнее р. Иня — на правобережье не обозначено ни одной русской деревни; только на северном берегу р. Иня нанесена д. Гутова. А на левом берегу Оби, как мы уже знаем, у самой межи с телеутами в нач. XVIII в. построилась д. Кривошекина. Выходит, что русские крестьяне не рисковали расселяться за государственный рубеж России. Больше того: если не считать д. Гутову, то фактически русских деревень не было и значительно севернее телеутской межи — до Уртамской слободы и р. Ояш.

3. На чертеже Томского уезда на правом берегу р. Аяш (Ояш) нарисован значок в виде двух смежных треугольников и рядом написано слово «Руда». На появление этого значка проливает свет найденная нами отписка томского воеводы В. Ржевского на царскую грамоту, предписывавшую ему поиск серебряных руд. Воевода сообщает, что в 1697 году он посылал за образцами руд на р. Каштак С. Тупальского и В. Алпатова, а на р. Обь и ее притоки с. б. Алексея Круглика «с товарищи». А. Круглик, по словам воеводы, нашел руду на речке Ояш, где-то на острове, где «жила» ее вышла в воду «промеж камени». Он прокопал шурф («снизу вверх») и «подписав ярлыки, которая руда с которой жилы и насколько аршин в глубину и привез в Томской ... в разных мешках пуд з десять». Дальше описано место находки: «А где та руда явилась и того места будет де в длину сажень на 30, а поперег сажени на 2 и на 3. А по

обе де стороны того места течет речка Аяшь. В глубину та речка сажени в полтретьи. Подле той речки Аяшу с одну сторону в вышину речка сажени в полтретьи. Подле той речки Аяшу с одну сторону в вышину сажен 10, а на другой де стороне той речки место низкое, вышел мыс в длину сажен на 30, а поперег сажен на 6. А от Томского до того вышеописанного места на лошадях ехать полтора дни». Описаны были и угодья по Ояшу: «А от Оби реки по Аяшу речке до того места, где руда, ехать лесом версты три или четыре и около той руды обошли великие леса, а в тех лесах соболиные и бобровые и иные всякие звериные промыслы. А кочюют около тех урочищев чатцкия татаровя и ясашные люди розных волостей». Воевода «чертежи тем всем рудам учинил... со всякою подлинною очискою» и, запечатав сумы с образцами печатью г. Томска, отправил их с нарочными в Москву [8]. В руде, видимо, серебра не оказалось, но «месторождение» на Ояше было отмечено на чертеже уезда. Вскоре близ его А. Круглик построил свою деревню-однодворку, которая обозначена на чертеже (на правом берегу р. Бакан).

4. На чертеже Кузнецкого уезда на левом берегу Оби к северу от реки Дюля (Калманка?) показаны живущими «белые калмыки Табуновы», а южнее их, в долинах рр. Алея и Чарыша — «белые калмыки Шадаевы» [9]. Г.Н. Потанин утверждал, что такого племени («белые калмыки Шадаевы») ни в XVIII, ни в XIX вв. не было [10]. Но на чертеже здесь названы не племена а Улусы телеутов. Как нам удалось установить, с конца 20-х гг. XVII в. единый Улус Абака разделился, с тех пор в одном из них правили потомки Абака, в другом — Мачика Койшебурина. Последнему (умер в 1688 г.) наследовал его старший сын Шаадай, а Табун был внуком князя Абака. Таким образом, на чертеже зафиксирован очень важный факт в политической истории Телеутской земли XVII в. К сожалению, объем публикации не позволяет остановиться на других сюжетах чертежей С.У. Ремезова.

Источники и литература

1. Имеются ввиду: Эрмитажное собрание, хранится в рукописном отделе Гос. публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина под № 237; Румянцевское собрание, изданное в 1882 г. в Санкт-Петербурге под названием «Чертежная книга Сибири 1701 года»; собрание Воронцовых-Дашковых, изданное Л.С. Багровым в 1958 г. в Нью-Йорке под названием «Хорографическая книга».
2. Уманский А. Телеутская земля в XVII столетии // Ученые записки Горно-Алтайского НИИЯЛИ. Вып. 8. Барнаул, 1969. С. 41–62.
3. Посольство к эюнгарскому Хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724

- годы. СПб., 1887. С. 236–237 и др.
4. Чертежная книга Сибири 1701 года. СПб., 1882. Л. 12.
  5. ЦГАДА. Ф. 214 Оп. 5 Ед. хр. 2691 Л. 1–31; Ед. хр. 1307 Л. 23 об. 27.
  6. ААН Ф. 21 Оп. 4 Кн. 18 NN 137, 138, 143 Л. 234–236 об., 247, 258 об.
  7. Там же N 180 Л. 338 об.; N 202 Л. 371–371 об. Тем не менее на чертеже Куанецкого уезда телеуты показаны живущими между реками Бердью и Иней, хотя они откочевали в предгорья лет 30 назад.
  8. ЦГАДА Ф. 199 Портф. 478 Ч. III N 41 Л. 4–4 об. и др.
  9. Чертежная книга Сибири 1701 года. Л. 14.
  10. Потанин Г.Н Рецензия на «Чертежную книгу Сибири» 1701 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. 227 М., 1883. С. 315 и сл.

М.А. Демян

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ XVII В.

Подлинная история Сибири, по трактовке писателей XVII в., начиналась только со времени ермаковского похода, который и был поставлен в центр исторических повествований. Однако летописные традиции, предполагавшие обращение к первоначальной точке исторического отчета, видимо, требовали от авторов воспроизвести некоторые события до-русской Сибири.

Сочинения Есиповской группы и Строгановская летопись приводят генеалогию сибирских князей, почерпнутую, по мнению исследователей, из татарских устных источников и восходящую к полумифическому Тайбуте, сыну мусульманского царя Она. С помощью войск Чингисхана ему, согласно летописным текстам, удалось захватить земли по Оби и Иртышу, и основать город Чингиден (Чинги-Туру) — будущую Тюмень.

Составители повествований пытались ответить на вопрос, что за люди обитали в южной части Западно-Сибирской равнины до того, как она попала в сферу политики Чингисхана. Есиповская летопись Основной редакции сообщает, что Тайбуга завоевал земли, «идеже живяху чюдь». Ниже эта же мысль приобретает обобщающий характер: «Прежде бо живяше чюдь по всей Сибирстей земли...». Сведения о чуди, заимствованные, видимо, из общего протографа, повторяются и в других летописных памятниках. Никаких подтверждений эта информация не получала, что и подчеркивалось авторами произведений: «Посему и писания несть».

Отголоски преданий о чуди и первых сибирских ханах содержатся в составленной в конце 60-х годов XVII в. «Ведомости о Китайской земле и о Глубокой Индси». Основное место в ней занимают различные сведения о Китае. В связи с этой темой, со слов тобольских татар, бухарцев и «природного китайца» приводится предание о проживании в древности китайцев в Западной Сибири, по Иртышу, Тоболу, Исети и Ишиму. Сказание приписывало им археологические памятники Южной Сибири и Урала: курганы с находками в «гробах» золотых и серебряных вещей, городища, остатки «тризны» и строений («до ныне по степям города и полати во многих местех знатно»), следы горно-металлургического дела. Легенда объясняла уход китайцев появлением леса («та земля их рогата быть»), знаменовавшем пришествие завоевателей-мусульман. Согласно «Ведомости...», миграция китайцев в Центральную и Восточную Азию заняла длительный период, начиная с трех-четырех тысячелетий и заканчивая четвертым-пятым столетиями тому назад.

В сочинении предložена трактовка происхождения слов «Сибирь» — «сибиряне». Их этимология выводилась из соседствия древнего названия зауральских китайских земель «Скирь» и татарского произношения пришедших сюда после китайцев зырян-сырян. По версии «Ведомости...», мусульманский князь Тайбуга, «Мамыков сын», завладел именно сырянами-сибирянами, и «от того завелись сибирские цари и множество татар». Предложенный вариант известной по летописям ономастико-генеалогической легенды в отличие от С. Есипова рассматривал первопоселенцев и давал объяснение терминам «Сибирь»-«сибиряки» в связи с историей реально существующих народов, а не мифической «чуди».

Однако расхождение фольклорных известий о древних обитателях Зауралья, видимо, заставило автора «Ведомости» обратиться к еще одному преданию, которое плохо согласовывалось с предыдущим текстом, но зато вводило знакомый по летописным и устным рассказам этноним «чудь»: «В та же вышеписанная времяна... [в верховьях Яика и Гатны] старо-туто-жители с теми сибирцы, что ныне китайцы и чюдь, копали и плавили серебряную и золотую руду: множество ея и добра». Южноуральские народы, передавшие эту легенду, вероятно, еще не отождествляли, как это будет позже, все старинные горные выработки с деятельностью загадочной чуди, а тем более китайцев, и выдвинули не конкретное, но весьма точное смысловое обозначение древних обитателей края: «старо-туто-жители».

Таким образом, вышедшее из недр Тобольской воеводской канцелярии сочинение под названием «Ведомость о Китайской земле и о Глубокой Индси» по рассматриваемому

вопросу опиралось на несколько аборигенных фольклорных источников («по ведомости тобольских татар и бухарцев и сибирцов», «по иной ведомости природного китайца через калмыцкой язык», «некоими ведомостьми... через калмыцкие и башкырские и татарские языки»). В соответствии с ними приводились разные версии древней, дотатарской, истории края, связанные с именами как исторических (китайцы, коми-зыряне), так и неизвестных народов («чюдь», «старо-туто-жители»).

В целом интерес авторов литературно-исторических сочинений к прошлому Сибири можно сопоставить с традиционным вниманием русских летописцев к библейскому первородству и полумифическим родоначальникам. Однако писателей XVII в. фольклорные толкования сибирской старины уже полностью не устраивали. Они выражали сожаление по поводу сомнительной достоверности известий (сочинения Есиповской группы), вообще игнорировали ввиду отсутствия подтверждений распространенное предание о чуде (Хронографическая повесть), предлагали свою интерпретацию событий (Бузуновский и Новый летописцы), в поисках первопоселенцев обращались наряду с легендарными к историческим народам («Ведомость о Китайской земле...»).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В.И. Матющенко.</i> АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ НА ПЕРЕПУТЬЕ	3
<i>В.И. Молодин.</i> НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ПАЗЫРЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ С МЕРЗЛОТОЙ	5
<i>А.И. Мартынов.</i> О ПРИНЦИПАХ ДАТИРОВКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА СИБИРИ	8
<i>Л.А. Чиндина.</i> НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ В КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	13
<i>Д.Г. Савинов.</i> К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СТРЕМЯН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ	16
<i>В.В. Бобров.</i> К ДИСКУССИИ О ТЕРМИНЕ И ПОНЯТИИ «ЭНЕОЛИТ»	20
<i>Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров.</i> АНДРОНОВСКИЕ НАХОДКИ НА ВЕРХНЕМ ЧУМЫШЕ	22
<i>Ю.С. Худяков.</i> КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ЕНИСЕЕ	27
<i>Н.А. Томилов.</i> ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СИСТЕМЕ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ	29
<i>В.Т. Петрин.</i> О РАННЕМ ПРОЯВЛЕНИИ МИКРОПЛАСТИНЧАТОЙ ТЕХНИКИ НА АЛТАЕ	32
<i>Ж.К. Таймагамбетов.</i> ОБ АВТОХТОННОСТИ МУС-ТЪБЕРСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАЗАХСТАНА	35
<i>А.Л. Кунгуров.</i> ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА АЛТАЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ	37
<i>Л.М. Чевалков.</i> ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СИБИРИ	39
<i>Т.И. Нохрина, Ж.К. Таймагамбетов.</i> УКРАШЕНИЯ ИЗ КАМНЯ, КОСТИ И РАКОВИН ИЗ ПЕЩЕРЫ КАРАУНГУР (ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН)	42
<i>Б.А. Коников.</i> К ВОПРОСУ О ВООРУЖЕНИИ И ВОЕННОМ ДЕЛЕ НАСЕЛЕНИЯ ОБЪ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И ТАЙГИ ЭПОХИ БРОНЗЫ	44
<i>Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин.</i> НОВЫЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА	46
<i>П.М. Кожин.</i> ФУНКЦИИ И ТРАДИЦИЯ В АФАНАСЬЕВСКОЙ КЕРАМИКЕ	49
<i>Н.Ф. Степанова.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭПОХЕ БРОН-	

ЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ	53
<i>А.Б. Шамшин.</i> НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО АЛТАЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ	55
<i>А.А. Тишкин.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОГО АЛТАЯ	57
<i>Н.П. Матвеева, А.В. Матвеев, В.Я. Хренов.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ НИЖНЕ-ИНГАЛЬСКОГО I КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА	61
<i>Я.В. Фролов.</i> ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ VI-I ВВ. ДО Н.Э. БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ СОТРУДНИКАМИ АЛТАЙСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА	64
<i>Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Казаков.</i> КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН 2 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДКИ 1991 Г.)	68
<i>Т.Н. Трошцкая.</i> СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ	73
<i>Ю.Т. Мамадаков.</i> КОЛЮЩЕЕ ОРУЖИЕ БУЛАНКОБИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	75
<i>Г.В. Кубарев.</i> ИЗОБРАЖЕНИЕ БЫКА В ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ	78
<i>А.С. Суразаков.</i> СВЯТИЛИЩЕ БОЛЬНОЙ ЯЛОМАН III	82
<i>В.Н. Елин, О.В. Ларин.</i> К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕТРОГЛИФОВ	84
<i>Т.И. Нохрина, И.В. Усачева.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАЛКОСОДЕРЖАЩИХ ПОРОД ДРЕВНЕЙШИМ НАСЕЛЕНИЕМ УРАЛА	87
<i>А.В. Новиков.</i> ДРЕВНЕЙШИЕ СОБАКИ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	88
<i>А.М. Малолетко.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ ВАСЮГАНЬЯ	94
<i>Г.В. Скопнищева.</i> ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ	97
<i>А.П. Уманский.</i> ЧЕРТЕЖИ ТОМСКОГО И КУЗНЕЦКОГО УЕЗДОВ С.У. РЕМЕЗОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ	100
<i>М.А. Демин.</i> ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ XVII В.	104

Актуальные проблемы сибирской археологии
Тезисы научной конференции

Редактор , корректор

А.Б. Шамшин

Технический редактор

А.В. Максимов

ЛР 020261 от 30.10.91
Н/К

Подписано к печати 27.02.96. Печать офсетная
Бумага для множительных аппаратов.
Уч.-изд. л. 5,56. Тираж 300 экз. Заказ № 1204 К.

Типография издательства АГУ:
656099, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Юрий Федорович Кирюшин — крупный исследователь древних культур Сибири, известный археолог, педагог и организатор науки, доктор исторических наук, профессор, автор более 150 научных работ по археологии Сибири. Сборник материалов этой конференции посвящается его 50-летию юбилею.